

№ 11

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Ильгар САФАТ. Чеховское ружье. Пьеса	3
Саули НИНИСТИЁ. Рассказы	74
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. Ностальгические истории	102
Лейла БЕГИМ. Миниатюры	125

ПОЭЗИЯ

Афаг РАФИГГЫЗЫ. Сонеты	26
Юрки ИХАЛАЙНЕН. Стихи	82
Гюнель ЭЙВАЗЛЫ. Стихи	118
Тофик АГАЕВ. Пожить бы чуточку вечно. Девостишия	130

ПУБЛИЦИСТИКА

Иса ГАБИББЕЙЛИ. Мир статусов и смс Рашада Меджида	28
Дания ЗАГИДУЛЛИНА. Властитель судьбы и любимец Ее величества Науки	33
Александр ХАКИМОВ. Человек на картинках	39
Ширин МАНАФОВ. Очерки	86

2019

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,</i> Кымаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 21.10.2019г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

В публикуемые материалы

редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ИЛЬГАР САФАТ

ЧЕХОВСКОЕ РУЖЬЕ

Пьеса

«Существует нечто, перед чем
отступают и безразличие созвездий,
и вечный шепот волн, –
действия человека, отнимающего
у смерти ее добычу».

Древнеегипетский текст

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РЕЖИССЕР
ЖЕНА РЕЖИССЕРА
ЧЕХОВ
РЕПОРТЕР
ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА
МОЛОДОЙ АРТИСТ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
ДИРЕКТОР ТЕАТРА
УБОРЩИЦА
ШЕКСПИР
БЕККЕТ
АНУБИС

СЦЕНА 1

*На театральной сцене появляются два человека: Режиссер и Репортер.
Садятся за столик среди груды реквизита.*

РЕПОРТЕР. Почему вы назначили встречу именно здесь? На сцене! Тут как-то неуютно и – сыро. (Чихает.)

РЕЖИССЕР. А вы – против? Будьте здоровы! Вам здесь не нравится?

РЕПОРТЕР. Благодарю. (Достает платок.) Немного жутковато. Темно. (Сморкается.) Того и гляди, накинется какой-нибудь Калибан.

РЕЖИССЕР. Вы правы. Сцена – магическое пространство. Сейчас здесь тихо. Но скоро начнется спектакль. И все оживет.

РЕПОРТЕР. Вы хотели сказать: «пустое пространство»?!

РЕЖИССЕР. Да, да, есть такая книга. Питер Брук. Но мне больше нравится, как описывает сценическое пространство Антон Павлович Чехов: (*После паузы.*) «...черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть...»

*В ворохе реквизита начинают бить часы с кукушкой.
Кукушка хрипло отсчитывает время. В какой-то момент застrevает в окошке.*

РЕПОРТЕР (озинаясь). Вы задались целью меня попугать? Не удастся! Я, в силу своей профессии...

РЕЖИССЕР (перебивая). Что вы? Я и не думал пугать вас!

РЕПОРТЕР. Тогда почему мы здесь?

РЕЖИССЕР. Видите ли, в чем дело? Сцена – это все, что у меня есть. Пусть это не прозвучит пафосно, но только сцена вносит в мою жизнь какой-то смысл. Хотя... (*После паузы.*) Если честно, смысла этого все равно недостаточно для того, чтобы жить. Но здесь я, по крайней мере, не так одинок, здесь я не чувствую себя... тенью. Понимаете, о чём я?

РЕПОРТЕР (убирает платок). Конечно, я вас понимаю – театр, сцена! Тут вы в своей стихии! Вы – демиург! Ну, а мне, если честно, было бы уютнее в каком-нибудь тихом кафе. Под солнцем. Среди людей. Вы смеетесь?

РЕЖИССЕР. И не думал! Вам комфортно среди людей. Мне – среди призраков. У каждого своя компания.

Репортер брезгливо озирается по сторонам. Прислушивается.

Внутри хлама слышится какое-то юркое копошение и писк.

РЕПОРТЕР. Здесь, наверное, полно крыс!

РЕЖИССЕР. Крысы? Конечно, крысы наши музы! Без них театр мертв! (*Меняется в лице*) Но не будьте так капризны! Впервые встречаю такого щепетильного щелкопера! Ведь вы, как уличные девки, идете, куда вас поведут!

РЕПОРТЕР. Что вы хотите этим сказать? Я не понимаю!

РЕЖИССЕР. Не обижайтесь! Это я фигулярно!

РЕПОРТЕР. «Фигулярно»? Гмм. Однако.

РЕЖИССЕР. Мы с вами существуем только рядом с каким-нибудь событием, лишь благодаря нашим персонажам! Вы – как журналист, я – как режиссер! Такова наша профессия или, лучше сказать – наша природа! Ни вас, ни меня – нас, самих по себе, попросту не существует!

РЕПОРТЕР. Говорите за себя одного. Апч-хи!

РЕЖИССЕР. Вот я вам лучше налью рюмочку коньяка. Чтобы согреться.

*Режиссер достает из бутафорского шкафа графин и рюмку.
Делает вид, будто что-то в нее наливает. Передает рюмку Репортеру.*

РЕПОРТЕР. Благодарю. И правда очень сырь.

*Репортер берет рюмку. Хочет из нее выпить.
Но содержимое из рюмки не вытекает. Он с изумлением смотрит на Режиссера.*

РЕЖИССЕР (смеется). Это театр! Нельзя быть таким простаком! Ха-ха! Реквизит!

*Репортер раздраженно ставит бутафорскую рюмку на столик.
Отворачивается. Втягивает голову в плечи.*

РЕЖИССЕР. Ну хватит дуться! Я ведь пошутил! Пошутил! Вот, это уже по-честному! Без дураков! Чтобы согреться! Глотните!

*Режиссер достает из внутреннего кармана фляжку.
Наливает коньяк в рюмочку-крышку. Протягивает ее Репортеру.*

РЕПОРТЕР. Нет, благодарю! Давайте начнем! Я не намерен торчать тут весь вечер! Скоро начнет собираться публика! У нас мало времени!

РЕЖИССЕР. Ну, как хотите. А я выпью. (Выпивает.)

*Репортер достает диктофон. Ставит перед Режиссером на столик. Включает.
Режиссер выпивает из фляжки. Прячет ее в карман.*

РЕПОРТЕР. Весьма странная идея – дать интервью за кулисами перед спектаклем! Вас это не отвлекает от работы? Все-таки Чехов, «Иванов»! Вы разве не должны настроиться, повторить текст с артистами? Обычно театральные люди неохотно общаются с прессой перед выходом на сцену!

РЕЖИССЕР. Вы правы! Считайте, что это наша дань театру, как таковому. Дань сцене. Театр – это мышеловка. В нее попадаются не только люди. И грань тонка: где призрак, где человек? Не разобрать! Сплошная путаница!

РЕПОРТЕР. Все так беспросветно? И нас ничто не избавит от этой путаницы?

РЕЖИССЕР. Могли бы, конечно, помочь женщины. Но женщины устали. А когда они устают, все к чертям собачьим рушится! Мир останавливается! Рвется пуповина, и человек абортируется в абсурд! Понимаешь, приятель, о чем я? (Неприятно смеётся)

РЕПОРТЕР. Звучит устрашающе. Вы действительно в это верите?

РЕЖИССЕР. Иначе я не стал бы об этом говорить!

РЕПОРТЕР (с иронией). Боюсь, мы не сможем проверить истинность вашей теории. Наши женщины никогда не устанут. Это выглядит слишком фантастично.

РЕЖИССЕР. Как вы наивны, молодой человек! К современным женщинам нужно приставлять полицейских, чтобы они занимались своими детьми! Разве так обстояло дело лет двадцать тому назад? Что будет дальше?

РЕПОРТЕР. И все-таки, вы сгущаете краски. Но почему «Медея»? Ведь вы решили взяться за Еврипида, насколько мне известно?! Не связано ли это с вашей недавней... с той трагедией...

РЕЖИССЕР. Притормози, дружище! Ты суешь нос слишком глубоко!

РЕПОРТЕР. Что вас так взбесило? Я еще и спросить ничего не успел!

РЕЖИССЕР. Для грязной газетенки, с которой ты кормишься, это, конечно, в порядке вещей, но в другом месте за подобные вопросы тебе набили бы морду! Усек?!

РЕПОРТЕР. Но нашим читателям интересно знать...

РЕЖИССЕР. Плевать мне и на тебя, и на твоих читателей. Смени пластинку.

РЕПОРТЕР. Может быть, трагедия была спровоцирована предродовой депрессией? Психологи давно подметили тот факт, что...

*Но закончить фразу Репортер не успевает. Режиссер внезапно бросается на него.
Ударом в челюсть сбивает Репортера на пол.*

РЕЖИССЕР. Заткни свою пасть! Гнида!

Режиссер и Репортер падают, катаются по полу.

РЕПОРТЕР. Да вы пьяны! Маньяк, ты мне выбил зуб! Отпусти меня! Идиот!

Режиссер пытается Репортера задушить, но тот вырывается.

Вскакивает на ноги. Хватает со стола диктофон.

РЕПОРТЕР. Не думай, что все это сойдет тебе с рук! У меня все записано! Встречимся в суде! Псих!

Репортер убегает. Режиссер начинает смеяться.

СЦЕНА 2

Режиссер катается по сцене. Смеется. Из-за декораций выходит Чехов. На нем серый плащ, шляпа и знаменитое пенсне. В темном углу сцены появляется Шекспир, он одет по моде елизаветинской эпохи. Из противоположного угла выглядывает Беккет – сутуловатая фигура в костюме и водолазке. Режиссер их не замечает.

БЕККЕТ. Что нам с ним делать? Пьяная рожа.

ЧЕХОВ. Он страдает. Одышка. Печень. Подагра.

ШЕКСПИР. Не он один. Мы все страдаем. (После паузы.) Мы для богов, что мухи для мальчишек, себе в забаву давят нас они....

БЕККЕТ. Разлегся в этой тесной коробке и счастлив. Только безумцы могут любить этот выморочный мир, где все ненастоящее.

ЧЕХОВ. Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть! Бrr! Холодно! Из залы дует, как из каминной трубы! Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт побери!

Чехов ежится, поднимает воротник плаща, глубже натягивает шляпу.

Заметив Чехова, Шекспира и Беккета, Режиссер начинает смеяться еще громче. От его смеха призраки шарахаются в темноту.

РЕЖИССЕР. Вот, принесла нелегкая! А я уж думал, что сегодня обойдусь без ваших кислых рож! Хотя бы здесь могли бы не притворяться!

ШЕКСПИР. О том мы плачем, что пришли на сцену всемирного театра дураков...

БЕККЕТ. Пошли отсюда. Он не в себе. О чем с ним говорить? Кретин!

Режиссер снимает с ноги ботинок, бросает его в Беккета, однако промахивается.

В последний раз прыскает от смеха и перестает смеяться.

Шекспир и Беккет исчезают с недовольными гримасами на лицах.

Чехов поднимает ботинок, приближается к Режиссеру.

ЧЕХОВ. А я, пожалуй, задержусь! Однажды, я помню, тыставил «Чайку»! И мне понравилось, как ты увидел мой сон далекий! А сегодня решил потрясти мир моим «Ивановым»?! Любопытно!

*Режиссер встает. Отряхивает пыль со штанины.
Выхватывает у Чехова из рук ботинок. Отходит в сторону.*

РЕЖИССЕР. Да, пьесы, пьесы, пьесы – пучки далеких снов!

ЧЕХОВ. Однако что с тобой? Лютер бросал в своего черта чернильницей! А ты прогоняешь нас вонючим ботинком! Мелковато!

РЕЖИССЕР. Большего вы не заслуживаете! Вас мокрой тряпкой нужно гнать!

Режиссер присаживается на сундук. Надевает ботинок.

ЧЕХОВ. Слушай, а ты часом не сходишь ли с ума? А, Homo Ludens¹? Симптомы налицо!

РЕЖИССЕР (*сквозь смех*). Еще бы, если я разговариваю с тенью Чехова! Какие еще нужны симптомы?

ЧЕХОВ. Ну почему сразу «с тенью»? Это не очень любезно с твоей стороны! Никто не знает, какой мы природы: кто из нас «тень», кто «свет»? Это все очень спорно! Все относительно!

РЕЖИССЕР. Свет, тень! Один черт!

ЧЕХОВ. Не чертыхайся! Накличешь! Вломится рогатый!

РЕЖИССЕР. Ты сам рогатый черт, чего же ты боишься? Ха-ха! Под шляпой что, рога? А ну-ка признавайся! Хотя в театре возможно все!

Чехов поглубже надевает шляпу. Отходит от Режиссера.

ЧЕХОВ. Ты прав. Но ведь ты не можешь жить без театра. Ты им отравлен. Ты не находишь связи с миром. От людей ты ушел, а к призракам вроде меня примкнуть боишься!

РЕЖИССЕР. Разве можно обвинять человека в том, что он утратил связь с миром?! Рано или поздно все эту связь теряют! Разве не так?

ЧЕХОВ. Обвинять, пожалуй, не стоит, а вот лечить надо бы! Это я тебе как доктор говорю! Лечись, дружище, пока не поздно!

РЕЖИССЕР. Помню я «Палату №6»! Ты сам едва в нее не угодил! А теперь меня с ума сводишь! Но то, чем болен я, не лечится! Разве что – веревкой! (*Прыскает от смеха.*) А что, это было бы забавно! Как ты думаешь?! Забилась публика! Открывается занавес! И вот! Висит над сценой режиссер! Это многих обрадует! Сорвем аплодисменты!

ЧЕХОВ. Веревкой? Фу, как ты банален! Веревка – это неинтересно! Есть более эффектные способы прервать комедию! (*Срываются на крик.*) Перестань ерничать! Шут гороховый!

Чехов достает из груды реквизита бутафорское ружье. Протягивает его Режиссеру.

ЧЕХОВ. Оно заряжено! Прострели себе голову! Много крови, много грязи на полу от твоих грязных мозгов! Шум! Это, по крайней мере, весело!

РЕЖИССЕР. Ты издеваешься?! Это муляж!

Режиссер берет из рук Чехова ружье. Рассматривает его.

¹Homo Ludens (лат.) – буквально «человек-игрок». Наиболее полная социологическая проработка термина содержится в работе Иоганна Гуссинга (*«Homo ludens»*, 1944)

ЧЕХОВ. Раз в год и муляж стреляет! Разве ты этого не знаешь?

РЕЖИССЕР. Ты что, ведешь меня к самоубийству?! Вот чего ты добиваешься, гадина, дьявольское отродье! Наконец-то я тебя раскусил!

ЧЕХОВ. Расслабься! Я пошутил!

РЕЖИССЕР. Твои шутки меня достали! Бес!

ЧЕХОВ. А ведь раньше тебе нравился мой юмор! Тонкий «чеховский» юмор!

РЕЖИССЕР. А ты не просто бес, ты к тому же еще и глупый бес, если думаешь, что я терзаюсь из-за каких-то пьесок! Да мне на них наплевать! Как, впрочем, и на тебя, мятая ты шляпа!

ЧЕХОВ. Все равно ты не в себе! Ну, зачем ты набросился на этого несчастного репортеришку? Нажил себе еще одного врага! Мало их у тебя?! Чудак! Теперь он напишет о тебе какую-нибудь гадость! Разве ты не знаешь, как мстительны эти мелкие люди!

РЕЖИССЕР. Отвали! Ты начинаешь мне надоедать! (После паузы.) Пробить бы твою мутную башку!

Режиссер целится в Чехова. Тот театрально закрывает лицо руками.

За сценой слышатся шаги и голоса.

ЧЕХОВ. А вот и твоя протеже! Актриса она, конечно, никакая, но как таракашка – весьма аппетитненькая! Поздравляю! (После паузы.) Но с кем это она? Ах, все понятно! Твоя протеже и ее юный обожатель! Узнаю театральные нравы! Будь осторожен, мой друг! Не дай себя одурачить!

Чехов скрывается за реквизитом. РЕЖИССЕР прячется за стулом.

Прижимает к груди ружье. Всматривается в темноту.

СЦЕНА 3

На сцену из-за кулис вваливаются Знаменитая Актриса и Молодой Артист. Они жарко обнимаются, целуют друг друга.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Наконец-то мы одни! Это невыносимо! Ты сводишь меня с ума! Иди ко мне!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Какой ты пылкий! Ненасытный! Но мы должны быть осторожны! Повсюду одни шпионы! Нас могут увидеть!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Плевать! Кого ты боишься?! Этого алкоголика? Я набью ему морду!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. И тебя тут же вышвырнут из театра! Не конфликтуй с ним! Он – знаменитость! О, перестань! Не здесь, не сейчас!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Мне плевать на эту знаменитость! Я пересчитаю ребра этой знаменитости! Забудет и про тебя, и про свою жалкую за...!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. О, милый! Да ты просто лев! Командор!

Актриса замечает Режиссера, лежащего на полу. Вскрикивает.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. А! Кто здесь?

*Актриса отталкивает Молодого Артиста, поправляет задранное платье.
Артист испуганно пятится, прячется за реквизитом.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Милый? Это ты? Что с тобой? Почему ты лежишь на полу? С тобой все в порядке?!

ЧЕХОВ. Глупо. Напился, старый дуралей, и сам не знает с какой радости... Если здоровья не жаль, то хотя бы старость-то свою пощадил, Шут Иваныч...

РЕЖИССЕР. Все в порядке, дорогая. Я общался с прессой!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ах, это был ты? Теперь все понятно! Я слышала крики, вопли, смех! Что случилось? Это было похоже на пожар на птицеферме!

РЕЖИССЕР. Ничего особенного. Мы говорили о моих творческих планах. Обычный треп.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты рассказал ему про «Медею»? И про то, кто будет играть у тебя главную роль?

РЕЖИССЕР. Не успел. Мы отвлеклись на философские темы.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. А почему у тебя в руках ружье? Что ты с ним собираешься делать?

РЕЖИССЕР. Ах, ружье! Да, ты права! Ружье! Этим ружьем, моя дорогая, я отстреливаюсь от призраков! (*Ищет глазами Чехова.*) Их тут очень много! Признаться, я даже не уверен, что и ты – настоящая!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Перестань! Ты окончательно спятил!

РЕЖИССЕР. Мне обязательно выслушивать эту фразу каждые пять минут?!

Режиссер отбрасывает ружье. Наливает рюмку. Выпивает.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Боже мой, в такую рань! Раньше ты себе этого не позволял!

РЕЖИССЕР. Ситуация должна усугубляться, моя прелест! Это закон драматургии! Все становится только хуже! Как в жизни!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Перестань разыгрывать из себя Скотта Фицджеральда!

ЧЕХОВ. Невелика штука пить – пить и лошадь умеет...

РЕЖИССЕР. Дорогая, ты же знаешь, я предпочитаю Чехова!

Режиссер тянется к ружью, но Чехов прячется.

Затем тихо подкрадывается, перекладывает ружье в другое место.

ЧЕХОВ (*выглядывает*). Польщен!

РЕЖИССЕР. Правда, у Чехова был талант! А я – пустое место! Старый башмак!

ЧЕХОВ. Где талант, там нет старости... Какой ты башмак? Выжатый лимон, со-сулька, ржавый гвоздь, старая театральная крыса...

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. И Чехов не был пьяницей! Возьми себя в руки, если ты не хочешь, чтобы о твоей болезни узнал весь мир!

РЕЖИССЕР. Браво! Прежде ты никогда так умно не выражалась! Что произошло? У тебя новый любовник? Не этот ли молодой человек, что прячется за шкафом? Эй, любезный! Вылезай оттуда!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Паяц! Это же наш молодой артист! Ты его не узнаешь?
Я как раз...

Молодой Артист приближается к Режиссеру, протягивает ему руку.

*Режиссер хватается за нее, хочет подняться на ноги,
но Молодой Артист его не удерживает, и Режиссер опрокидывается на пол.
По-пластунски отползает в сторону.*

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Для меня большая честь служить в вашем театре! И вообще, я ваш поклонник! Для меня после Чехова существует только вы! Я вырос на ваших спектаклях!

*Из-за реквизита снова появляется Чехов. Садится в кресло-качалку.
Режиссер подползает к креслу. Размещается у ног Чехова.*

ЧЕХОВ. Видишь, как высоко тебя вознесли! Не закружилась бы голова! Ну, отвесь пареньку, будь любезен, от тебя не убудет! Сноб!

*Чехов, как собачонку, поглаживает Режиссера по голове,
но тот яростно отстраняет его руку.*

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Я хотел с вами кое-что обсудить, но могу прийти и в другой раз!

РЕЖИССЕР. Отвали! (Чехову.) А ты не вмешивайся! Достал своими наставлениями!

*Актриса и Молодой Артист недоуменно переглядываются. Дух Чехова им не виден.
За спиной Режиссера они обмениваются взглядами.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (Режиссеру). Что с тобой? С кем это ты разговариваешь? Дорогой! Ты непременно свихнешься, если не прекратишь пить!

*Актриса подходит к Режиссеру. Режиссер берет ее за щиколотку.
Засовывает голову Актрисе под юбку.*

РЕЖИССЕР. Что это? У меня белая горячка, или у тебя под юбкой прячется песик?! Боже мой! Да у тебя здесь завелся кинокефал!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ну, перестань! Здесь люди! Шалунишка! (Отстраивается.) Это Анубис! Египетский бог!

ЧЕХОВ. Египетский бог с головой шакала! Проводник в загробный мир!

РЕЖИССЕР (Чехову). Спасибо, что просветил!

Режиссер на секунду высовывается, но, обратившись к Чехову, снова засовывает голову под юбку. Актриса смеется, как от щекотки.

РЕЖИССЕР (Актрисе). Ану-бис? Анубис, как мило! Не слишком ли много нечисти на одном крохотном тельце? А почему он такой мокрый?

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Что ты мелешь? Тебе нравится моя татуировка?

РЕЖИССЕР. Разве я сказал, что она мне нравится? Я рассматриваю не ее!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Старый пошляк! И ворчун! А по-моему, это симпатично!

Вот, смотри!

Актриса поднимает юбку. Показывает Режиссеру татуировку чуть выше ягодиц.

Чехов перестает раскачиваться в кресле-качалке.

ЧЕХОВ (поправляет пенсне). Однако.

Режиссер поднимается на ноги. Отряхивается. Подходит к Актрисе.

Обнимает ее за талию. Целует.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. У меня есть еще одна, но она не для всех! Об этом – молчок!

Актриса с трудом высвобождается из его объятий.

Прячется за спиной Молодого Артиста.

РЕЖИССЕР. Да, я помню! Наверняка и наш юнец ее уже видел! Но почему Анубис? Ты возомнила себя Клеопатрой?!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты ничего не помнишь! Неужели ты ничего не помнишь?! А ведь это ты рассказывал мне об Анубисе! Это память о Египте! О нашем Египте!

РЕЖИССЕР. О Египте? Не припоминаю!

ЧЕХОВ. Всю жизнь мечтал побывать в Египте! Не случилось! На Сахалине мерз, а вот до Египта так и не добрался!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Мы были там на гастролях, кажется, с твоей «Чайкой». Я играла Нину Заречную. Все прошло замечательно! А на следующий день нас повезли на экскурсию к Сфинксу и пирамидам! И там я встретила человека... Не знаю, что на меня нашло! Мы отошли к каким-то расписанным развалинам! И начали целоваться! Разумеется, кто-то поспешил рассказать об этом тебе! Ты нас подловил! Бурно отреагировал, приревновал, хотя это не был мужчина!

РЕЖИССЕР. Теперь припоминаю! Это была переводчица из Каира!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ее звали Амаль! Красавица с миндалевидными глазами, как на фресках! Да! И вот тогда, застав нас с Амаль врасплох, ты заметил на одной из фресок Анубиса! И потом долго его рассматривал! До тех пор, пока нам не стали сигнализировать из автобуса! Про нас с Амаль ты уже забыл! Так тебе понравился тот Анубис! На обратном пути ты только про него всю дорогу и говорил!

РЕЖИССЕР. Да, теперь я вспомнил эту историю! Тогда, в Египте, у меня было такое чувство, будто я встретил друга детства! Тот Анубис вернул мне все мои детские страхи!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Интересная новость! Ты никогда мне об этом не рассказывал! Но я всегда знала, что у тебя имеется скелет в шкафу!

РЕЖИССЕР. Вот как?! А мне казалось, что ты далека от рефлексий!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты вообще невысокого мнения о женщинах! И в этом твоя проблема! Ну так что же это были за страхи?!

РЕЖИССЕР. Это грустная история, но если ты настаиваешь, я тебе расскажу...

*Чехов встает с кресла-качалки. Отходит вглубь сцены.
Случайно задевает жестяной лист, имитирующий раскат грома. Свет гаснет.*

СЦЕНА 4

Луч света выхватывает фрагмент декорации. Разобранные манекены выглядывают из-под сваленного хлама фрагментами пластмассовых тел. Призрачные очертания предметов создают впечатление чего-то среднего между детской комнатой и палатой психиатрической лечебницы.

РЕЖИССЕР. Это мой «детский кошмар», и начался он тогда, когда я просто... перестал спать. Просто перестал спать. Совсем. Ни днем, ни ночью. Это было страшно. Я не мог ничего объяснить родителям, и сам не понимал, что со мной происходит, чего я боюсь... Почему меня пугают зеркала и закрытые шторы... почему наводят ужас неплотно закрытые двери в кладовку...

Режиссер садится на корточки рядом с детской кроватью. На кровати лежит альбом с иллюстрациями. Режиссер начинает его листать.

РЕЖИССЕР. Ночи напролет я сидел у себя в комнате, не зная, чем себя занять, я читал книгу за книгой и прочитал тогда, наверное, всю мировую классику. Я убегал в воображаемые миры, они казались мне более реальными и не такими опасными, как пространство моей детской комнаты. Но вот однажды, на свою беду, я взялся за египетскую «Книгу Мертвых». Это было хорошо иллюстрированное издание, и я подолгу разглядывал замысловатые иероглифы и потускневшие фрески древних гробниц. И вдруг я поймал себя на мысли, что я с кем-то тихо разговариваю, перешептываюсь с чьей-то тенью, стоящей в темном углу комнаты. Это был широко-плечий юноша, и когда он приблизился ко мне, я вдруг разглядел, что вместо головы над его широкими плечами возвышается пасть шакала. Почти сразу я догадался, что это был Анубис из «Книги Мертвых»...

*На сцену из шкафа выходит Анубис. На нем чеховский плащ.
На голове шакала шляпа и поблескивающее пенсне.*

РЕЖИССЕР. Анубис стал часто приходить ко мне по ночам, и я могу с уверенностью сказать, что мы с ним подружились... Других друзей у меня не было... Да и теперь, по прошествии стольких лет, не появилось! Думаю, что уже и не появится! Разумеется, такая дружба не могла не оказаться на моей психике...

Анубис подходит к кровати, у которой сидит Режиссер. Достает из-под подушки большой кухонный нож. Вертит его в руке. Режиссер оставляет альбом на кровати. Встает на ноги. Отходит в сторону.

РЕЖИССЕР. Я был уверен, что время, как кислота, растворило всех демонов

прошлого. Я сделал все, чтобы забыть о травме, пережитой в детстве. Спрятал свои страхи на дне души и был уверен, что никогда больше на этом дне не окажусь. Но когда я... потерял семью... я опять упал на самое дно, призраки пробудились и нависли на меня с новой силой. Я снова встретился с самим собой, увидел того маленького мальчика, отвергнутого всем миром, единственным другом которого была широкоплечая тень с головой шакала. Это было настоящее помешательство...

АНУБИС. Мальчик проблемный, надо лечить!

Анубис берет в руки подушку. Распарывает ее ножом и вытаскивает из подушки венецианскую маску с удлиненным носом. Бросает маску на пол. Режиссер поднимает маску. Кладет ее в кучу реквизита.

РЕЖИССЕР. До шестнадцати лет я жил в своем персональном аду, о котором никто не подозревал. Никаких внешних проявлений. Нормальный, активный ребенок. Но у меня вдруг появилось желание... быть сумасшедшим... Я начал в это играть и потерялся, перестал видеть, где игра, а где уже нет. Где театр, а где жизнь. Заглядался. Меня очень влекло безумие. Я мечтал скрыться за патологией, за болезнью, хотел стать невидимым для мира взрослых, хотел стать неуязвимым... Или, возможно, я просто не хотел взросльть! Будучи совершенно здоровым, я умудрялся внушать профессорам психиатрии, что болен. И они верили. Я был настолько убедителен, что ни один врач, который шел со мной на беседу, в результате не сомневался, что я не в себе. Но был один доктор, который догадывался, что я «вытворяю», и он решил меня остановить...

АНУБИС. Ты у меня самый тяжелый случай. Я имел опыт с болезнями, фобиями, психозами. Но тут приходится лечить характер. А характер человека, знаешь ли, это его бес. Так говорил Гераклит! Твой бес очень капризен!

РЕЖИССЕР. Чтобы выбраться из моей дурной башки эту игру, он решил прибегнуть к крайним мерам. Я по дурости своей настаивал, чтобы меня положили в клинику. Доктор поначалу был категорически против этого, но тут вдруг со мной согласился и перестал отговаривать родителей. Меня оформили под чужим именем, как беспризорного мальчика. Он-то знал, что это продлится недолго. Все объяснил родителям, чтобы они «держались», что это такая шоковая терапия... Только я, естественно, ничего об этом не знал. Когда я зашел в отделение... Все. Началась дикая паника. Поэтому что то, что я там увидел... это было страшно... это... я не могу это вспоминать... Я подошел к медсестре и задал какой-то вопрос. Но она мне не ответила, она молчала. Она меня не видит, не слышит, как будто тут, в клинике, не может прозвучать внятное, разумное слово... Взяла меня за плечи и запихнула в палату. У меня началась дикая истерика. Я все понял... орал и умолял выпустить меня, но никто не слышал. Все. Теперь ты существуешь здесь. В психиатрической лечебнице. Оставь надежду навсегда.

АНУБИС (бросает нож на кровать). Ты должен убрать желание «играть в болезнь», и достать из себя желание «мне хорошо». Скажи сам себе: «я хочу, чтобы мне было хорошо»...

Анубис скидывает с себя шляпу, плащ, под плащом оказывается обнаженная женщина с головой шакала. Анубис ласкает Режиссера, запутывает его в своих объятьях. Это похоже на танец.

РЕЖИССЕР. Я там проторчал минут сорок, не больше, но они показались мне... Вечностью.... Адом... Лучше сразу сдохнуть. За окном все это время лил дождь. Грохотал гром. Мне казалось, что моя голова сейчас вспыхнет от блеска молний. А потом пришел доктор и сказал, что если я буду орать, плакать и выть, то меня не выпустят... ему не дадут на это разрешения... Вот тогда-то я и осознал всю жуть и деструкцию этой «запущенной игры»... Родители ждали меня внизу... оба серые. Я вылетел оттуда... дождь... я в носках... потерял тапочки... в какой-то бесцветной, отвратительной пижаме... Когда они привезли меня домой, я целовал стены... Я почувствовал, что я дома, меня любят... я нормальный... я больше не хочу в это играть и в этом жить...

Анубис накидывает на себя плащ, шляпу, пенсне и снова прячется в шкафу.

Дверца шкафа со скрипом закрывается.

Сцена снова наполняется светом. Режиссер и Знаменитая Актриса стоят рядом.

Актриса плачет. Молодой Артист отходит в сторону, чтобы скрыть слезы.

Режиссер пинает ногой лежащую на полу подушку.

СЦЕНА 5

Режиссер снова достает из кармана фляжку. Выпивает.

РЕЖИССЕР. Странное чувство! Я словно смотрю на свою жизнь со стороны! И не могу понять: то ли это я сплю и вижу во сне того запертого в психушку мальчика, то ли это он бредит и видит меня во сне! (Актрисе.) Теперь ты понимаешь, почему меня так взволновала твоя татуировка!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Дорогой! Ты никогда мне об этом не рассказывал! Если бы я знала, я бы набила себе что-нибудь другое! Ты на меня сердишься?

Актриса подходит к Режиссеру, берет за руку. Пытается обнять, но Режиссер отталкивает ее. Почему-то владает в бешенство.

РЕЖИССЕР. Прочь! Не хватало еще твоей жалости!

Чехов выходит из шкафа, держа в руке маску Анубиса. Кладет маску на детскую кровать рядом с ножом. Усаживается в кресло-качалку.

ЧЕХОВ (иронично). Иногда люди спят на ходу, так вот и я говорю с тобой, а сам будто сплю и вижу все это во сне.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Дорогой, ты слишком много выпил! Тебе надо бы отдохнуть, а тут еще мы со своими вопросами! Пошли, не будем утомлять нашего маэстро!

Знаменитая Актриса и Молодой Артист направляются к выходу, однако Артист опрометчиво вступает в разговор.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Да, это не срочно! Я просто хотел с вами поговорить!
РЕЖИССЕР. О чём?

Молодой Артист в замешательстве. Он произносит первое, что приходит ему на ум.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. О Статуе Командора...

РЕЖИССЕР. О чём? Статуе Командора? А что с ней не так?

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Я играю в вашем спектакле Статую Командора!

РЕЖИССЕР. Ах, да! Я помню! Конечно! И в чём дело?

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Это не моя роль! Я ее не чувствую!

РЕЖИССЕР. Это статуя! Ее не нужно чувствовать!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вы смеетесь! Ведь не вам же выходить на сцену!

РЕЖИССЕР. Мы играем этот спектакль уже четыре года! И всякий раз вас одаривают цветами! Чего же вам еще нужно?!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Да! И четыре года я мучаюсь!

РЕЖИССЕР. Но что вас так мучает? У вас ведь и слов-то почти нет! Вы прекрасно справляетесь!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вот! В том-то и дело! У меня никогда нет слов!

РЕЖИССЕР. Ну, ради Бога! Вы и без слов великолепны!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вранье! Вы все время врете! Я не хотел играть эту роль! Но вы меня уговорили! Обещали дать мне настоящие доспехи! И что?

РЕЖИССЕР. Ну, Бога ради! Перестаньте!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вместо настоящих средневековых доспехов – вот! Вот! Вот это! (Артист берет из реквизита бутафорские доспехи.) Я ношу перешитый бюстгальтер вместо рыцарских лат! Покрасили в серебряный цвет чашечки от женских бюстгальтеров, как будто бы это наплечники и налокотники, и я четыре года ношу эту гадость!

РЕЖИССЕР. Ведь это же театр! Бедный театр! У нас нет денег на исторические артефакты!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Но ведь вы же обещали! Я всем друзьям рассказал, что буду играть в средневековых доспехах! Вы обманули меня! Я так больше не могу! Я отказываюсь от роли! Я вас ненавижу!

РЕЖИССЕР. Вы с ума сошли! Можно подумать, вы пришли к нам с Бродвея! Я нашел вас в кордебалете! Если не ошибаюсь, это была опера Вагнера, или что там еще, и вы рассекали в массовке на роликовых коньках! Какой-то кошмар! Слушать музыку было просто невозможно!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вы говорите о «Валькириях», но это моя лучшая роль, пусть и в массовке, критика очень высоко оценила эту постановку!

РЕЖИССЕР. Критика? Эти карманные писаки, прикормленные недоумки! Не встречал ни одного умного критика за всю свою жизнь! Одного я только что выпихнул отсюда взашей! Они думают лишь о том, как лучше подольститься к знаменитостям! И ни о чём больше!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты несправедлив, милый! Твои спектакли газеты перестали расхваливать и возносить, вот ты и бесишься! Кстати, почему ты не сказал репортеру, кто будет играть главную роль в «Медее»?

РЕЖИССЕР. Не успел. Мы говорили на более отвлеченные темы.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. О чём он тебя спрашивал?

РЕЖИССЕР. Ну, ты же знаешь этих типов! Начал меня что-то пытать о женщинах!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Твоя любимая тема! Странно, что вы не нашли общего языка!

РЕЖИССЕР. Мне всегда казалось, что для меня нет неподъемных тем! Раньше

я себя часто спрашивал: «тварь я дрожащая, или право имею?» На что я способен? Теперь я даже вопроса себе такого не задаю, чтобы не услышать ответ, который и так знаю. Я мельчаю вместе со всеми! (*После паузы.*) Все мельчает. Раньше люди строили пирамиды, рисовали «Джоконду». А теперь выдавливают на бумагу прыщи и называют это «актуальным искусством».

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Да, наверное, ты стареешь, раз тебе на ум приходят такие мысли!

РЕЖИССЕР. Знаешь что, милая, я хочу тебе кое-что сказать! Только пойми меня правильно! Ты совершенно не подходишь для этой роли! Ну какая из тебя Медея? Ты сама вульгарность! Я предпочел бы видеть тебя и твоего ухажера в массовке, в толпе коринфских гетер!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты бредишь? Я столько сил отдала этой роли!

РЕЖИССЕР. Я все понимаю, но твое место в кордебалете!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Но как же так?! Ведь ты говорил, что я вдохновляю тебя, что я твоя муз!

РЕЖИССЕР. Чего только не скажешь, чтобы затащить женщину в постель! Не будь такой наивной. Муза! Закулисные крысы – вот мои музы!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Какой же ты мерзавец! Я тебя ненавижу!

ЧЕХОВ. Ну вот, обидел женщину! Экий ты медведь! (*После паузы.*) Медведь? Где-то я это слышал! Эй, медведь, женщин надо любить, а не вступать с ними в философские дискуссии! Всему тебя надо учить!

РЕЖИССЕР (*Чехову*). Убирайся!

Знаменитая Актриса принимает эти слова на свой счет.

Берет Молодого Артиста за руку.

Отходит вместе с ним в сторону.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Посмотрим еще, чья возьмет! Я тебя уничтожу! Пьяная рожа!

РЕЖИССЕР. Не забудь свое подлинное лицо!

Режиссер хватает с кровати маску Анубиса. Бросает ее в Знаменитую Актрису.

Голова шакала падает у ног Знаменитой Актрисы.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (*готова упасть в обморок*). Ч-что?! К-как?!

У Знаменитой Актрисы начинается нервная истерика. Она хочет накинуться на Режиссера, но Молодой Артист ее удерживает и оттаскивает к выходу.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Это просто хамство! Я поговорю с директором о вашем поведении!

Режиссер хватает лежащий на детской кровати нож, замахивается на Молодого Артиста ножом Анубиса.

Из-за декораций на сцену вбегает Полицейский, в руке он держит пистолет, направляет его на Режиссера. За спиной Полицейского испуганно прячется Директор Театра.

СЦЕНА 6

Полицейский резво впрыгивает в пространство между Режиссером и Знаменитой Актрисой, закрывая ее своей грудью. Направляет на Режиссера пистолет.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Бросьте нож! Я буду стрелять!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Значит, это правда! Пьяный дебош! Мне не хотелось в это верить!

Знаменитая Актриса подбегает к Директору Театра, кладет голову ему на плечо. Эффектно плачет, эффектно сморкается в платок.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Я все слышал! Вам нет нужды мне что-то объяснять! Бездобразие!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Мерзавец! Он хотел меня убить!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну-ну, успокойтесь, дорогая! Мы этого так не оставим!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Режиссеру*). Ну! Я жду! Бросайте нож! Или я стреляю!

Полицейский целится в Режиссера. Палец его дрожит на спусковом крючке.

Внезапно Режиссер взмахивает рукой и бьет себя ножом в самое сердце.

Театрально падает на пол. Полицейский быстро прячет пистолет в кобуру, подбегает к Режиссеру, чтобы оказать ему первую помощь.

Режиссер конвульсивно подергивает ногой, видимо, умирая.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Не верьте ему! Он притворяется!

ЧЕХОВ. На вас глядя, мухи мрут, и воздух начинает коптеть...

*Наконец, Полицейский замечает, что из груди у Режиссера торчит **сладкой** бутафорский нож. Полицейский выдергивает нож Анубиса, и на его мундир брызжет красный клюквенный сок. Полицейский отскакивает от лежащего на полу Режиссера. Тот встает на ноги, начинает беззвучно смеяться.*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У вас тут всегда так весело?

РЕЖИССЕР. Это же театр! Здесь никому нельзя верить!

ЧЕХОВ. Отец мой, Павел Егорович, считал, что театр – это дорога в ад. Не так уж и далек был от истины, как оказалось.

Полицейский вытирает мундир платком. Прячет платок в карман.

Вертит в руках нож Анубиса. С интересом его рассматривает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. На вас поступила жалоба! Сперва вы избили журналиста! Теперь нападение с целью убийства! Вам придется проехать о мной!

РЕЖИССЕР. О чём вы говорите? Это же муляж!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Это просто пьяный беспредел! Вы оскорбили нашу лучшую актрису! Какое счастье, что это случилось на глазах у полиции! (*Знаменитой Актрисе.*) Подождите у меня в кабинете, дорогая! Нас ждет серьезный разговор с господином Режиссером!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (*Полицейскому*). Я могу идти? Мне нужно привести себя в порядок!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, конечно! Мы побеседуем с вами позже!

Молодой Артист заботливо берет Знаменитую Актрису под локоток.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (театрально бросает *Полицейскому*). Не верьте ни одному его слову!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не беспокойтесь! Второй раз он меня не проведет!

Знаменитая Актриса и Молодой Артист уходят. Полицейский кладет нож Анубиса на детскую кроватку. Замечает стоящее рядом с кроватью ружье.

Берет ружье в руки. Внимательно рассматривает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Какое у вас ружье интересное! От настоящего и не отключишь!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну что вы! Это всего лишь реквизит! Весь этот хлам – это декорации сегодняшнего спектакля!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Эта гора мусора? Это такие декорации? Ну и ну!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. У нас сегодня «Иванов»! В постановке этого рецидивиста! Теперь вы можете себе представить, что творится у него в голове! А ружье – часть реквизита! Видимо, это наши умельцы поработали! Оно не заряжено! (Смеется.)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (улыбается). Раз в год даже незаряженное ружье стреляет!

РЕЖИССЕР. Вы правы! Оно сегодня выстрелит! «Если в первом акте в пьесе появляется ружье, то в последнем оно должно выстрелить!»

ДИРЕКТОР ТЕАТРА (неестественно смеется). Это из Чехова! Ха-ха! Маэстро шутит! Нам не нужны неприятности!

Директор Театра аккуратно берет ружье из рук Полицейского. Тот, не глядя, его отдает. Пристально смотрит на Режиссера.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так что нам теперь делать, Маэстро? Пахнет тюремным сроком! Ваша потасовка записана на диктофон!

Полицейский достает из кармана диктофон Репортера. Включает.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА В ДИКТОФОНЕ. Заткни свою пасть! Гнида!

ГОЛОС РЕПОРТЕРА В ДИКТОФОНЕ. Да вы пьяны! Маньяк, ты мне выбил зуб! Отпусти меня! Идиот!

Полицейский выключает диктофон. Снова прячет его в карман.

РЕЖИССЕР. Ну перестаньте! Я и в самом деле немного сорвался! Но из этого не следует делать трагедию! Ведь никто же не пострадал!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Заявление написано! Мы не можем оставить его без внимания! Тем более, что пострадал журналист! Нам не нужны проблемы с прессой!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. На вас постоянно поступают жалобы! Артисты вами недовольны! Все устали от вашего диктата! Никто вас не понимает! Никто больше не желает с вами работать! Мы вынуждены с вами расстаться! Я буду только рад, если вас упекут в тюрьму!

РЕЖИССЕР. Актеры – это особенные люди, в них очень мало уже от самих людей, они наполнены сквозняками энергий, блуждающих в их душах и головах. И эти сквозняки нужно приручить, наполнить ими паруса, чтобы корабль двигался в нужном направлении. Тут не обойтись без жесткости! Ни дня не проходит без каких-либо курьезов!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наверное, таковы все люди. Ходит человек на работу. Мило всем улыбается. Выезжает с семьей на природу! А потом вдруг выясняется, что он насильник или убийца! Никогда не знаешь, чего от людей ожидать!

Директор Театра кладет ружье к стенке. Подходит к Полицейскому.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Полностью с вами согласен! Лучше не скажешь! Браво!

ЧЕХОВ. Бывают люди, которые всегда говорят только умные и хорошие слова, но чувствуешь, что они тупые люди.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Господин полицейский, вы имеете полное право расстрелять этого злодея прямо здесь! На сцене! Поверьте, все работники театра будут вам только аплодировать! И я даже сам готов держать его за руки, чтобы вы не промахнулись! Но могу я попросить вас об одном одолжении? Дело в том, что у нас сегодня премьера! И этот человек должен на ней присутствовать! Он обязан проследить за игрой актеров! Ну, а потом выйти на сцену, чтобы получить букет цветов, поклониться зрителям и все такое... Могу я попросить вас не арестовывать его прямо сейчас! Обещаю вам, что он никуда не денется! А завтра сам придет к вам в полицейский участок! И во всем покается! Я это вам обещаю!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А вы уверены, что он ничего больше не натворит?! У меня вот такой уверенности нет! Взгляните! Взгляд у него слегка безумный!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну что вы? Посмотрите на эту развалину! Он только и может, что бряцать бутафорским оружием! Ничтожество! (*Шепотом.*) У него недавно случилось несчастье, так что нам на многое приходится закрывать глаза! Грустная история, я вам позже расскажу!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Режиссеру*). Так о чем ваш новый спектакль?

РЕЖИССЕР. О женщине, переживающей послеродовую депрессию! Если коротко!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Понятно! А могу я присутствовать на премьере? Сто лет не был в театре! Ну, и пригляжу за вашим хулиганом, если что!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Непременно! Вы будете сидеть в гостевой ложе! Пройдемте в мой кабинет, я угощу вас хорошим коньяком!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну что ж! Только из любви к искусству! Кстати, я бы хотел поближе познакомиться с той очаровательной дамой! Мне кажется, после всего случившегося ее нужно утешить! Бедняжке нужно отпереться на сильное плечо!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Уверен, лучшего защитника, чем вы, ей просто не найти!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Значит, завтра жду вас у себя в кабинете! Надеюсь, нам не придется заезжать за вами на машинах с мигалками!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА (*шепчет Режиссеру*). Я все уляжу! Только, умоляю, бога ради, ничего сегодня больше не вытворяй!

Полицейский и Директор Театра уходят со сцены.

Чехов машет им на прощание шляпой. Режиссер вспоминает о фляжке с коньяком.

Хочет выпить, но фляжка уже пуста.

СЦЕНА 7

Появляется Жена Режиссера. Она беременна. На ней мокрый плащ, волосы мокрые, как будто бы она только что вышла из-под ливня. Заметив ее, Режиссер вздрагивает, меняется в лице.

РЕЖИССЕР. Что ты здесь делаешь?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Странный вопрос! Пришла на твою премьеру! Ты не рад?

РЕЖИССЕР. Ты вся мокрая! Ты заболеешь! Почему ты без зонта?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ерунда! Теперь мне ничего не страшно!

Режиссер подходит к Жене. Обнимает ее. Затем становится перед Женой на колени. Кладет голову на ее беременный живот.

РЕЖИССЕР. Но это вредно для ребенка! Разве не лучше тебе быть дома?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Перестань разыгрывать из себя заботливого мужа и отца! В этой роли ты не очень убедителен! И о каком доме ты говоришь?

ЧЕХОВ. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем при том нечто, приникающее ее до мелкого, слепого, этакого шершавого животного. Во всяком случае, она не человек.

РЕЖИССЕР (Чехову). Заткнись! Еще раз пикнешь, и я размозжу твою голову прикладом ружья!

ЧЕХОВ. Как ты смешон! Впрочем, умолкаю! Разбирайтесь сами!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ты ведь так любил Чехова! Что же ты теперь на него кидаешься?

РЕЖИССЕР. Ты что, не понимаешь? Ведь это же черт! Черт! Это никакой ни Чехов!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Оставь его в покое! Я не о Чехове хотела с тобой поговорить!

РЕЖИССЕР. О чем же?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Отпусти меня! Ничего уже не вернуть!

РЕЖИССЕР. Ты будешь смеяться, но я не знаю, что мне делать?! Я говорю с тобой, но ты уже так далеко! Я не знаю, как мне тебя вернуть!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. И поэтому ты решил поставить «Медею»? Хочешь мне отомстить?

РЕЖИССЕР. Я не буду ставить «Медею»! У меня нет актрисы на главную роль!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Отпусти меня! Ты сам всегда от меня отдалялся, так что же ты теперь удивляешься, что я не с тобой? Даже когда я носила нашего ребенка, ты все время оставлял меня одну! Тебя никогда не было рядом, когда ты был нам нужен! Этого уже не исправить!

РЕЖИССЕР. Мне было страшно, и я не хотел, чтобы мои чувства передавались тебе и ребенку. Это было какое-то наваждение!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Что? О чем ты говоришь?

РЕЖИССЕР. Ты была уже на поздних месяцах беременности. Однажды я увидел во сне нашу малышку. Я увидел ребенка внутри тебя, это была девочка, она тихим голосом мне сказала: «Ты меня пугаешь!» Это было так страшно. Это было какое-то сумасшествие!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Перестань! Я не могу, не могу этого слышать!

РЕЖИССЕР. Знаешь, я очень тебя любил, и даже не заметил, когда наша совместная жизнь превратилась в ад. Но зато я хорошо помню, как все дошло до самого дна. Это связано не только с изменениями...

ЧЕХОВ. Человек такая простая и немудреная машина...

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Слышишь? Все это так банально! И наши страдания! И наши изменения! Давай оставим этот разговор!

РЕЖИССЕР. Нет, я должен тебе рассказать. Ты не простишь меня, конечно, но, возможно, мне станет легче. Это было, когда мы решили немного друг от друга отдохнуть, и ты улетела куда-то, не помню уже куда, неважно. Все это время я беспробудно пил и мало что помню! А потом я встречал тебя в аэропорту, рейс по каким-то причинам задерживался на несколько часов. Я сидел в баре, пил, вот как сейчас, коньяк... (*Хочет выпить, но фляжка пуста.*) Черт! И знаешь, чего я больше всего в тот момент хотел?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Чтобы самолет вместе со мной рухнул в море!

РЕЖИССЕР. Да. Именно этого. Поэтому мне так трудно с тобой расстаться, что ты, как никто, меня понимаешь! Тебе не нужно ничего объяснять!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Если ты долгие годы живешь с психопатом, то поневоле многому научишься! Становится понята даже безумная логика! Я именно поэтому и хочу от тебя избавиться как можно скорее! Я не хочу больше заглядывать в твои темные бездны, не хочу больше жить в них! Поэтому я и решилась уйти от тебя! Раз и навсегда!

РЕЖИССЕР. И когда тебе впервые пришла эта мысль?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ты будешь смеяться! В том самом самолете, который ты мечтал утопить в море! Тогда я и решила все кончить одним разом! Вероятно, безумие так же заразно, как герпес! Мы с тобой думали об одном и том же!

РЕЖИССЕР. Расскажи, как это произошло? Случайность?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Нет, это не была случайность! В ту ночь шел дождь. Молнии царапали небо ледяными вспышками. И тени прыгали по полу и потолку. Тебя, как всегда, не было дома. Мы сидели вдвоем в темной комнате. Я и наша малышка внутри меня. Мне казалось, что она плачет. Сама я плакать не могла. Время от времени девочка била меня ногой в живот, и от ее ударов сердце мое скималось все сильнее и сильнее. Мне стало так плохо, что я решила выйти на балкон, чтобы не задохнуться. И тут мне захотелось оседлать молнию, захотелось спрятаться в потоках ливня. Наступило ослепление, и мы взлетели. Наконец-то я от тебя освободилась.

РЕЖИССЕР. И даже наш ребенок тебя не остановил! Как же нужно было меня ненавидеть! И ты все эти годы жила с этой ненавистью?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Все эти годы! Так и жила! С ненавистью! Когда ты это понял?

РЕЖИССЕР. Только что.

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. И ты столько лет ни о чем не догадывался?

РЕЖИССЕР. Нет.

*Жена Режиссера достает из-под свитера подушку, делавшую ее живот округлым.
Бросает подушку под ноги Режиссеру.*

РЕЖИССЕР (*Кричит*). Нет!

Режиссер падает на колени перед подушкой. Прижимает ее к груди.

ЧЕХОВ. Жизнь, по сути, очень простая штука и человеку нужно приложить много усилий, чтобы её испортить. Воздух застыл от тоски...

РЕЖИССЕР. Все это похоже на пошлый водевиль! Теперь я понимаю, почему Чехов называл свои пьесы «комедиями»! И теперь мне понятно, почему ты его ви-дишь! Ты с ним заодно! Ты – оборотень!

ЧЕХОВ. Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него.

РЕЖИССЕР. Ты прав! Ружье должно выстрелить!

Режиссер подходит к ружью, стоящему возле бутафорской стены.

Берет ружье в руки. Перезаряжает его. Целится в Жену.

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Прекрати паясничать! Это становится уже невыносимым!

РЕЖИССЕР. Театр – жуткое место! Тут призраки оживают, а люди становятся тенями! Если ты идешь в театр, не забудь запастись святой водой и серебряными пу-лями! Ты – оборотень! Сгинь!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА (*подавляя слезы*). Ты никогда не изменишься! Я не хочу тебя больше видеть! С меня достаточно! Я устала!

Жена Режиссера убегает со сцены. На сцене гаснет свет.

Режиссер стреляет в темноту.

СЦЕНА 8

Через секунду на сцене снова загорается свет. Режиссер выходит из-за декорации, держа в одной руке ружье. В другой он держит за хвост дохлую крысу. Смеется не- приятным смехом. После выстрела на сцену вбегают Шекспир и Беккет. Испуганно размахивают руками. Подбегают к притихшему Чехову. Щупают, цел ли он?

БЕККЕТ. Что за выстрел? Кто стрелял? Кто кого прикончил?

ШЕКСПИР. Уф, как же я перепугался! Из всех низких чувств страх – самое низ-кое...

ЧЕХОВ. Стрелял наш друг! Но он всю жизнь промахивается, так что нет повода для беспокойства! Это не тот человек, что может попасть в цель!

РЕЖИССЕР (*Чехову*). Твой Треплев пристрелил чайку, я – крысу! Разве это не забавно?!

ЧЕХОВ. Одного вдохновляют чайки, другого – крысы! И что такого?

На сцене появляется Уборщица. В руке у нее ведро и швабра с мокрой тяпкой.
Уборщица подходит к Режиссеру.

УБОРЩИЦА. Бросай крысу в ведро! Нечего размахивать этой гадостью! Хочу немного протереть! Зритель уже в фойе!

Режиссер послушно бросает крысу в ведро. Отходит в сторону.

УБОРЩИЦА. А у меня сегодня день рождения! Сейчас уберу и пойду домой!
Меня семья ждет! Внучки!

РЕЖИССЕР. Поздравляю! Поднял бы за вас бокал, да нечего выпить!
УБОРЩИЦА. Ну, это мы исправим! Или мы не в театре?

Уборщица достает спрятанную за лестницей бутылку вина и пластиковые стаканчики. Наливает себе и Режиссеру.

РЕЖИССЕР. За вас! Будьте счастливы!

УБОРЩИЦА. А я счастлива. У меня две внучки. Близняшки. Обожаю их. Одна сегодня вишневый пирог испекла и цветными карандашами мой портрет нарисовала. Вот! Полюбуйся! Что намалевала!

*Уборщица достает из кармана фартука свернутый лист бумаги.
Протягивает детский рисунок Режиссеру.*

РЕЖИССЕР. Похоже.

УБОРЩИЦА. Хватит врать! Сплошные каракули! Разве в этом дело?

РЕЖИССЕР. Вполне современно. Сейчас все так рисуют.

*Режиссер возвращает Уборщице лист бумаги. Выпивает.
Уборщица еще раз внимательно рассматривает каракули внучки.*

УБОРЩИЦА. Да? Ну, может быть! А вторая внучка спела песню. У нее с рождения церебральный паралич. Она у нас не ходит. Не разговаривает. А спела так, что я прослезилась. Без слов, понимаешь? Ведь чтобы любить, не нужны слова, правда? Я ее еще больше здоровой люблю. Так, бывает, сидим рядом и молчим. Смотрим друг на друга, и слезы сами откуда-то появляются! Ты меня понимаешь?

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Первый звонок! Артисты, занятые в спектакле «Иванов», спуститесь, пожалуйста, на сцену! Повторяю! Артисты, занятые в спектакле «Иванов», спуститесь, пожалуйста, на сцену!

За кулисами слышатся голоса входящих в зал зрителей. Звучит мелодия первого звонка. Люди рассаживаются по своим местам.

УБОРЩИЦА. Ух ты! Уже первый звонок! Ну, заболтались!

Уборщица прячет бутылку на прежнее место. Хватает швабру. Начинает торопливо протирать сцену. И что-то тихо бормочет.

РЕЖИССЕР. Чтобы любить, не нужны слова!

ШЕКСПИР. Слова, слова, слова!

БЕККЕТ. Последнее из последних времен, когда есть слова.

ЧЕХОВ. Уходить от людей – это самоубийство.

РЕЖИССЕР. Жизнь прошла, много жертв было принесено театру, сцене, которая так беспощадна, что мне самому на старости лет раскрыла глаза на то, что я – бездарность! Сцена, как магический портал, сама выстраивает тот спектакль, кото-

рый ей хочется явить миру! Она перерабатывает все, с чем соприкасается, любой материал, и человеческий, и литературный! И в итоге будет спектакль, если она этого пожелает! Случится чудо! Или не случится, если ты чем-нибудь это магическое пространство обидел, чем-то сцене не угодил!

Режиссер берет в руки ружье. Перезаряжает его.

РЕЖИССЕР. Оно все-таки выстрелило! И если оно выстрелило раз, то почему бы не?..

Режиссер садится в кресло-качалку. Снимает с себя обувь. Носки. Дотягивается пальцем ноги до курка. Пробует вставить ствол ружья в рот. Подавляет рвотные позывы. Начинает хрипло кашлять.

УБОРЩИЦА (замечает, что делает Режиссер). Все никак не наиграешься! Голова седая, а все туда же! Эх, баловник! Знала бы, что ты такой, не наливалась бы тебе!

Уборщица забирает у Режиссера ружье, вешает на гвоздь, вбитый в бутафорскую стенку, смахивает с ружья пыль. Продолжает шваброй тереть сцену и что-то чуть слышно бубнит себе под нос.

УБОРЩИЦА. Это ужасно! Такая молодая! Выпрыгнуть беременной из окна! Это ужасно! На это надо решиться! Довел, наверное! Все они такие! Эти гении! Только себя одних и любят! А на людей наплевать! После них сцену нужно святой водой окроплять! Мою, мою эти подмостки каждый день! Вот уже тридцать лет корячусь! Выметаю мерзость! А они как соберутся, как начнут друг друга поливать грязью! И опять загажено! Дышать нечем! Бедная женщина! Натерпелась, наверное! А может, это только слухи? Болтают наши сплетники? Их тут хлебом не корми, дай только кому-нибудь косточки перемыть! Своей жизни им мало, без конца других обсуждают! Врут, наверное!

ЧЕХОВ. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет?

ШЕКСПИР. Мы созданы из вещества того же, что наши сны, и сном окружена вся наша маленькая жизнь!

БЕККЕТ. Возможно, это пребывание в актерской среде так оглуляет и опустошает душу!

РЕЖИССЕР. Сцена, конечно, магическое пространство, но любая магия требует жертв. Иногда – человеческих.

УБОРЩИЦА. С кем ты там болтаешь?!

РЕЖИССЕР. Тут призраки! Хорошо, что ты их не видишь!

УБОРЩИЦА. Гони их мокрой тряпкой! Я уже заканчиваю! Ты еще слишком молод! Не трать время на ерундовые мысли!

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Второй звонок! Артисты на месте! Всем приготовиться! Повторяю! Второй звонок! Артисты на месте! Приготовиться!

Гул зрительских голосов за кулисами усиливается. Звучит мелодия второго звонка. Из «предбанника» доносятся голоса артистов.

РЕЖИССЕР. Вот и еще один день прошел мимо меня. Остается все меньше и меньше времени для того, чтобы жить! Для чего были все эти жертвы? Для чего я потерял столько лет, потерял стольких людей, от скольких радостей отказался?! Ради театра, ради сцены? Но я ведь вижу теперь ясно, что ничего нового я не создам! Ничего выдающегося создать я не способен! Что я могу создать?! Заурядность! В лучшем случае, чепуху, безделушки для обывателей, ни в чем не смыслящих и ничего не чувствующих, кроме пошлости, кроме банальности, да и то, если только им расскажут, что это модно или оригинально!

ЧЕХОВ. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего. Тебя это расстраивает? Пугает?

РЕЖИССЕР. Нет, уже не расстраивает, и не пугает. (*После паузы.*) Безразлично. ЧЕХОВ. Ты смирился.

РЕЖИССЕР. Можно и так сказать.

ЧЕХОВ. Ты сломлен? Уничтожен?

РЕЖИССЕР. Пожалуй, да.

ЧЕХОВ. Замечательно. Я знал, что этим все и закончится. Не ты первый, не ты последний. Теперь я могу идти.

РЕЖИССЕР (*вздрогнув*). Ты уходишь? Оставляешь меня?

ЧЕХОВ. Не думал же ты, что мы будем вечно отираться друг возле друга?! Есть у меня дела и поважнее, приятель! Надоел ты мне! Пойду искать себе другого психопата! Теперь ты мне не нужен! Салют!

РЕЖИССЕР. Прекрасно! Ты мне тоже порядком поднадоел со своей шляпой! Возвращайся в ад! Там тебе место!

ЧЕХОВ. Злюка. Прощай же!

РЕЖИССЕР. Проваливайте! Убирайтесь ко всем чертям! Пошли вон!

Режиссер подбегает к Уборщице. Вырывает у нее из рук швабру и, размахивая ею, выгоняет со сцены Чехова, Шекспира и Беккета.

РЕЖИССЕР. Прочь, кривые тени! Прочь! Осточертели мне пучки мутных снов! Театр мерцающей глупости! Мне пора вернуться к людям! К реальной жизни! В этом страшном мире, ничего нам не обещающем, кроме смерти, мы должны уметь радоваться каждому подаренному нам мгновению! Нет ничего ценнее жизни! Нет ничего, кроме жизни!

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Третий звонок! Приготовились! Занавес!

Уборщица покидает сцену. Режиссер остается один. Садится на сцену.

Надевает носки. Туфли. Тихо плачет. Ружье на гвозде выстреливает.

Начинает звучать музыка начала спектакля.

(ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ)

АФАГ РАФИГЫЗЫ

СОНЕТЫ

* * *

Уймись, душа, затихни и смирись!..
Метаться тщетно в поисках мечты.
Как на ветру листок, трепещешь ты.
Нет больше сил моих, остановись...
Вся в ранах и слезах – что ж, поделом.
К чему стремилась ты?
К желаниям пустым?
Всё на любовь поставила, и дым
Несбыточных надежд наполнил дом.
Душа, о, ты, как рыба на песке,
В последнем вздохе рвешься из тенет.
И я ищу спасенья на листке,
Пытаясь муку выкричать в сонет.

* * *

Нет, я не претендую на бессмертье
И на тома классических изданий.
Я сознаю: с начала мирозданья
Творенья есть прекраснее на свете.
И старую тетрадку со стихами,
Несовершенные сонеты эти
Мои, быть может, обнаружив, дети,
Бог знает, что подумают о маме.
Но я свой стих слагаю не для мира,
Его рождают боль моя и мука,
Когда душа в слезах торопит руку.
Пусть он далек от гения Шекспира,
Но не найти сочувственнее друга
В минуты грусти, чем перо и лира.

* * *

Мои глаза, как вас молчать заставить?
Меня вы выдаете каждый миг:
Там, где безмолвие хранит язык,
Не можете ни лгать вы, ни лукавить.
Я больше не способна вами править
С тех пор, как Он в моей судьбе возник,
И в сердце этот сладкий яд проник,
А разум мой решил меня оставить.
Куда мне спрятать вашу боль и грусть?..
О, не смотрите вы с улыбкой нежной,
Когда б могла вам прежний свет вернуть,
И взгляд беспечный и веселый прежний.

Но вы меня не слышите, конечно,
И мне не подчиняется ничуть.

* * *

Как вырваться из этой суеты?
Как снова обрести любовь и веру?
Так больно мне оплакивать потери,
Так страшно от душевной пустоты...
Потухший взгляд в безмолвии застыл.
Жизнь предстает в одном лишь цвете сером.
Моей тоски и боли не измерить,
А мне бы лишь глоток живой воды.
Всего один живительный глоток,
Чтоб все в душе сумел перевернуть,
Глазам потухшим прежний свет вернуть,
Чтоб шар земной поплыл бы из-под ног,
И захватил волшебных сил поток,
И трепет жизни вновь наполнил грудь.

* * *

Я возвращаю все три честных слова –
Я ими не воспользуюсь ни разу.
Во всем с тобою мой согласен разум,
Жаль, что душа к разлуке не готова.
Наверно, от того, что больно снова,
Поверила твоим словам не сразу.
Она полна слезами до отказа.
Ей страшно вновь закрыться на засовы.
Иди, любимый мой, на все четыре...
Ни долга нет меж нами, ни кольца.
Я не ждала счастливого конца.
Но осторожен будь в жестоком тире,
Где все стрелки в охотничьем мундире,
А за мишень – открытые сердца...

* * *

Стихами многих удивила я,
В них столько боли от былых ошибок.
Ведь знали только близкие друзья,
Что под моей беспечною улыбкой,
Как часто мне и холодно, и зыбко...
Но как ни плакала душа моя,
Жила я, боль от глаз чужих тая,
Поймать мечтая золотую рыбку.
Но все, что я скрывала, как могла,
Под звонким смехом, обнажилось вдруг:
Печаль, что камнем на сердце легла,
И мрачное сплетенье горьких мук,
Моей любви рождение и крах –
Все тайное открыла вам в стихах.

ИСА ГАБИБЕЙЛИ – 70

ИСА ГАБИБЕЙЛИ

МИР СТАТУСОВ И СМС РАШАДА МЕДЖИДА ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Как творческий человек, Рашад Маджид приобрел известность не только благодаря созданию независимой газеты и большому опыту работы в прессе, но и оригинальными художественными произведениями. Несмотря на относительно небольшое количество его сочинений, он занял свое, присущее ему место в современной азербайджанской литературе.

В свое время в книге, посвященной Рашаду Меджиду «Талантлив во всем» (2014), я писал: «В своих стихах Рашад не воспевает глубокие и возвышенные чувства, не выражает свои взгляды на жизнь и человека, а повествует о них, как о своем естественном состоянии». В то же время как автор лиро-эпической поэмы «Роман», Рашад Маджид оставил свой след в современной азербайджанской литературе. Своим рассказом «10 сентября» он привнес новую струю в традицию написания рассказов в Азербайджане. Публицистические работы Рашада Меджида, рожденные в синтезе аналитических рассуждений и монологических размышлений, также являются собой пример оригинальности. Одним словом, он оправдал слова, сказанные мной о нем: «талантлив во всем». Однако новизна, наблюдаемая в творчестве Рашада Меджида, требует пересмотреть значение слова «во всем». Элементы драматургии, недостающие в его творчестве, встречаются в его поэме «Роман» и в стихотворном сборнике «Дастан». Рашад Меджид еще не создал драматического произведения, но можно сказать, что он провел определенную подготовительную работу на пути к его созданию. В его лирических произведениях немало сюжетов, из которых можно создать прекрасные драматические сцены.

Но в этой статье хотелось бы поговорить о другом. В последнее десятилетие в истории азербайджанской литературы и печати Рашад Меджид создал совершенно новый жанр. Именно он заговорил о своей переписке в социальных сетях, названной им «Эссе-статусы» и «Смс-эссе», как о новом независимом жанре. В своей работе «Не первом написанные», он словами «Возможно, это тоже жанр», не колеблясь, выдвинул предположение о том, что статусы и смс являются собой независимый жанр. Приведя в подтверждение своих слов высказывание нобелевского лауреата Орхана Памука и озвученное известным публицистом Ширмамедом Гусейновым выражение «новый жанр», он положил основу размышлению о статусах и смс, как о новом жанре в литературе. Кроме того, Рашад Меджид на своем примере демонстрирует, что статусы и смс, выставляемые им, являются конкретным жанром. Так, слова «талантлив во всем», относящиеся к Рашаду Меджиду, расширились, и сюда вошли два совершенно новых жанра, в которых он работает, и которые пришли в литературу из социальных сетей – «Эссе-статусы» и «Смс-эссе».

Прежде всего, я хотел бы выразить свой взгляд на понятие «не первом написанные», которое привнес в азербайджанские СМИ Рашад Меджид. Как известно, в нашей научной среде азербайджанские наскальные рисунки Гобустана и Гемигая воспринимаются как древняя культура письменности. Эти знаки и пиктограммы представляют собой зачатки азербайджанской письменности. На их основе даже был разработан гемигая-гобустанский алфавит. Используя понятие «записи без пера» в

совершенно новой области, Рашад Меджид соотносит его с древней культурой. Не только нынешние, написанные без пера статусы и смс, но и в древние времена на скальные записи и рисунки осуществляли своеобразную функцию социальных сетей. До появления в Азербайджане письменности и первых рукописных книг люди выражали свои мысли, чаяния и идеи не только в песнях и сказаниях, но и в наскальных рисунках. Высеченные на камнях в Гобустане различные рисунки и надписи, несущие в себе информацию и определенные цели, подобно слову в социальных сетях того времени прочитаны, поняты и, более того, сумели дойти до наших дней. Небольшие по сравнению с Гобустаном камни с надписями на Гемигая – это те же статусы и смс того периода, сохранившиеся на протяжении веков. Знаменитые орхено-енисейские письмена также созданы не первом в привычном нашем понимании. Они выполнены каменными секачами, наконечниками стрел и другими орудиями. Сегодня эти орудия заменила клавиатура компьютера... Статусы и смс Рашада Меджика, которые можно смело приравнять к жанру эссе, вполне можно считать продолжением азербайджанского фольклора. Это то новое, что внес Рашад Меджид в современный азербайджанский фольклор, и циклом «Не первом написанные» он подтверждает бессмертие и вечные традиции устного народного творчества.

Книга «Не первом написанные» состоит из двух частей: эссе-статусов и смс-эссе. Отметим, что определение этим жанрам дал сам Рашад Меджид. И действительно, как в статусах, так и в смс присутствуют элементы жанра эссе. Присущие жанру эссе эмоциональные рассуждения и прозаические стихотворения, элементы художественности в статусах и смс исходят из его поэтической, а не журналистской натуры. Разумеется, публицистика занимает особое место в записях Рашада Меджика в социальных сетях. С идейно-тематической точки зрения принадлежность статусов и смс к повестке дня, их реакция на происходящие в обществе события, актуальность и современность органически связаны с публицистикой. Его статусы и смс – это оригинальная литература социальных сетей, основанная на наблюдениях и ощущениях писателя и поэта. Среди бесконечного множества авторов статусов и смс, представив на обозрение литературно-общественной среды «произведения», написанные в этом жанре, Рашад Меджид заявляет, что является одним из основателей этого нового жанра литературы в уже завоевавшей себе место и признанной литературной средой «интернет-литературе». Говоря интернет языком, смс и статусы представляют собой профиль Рашада Меджика в социальных сетях.

На основе его статусов, опубликованных в «Не первом написанных», можно сказать, что он предъявляет высокие требования не только к своему художественно-публицистическому творчеству, но и к электронным СМИ. Если слова Рашада Меджика «покажи свою газету, и я скажу, кто ты» отражают принципы верности главного редактора своей профессии, то его выражение «покажи свой сайт, и я скажу, кто ты» подчеркивает степень его ответственного отношения к электронным СМИ. «Не первом написанные», размещенные в Facebook и Instagram, являются доказательством того, что в среде электронной прессы и литературы он не простой «пользователь», а творческая личность, и что вне этой среды он себя уже не представляет. Так же как писатель выбирает для печати своего произведения подходящую ему газету, журнал или издательство, так и Рашад Меджид для публикации своих статусов и смс отфильтровывает электронные медиа и определяет подходящую для него платформу. По его мнению, Instagram это «место хаоса, где никто никого не слушает, либо «толкучка», где любая мелочь выставляется на продажу», а потому не подходящая для серьезной литературы и публицистики. По мнению Рашада Меджика Facebook более или менее отвечает его требованиям к социальным сетям, и он оценивает эту социальную сеть, как подходящую платформу для виртуальной мысли и свободного полета идей на сравнительно высоком уровне. Автор считает, что несмотря на все недостатки, Facebook – это платформа, которая может превратиться в центр обмена

мыслями, хотя и приходится отмечать, что политические интересы, тролли, односложные мысли там превалируют, все же талантливых и достойных людей там слышат. Кроме того, люди тут могут высказывать свое недовольство или оппозиционное мнение. «В Facebook есть люди с интересными мыслями и идеями, выражающими общественное мнение, депутаты, политические деятели, творческие личности, интеллигенты и постепенно их превосходство становится очевиднее».

Наряду с этим Рашад Маджид также обращает внимание на опасности, создаваемые социальными сетями, так как они обладают такими широкими спектрами функций, как живой электронный экран или открытый микрофон, и призывает к бдительности и ответственности. В такие моменты его статусы звучат тревожно, почти превращаясь в набат: «Наши чувства, эмоции, суждения, отражающие нашу индивидуальность и независимость, которыми мы так гордимся, в опасности. Искусственный интеллект и технологии достигли такого уровня, что они способны контролировать не только наш ум, но и наши чувства, и даже частоту сердечных сокращений. Что вы должны есть, на ком должны жениться, за какую партию должны голосовать... – все это будут определять вместо вас».

По моему мнению, это позиция гражданина, осознавшего свой моральный долг перед обществом. Рашад Меджид, проводя в меру сил просветительскую работу, старается направить медиа социальных сетей XXI века в здоровую среду, тем самым с достоинством выполняя свою писательско-гражданскую миссию. Поэтические конкурсы, объявляемые Рашадом Меджидом на страницах Facebook, это важный шаг, рассчитанный как на развитие литературы социальных сетей, так и на оздоровление информационного общества.

Такова реакция Рашада Маджида на объективную картину огромного виртуального пространства электронных масс-медиа нового времени. Это не только определяет, насколько электронное медиа-пространство подходит для литературы, но и проливает свет на функции онлайн-литературы. В этом контексте статусы и смс Рашада Меджида являются художественно-публицистическими образцами, освещающими и корректирующими это сложное медиа-пространство. Подобная работа в современном электронном пространстве, давно ставшем частью нашей жизни, говорит о чувстве ответственности за формирование и развитие литературы и печати нового времени. Публикуя на протяжении многих лет свои статусы и смс в виртуальных масс-медиа, Рашад Меджид проявил себя как борец за развитие современной литературы и прессы в разумном по его мнению русле. Эту работу можно назвать частью его профессиональной деятельности, которую он ведет наряду с руководством созданной им «525-ой газеты». Таким образом, Рашад Меджид, выставляя статусы и публикуя смс в Facebook, использует последние достижения электронной техники для развития современной прессы и литературы. Это хороший пример всем активным участникам этой социальной сети.

Статьи, включенные в «Не первом написанные», разделены на две части: «Эссе-статусы» и «Смс-эссе», но между ними существует внутренняя связь. Статусы-эссе представляют собой маленькие тексты с конкретным идеальным содержанием. Это – профили, обобщающие взгляды Рашада Маджида на общественные события, литературную среду и человека. Их можно назвать эпиграфами к его смс.

В большинстве случаев статусы Рашада Меджида исполняют функцию поучительного вывода либо обобщенного афоризма и определяют позицию автора: «Добро – самое верное средство»; «Старость не лечится»; «Тяжелое дело – новый друг»; «Ошибаются один раз, повторение – это уже характер»; «Опасно терять чувство реальности»; «Деньги подобны магниту, запавших на них людей куда угодно можно притянуть»; «В дружбе женщины бывают преданными, в любви – не могу сказать»; «Доверие теряется единожды». В этом отношении статусы и смс Рашада Меджида и, в особенности, статусы-афоризмы являются положительным примером для тех, кто

«использует» социальные сети для клеветы, унижения людей и выражения своих отнюдь не позитивных мыслей.

Смс-эссе – это миниатюры, которыми Рашад Меджид, создавший в художественной прозе рассказ «10 сентября», проявил свой своеобразный потенциал. Сам того не осознавая, он, считая, что смс попросту «заменили письма прошлого», заложил основу жанра смс-письмо-рассказ в литературе социальных сетей. Смс-эссе выполняют функцию миниатюрных дидактических рассказов, поскольку в каждом из них уделяется внимание определенным советам и морально-духовным ценностям. Смс Рашида Меджида – это выражение его жизненной философии. К примеру, обратимся к миниатюрному смс-рассказу в Facebook:

«Если счастье окрыляет душу, озаряя ее чистым светом, возносит, то боль, страдание и печаль – это падение в пропасть. Чем глубже падаешь, тем больше леденеешь от изумления. Если парение в вышине, в небе – это растворение в свете бесконечной Вселенной, то в пропасти сосредоточено все материальное, вобравшее в себя память веков. Может, поэтому, находясь в печали и грусти и падая в пропасть, человек открывает для себя истины, о существовании которых он не знал».

«Ищущему ответы на вопросы, советуют «копать глубже».

«Вознесись ввысь» – в этом призывае нет вопроса.

«Вознесись ввысь» – это ответ.

«В глубину можно погрузиться и утонуть».

«Погрузившись в пучину, можно остаться там навсегда».

«...Цвет у счастья один, и жизнь его коротка. Тоска же живет долго. Наверное поэтому описаний счастья намного меньше. И, видимо, поэтому больше говорят о долго живущих страданиях!»

«Упасть в пропасть можно и одному. Страдание, грусть, печаль пережить можно и одному. Но для счастья нужен кто-то еще».

«Падать и погружаться – все равно что утонуть. Если никто не протянет руку, там и останешься. В глубине!.. Но чтобы вновь вознестись, лучше всего утонуть. Утонуть и писать! Писать до конца! Пока вновь не взлетишь!..»

Во многих статусах и смс Рашида Меджида есть сюжетная линия. Короткометражные сюжеты статусов выражают не описание событий, а их общее развитие. Такие смс позволяют визуализировать как образы, так и сами события. Смс-ы «Аэропорт-1», «Аэропорт-2», «Пиджак», «Сон», «Молитва Аганицы», «Небосвод», «Черный базилик» – маленькие миниатюрные истории нашего времени. Миниатюрная история «Привычка» – это рассказ, рожденный из синтеза смс и статуса. Статусы здесь выражают направление сюжета, либо обобщенный логический исход событий. Смс же отражают развитие сюжета и динамику мыслей автора. Для ясности я представляю читателям лирико-психологический рассказ «Аэропорт-2»:

«Не мог усидеть на уроке. Скукал. Все мысли были о ней. Он должен был сделать сюрприз. Должен был осчастливить. Вмиг он принял решение – он поедет в аэропорт. Встретит ее. Подумал, что «до 7 еще есть время, поеду, если она будет не одна, не подойду».

Сел в такси. Когда доехал до аэропорта, было уже 6 часов... подошел к информационной стойке. Ровно в 7 часов позвонил:

– Прилетела, родная?

Ее голос ему показался каким-то странным. Ему показалось, что она не рада, что он ее встречает. Разозлился на себя. Решил развернуться и уйти, чтобы наказать ее за то, что не смогла оценить его жест. Для нее будет достаточно, если я не напишу ответ. Но сердце не выдержало.

– Мне уйти?

– Раз ты здесь, то жди.

Ему вновь захотелось уйти. Но передумал.

Сел и ждал. Она вышла. Подошла к нему и протянула руку. Пошли в кафе пить чай.

Он был поражен. Казалось, перед ним сидел совершенно другой человек. Смотрел в недоумении. Сожалел о том, что приехал. Его словно окатили ведром холодной воды. Что я здесь делаю, почему я сюда приехал?

Они шагали рядом. Он чувствовал, что пытается идти, сторонясь от нее. Ругал себя. Никогда не думал, что все так внезапно закончится. Его раздирали два чувства: с одной стороны он пытался ощутить самого дорогого ему человека рядом с собой, с другой – не мог понять, зачем он приехал сюда за этой ставшей такой холодной, далекой и чужой для него женщиной.

Встретились на следующий день. Он был потрясен: не отпускающее его вот уже неделю недомогание да еще вчерашний неудавшийся сюрприз. Что же теперь сказать? С чего начать? Но она опередила его. Сама все сказала. Решили расстаться на время.

На время ли?..»

Статусы и смс в «Не первом написанных» такие же трогательные и оригинальные, как и произведения Рашада Меджида, написанные традиционным образом. Чувствуется, что, несмотря на всю сложность, этот новый тип литературного пространства зажег в Рашаде Меджиде совершенно иную творческую страсть. Теперь у Рашада Меджида, нашедшего себя в этом новом жанре, начался новый этап творчества. И слова в смс-эссе «Писать-2» звучат как манифест:

«Писать без остановки, без перерыва!..

Писать, вдыхая в себя сигаретный дым..

Писать! Писать!..

Писать, превратив минуты в часы, чтобы не устать от бессмысленных дней!

Писать, чтобы не умереть от печали, что душит тебя!

Писать, чтобы плакать и рыдать!

Писать, чтобы не спать!

Писать, чтобы быть начеку!

Писать, чтобы думать!

Писать, чтобы не думать!

Писать, чтобы жить!

Писать, чтобы помнить!

Писать, чтобы любить!

Писать, чтобы утолить голод!

Писать, чтобы искупить свой грех!

Писать, чтобы быть сильным!

Писать, чтобы не казаться слабым!

ПИСАТЬ, чтобы вновь тебя увидеть, вновь быть с тобой!!!»

Это литературный обет нового этапа творчества Рашада Меджида. По моему мнению, это опубликованное на страницах Facebook смс-письмо – идеальное руководство для любого творческого человека, который создает свои произведения в современном виртуальном пространстве.

Статусы и смс Рашада Меджида – это наброски его будущего романа.

Статусы и смс Рашада Меджида – это стенограмма его литературной деятельности в Facebook.

Вывод: Рашад Меджид – писатель-новатор, внесший новизну в мир статусов и смс в социальных сетях и создатель миниатюрных электронных статусов и миниатюрных смс-рассказов.

Я хотел бы подытожить свои мысли статусом самого Рашада Меджида: «Если веришь не колеблясь, ...исход будет таким, какой желаешь».

Я желаю успехов Рашаду Меджиду на новом литературном поприще!

ДАНИЯ ЗАГИДУЛЛИНА

*Вице-президент Академии наук
Республики Татарстан,
академик*

ВЛАСТИТЕЛЬ СУДЬБЫ И ЛЮБИМЕЦ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НАУКИ

Только в бодром горячем порыве, в страстной любви к своей родной стране, смелости и энергии рождается победа. И не только и не столько в отдаленном порыве, сколько в упорной мобилизации всех сил, в том постоянном горении, которое медленно и неуклонно сдвигает горы, открывает неведомые глубины и выводит их на солнечную ясность.

M. V. Ломоносов

О людях, подобных ему, говорят, что они – властители своей судьбы... Родившись далеко от мегаполисов, он сумел расширить территорию своего бытия, своего окружения до общемировых масштабов. Удивительно комфортно и уютно чувствует он себя на своей малой родине – в Нахчыване, среди земляков и родных ему людей, которые благодарны ему за открытость, за помощь и поддержку в любых начинаниях. Он – свой во всем Азербайджане, его знают и уважают как государственного деятеля, аксакала и Учителя, как Иса-муаллима, достигшего высоких вершин в науке, на научно-организаторской стезе. Наблюдая за ним, я удивлялась тому, как его заинтересованность и желание услышать, понять и, если есть необходимость – помочь советом или делом, умение искренне радоваться и гордиться успехами коллег, находить слова поддержки и похвалы для подчиненных даже за небольшие достижения – притягивают и завораживают окружающих. Он – настоящий генератор идей и соиздатель, труженик и исследователь!

Иса Габибейли живет насущными запросами и потребностями азербайджанского народа и служит своей родине. Высоко оценены его талант и труд в Азербайджане: великолепный организатор и лидер Иса Акпер оглу Габибейли является вице-президентом Национальной академии наук Азербайджана, депутатом и председателем Комитета по науке и образованию Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, академиком НАНА, директором одного из самых престижных среди профильных институтов – Института литературы им. Низами Гянджеви, заслуженным деятелем науки и лауреатом ряда высоких наград Азербайджана и тюркского мира.

За рубежом – в Турции и Иране, в Казахстане и Узбекистане, в Москве и Казани, в Ижевске и Дубне – он пользуется авторитетом неординарной личности, надежного делового партнера, его знают как крупного ученого, который высоко несет честь азербайджанской науки, литературы, искусства.

Говорят, до достижения совершеннолетия человека формируют семья, род, родина... Иса Габибейли родился и вырос в семье, где почитали знания и ум и сделали все возможное, чтобы дети получили хорошее образование. Он с детства знал, что принадлежит к почитаемому и знатному роду. Становление его как ученого – теоретика и историка литературы, историка науки и культуры, блестящего руководителя

и организатора, политика и национального деятеля – связано с Нахчыванским государственным университетом, в котором он прошел путь от студента до ректора. Прекрасные учителя, люди, которые его окружали, верили в него, в его талант – каждый из них вложил частичку своей души в этого юношу, способного быть первым, лидером, представителем своего народа на площадке мировой науки.

Наука, которую он выбрал, вознаграждает только тех, кто постоянно, беспрестанно работает и преданно служит ей. Тот факт, что Иса Габибейли – автор более 2000 научных трудов, в том числе около 40 монографий, учебников и учебных пособий – само за себя говорит. Его вклад в литературоведческую науку: в разработку методологии азербайджанского литературоведения, в осмысление особенностей теории национальной литературы с точки зрения многообразия представленных в ней жанров и методов, в изучение истории азербайджанской классической литературы и современного литературного процесса в целом, индивидуальных стилей и поэтики видных представителей азербайджанской литературы и художественных особенностей литературного процесса отдельно взятых периодов – поражает и завораживает. Как ученый, исследователь – он сумел приложить максимум усилий для совершенствования своего научного сознания путем беспрестанных поисков и работы, для развития тех способностей, которые были заложены природой.

Сфера научных интересов Исы Габибейли широка и разнообразна, она тесно связана не только с гуманитарной отраслью науки, но и судьбой родины. Его научно-публицистические, философские, политические размышления о прошлом, настоящем и будущем Азербайджана – предмет отдельного разговора. Его наблюдения о перспективах развития науки, судьбе национальной культуры, роли отдельных личностей в истории народа и многие другие поднимаемые им темы говорят о неординарности мышления, эмоциональной глубине, неравнодушии. За его творчеством – стихотворениями, сценариями, переводами – отчетливо виден их автор: начитанный и эрудированный, тонко чувствующий искусство, знаток и ценитель литературы.

У каждого человека есть свой круг общения, и даже не один, а несколько кругов. У таких коммуникабельных и открытых личностей, как Иса Габибейли, в силу занимаемой должности обязанных ежедневно общаться по самым разным вопросам со многими людьми, их множество. Я хочу затронуть один из них, который связан и со сферой научных взаимосвязей азербайджанской гуманитарной науки, и с личными научными открытиями и достижениями Исы Габибейли.

Наблюдая за общением Исы Габибейли с представителями различных научных школ, будь то Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Международная тюркская академия, академии наук Татарстана или Башкортостана, различного формата научно-исследовательские гуманитарные институты республик Удмуртия, Чувашия, Марий Эл и многих других, я пришла к мнению, что жизненный путь одного человека иногда волею судеб становится центром пересечения многих миров, а он сам – их создателем и творцом. Причина проста: он обладает способностью оценить и поощрить достижения других и найти верные слова поддержки. Это свойство личности становится основой для установления крепких научных связей.

Но суть еще и в другом. Очевидно, что не все организаторы науки, а лишь единицы способны не только заниматься наукой и создать свою научную школу. Для этого необходимо видеть перспективу и быть настоящим профессионалом в своей отрасли. Опережающие свое время научные достижения Исы Габибейли стали крепким фундаментом для обмена научным опытом, для планирования общих проектов, для научного общения и взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего – между тюркскими народами. В подтверждение этого хотела бы привести несколько примеров.

Первой знаковой темой, раскрывшей научный потенциал Исы Габибейли, стал романтизм. Важность и оригинальность его исследований определялась тем, что в советском литературоведении долгое время романтизм и различные модернистские течения считались пережитками прошлого. Часть романтических произведений даже изучалась в рамках реалистического направления. В такой ситуации статьи Исы Габибейли, написанные в конце 1970-х годов, кандидатская диссертация «Азербайджанская романтическая лирика в начале XX века», монография «Особенности романтической лирики» (Баку, 1984) стали теоретической основой для определения места романтизма в азербайджанской литературе, способствовав возрождению целостной картины ее развития. На материале произведений Гусейна Джавида, Мухаммеда Хади, Аббаса Саххата, Абдуллы Шаига и др. ученый сумел определить содержательные и поэтические особенности целого пласта художественного творчества, оценить жанровые и стилевые характеристики как поэзии начала XX века, так и отдельных представителей литературного процесса той эпохи. И это исследование шло в унисон с научными поисками других тюркоязычных литературоведов, прежде всего, татарских, позволив таким образом «вернуть» в литературоведческую науку представления о романтическом крыле художественного творчества в тюркских литературах.

Общеизвестно, что в самой литературе романтизм развивается параллельно с реализмом или с неклассическими типами культуры. Выделяя одно, нельзя не замечать другое. Иса-муаллим уже в 1985 году публикует книгу «Литературное развитие», в которой рассматривает просветительскую и реалистическую парадигмы творчества.

Выбранное направление предопределило следующую научную тему, может быть, даже главный объект исследований ученого, принесший ему ученое звание доктора филологических наук (1996). Об этом свидетельствуют его монографии «Джалил Мамедгулузаде» (Баку, 1987), «Джалил Мамедгулузаде и литературная среда» (Баку, 1990), «Джалил Мамедгулузаде: среда и современники» (Баку, 1997) и другие. Творчество Дж. Мамедгулузаде и его современников позволило Исе Габибейли восстановить целостную картину развития литературного процесса, азербайджанской теоретико-литературной мысли, выявить основные направления и этапы ее эволюции в конце XIX – начале XX веков.

Важнейшим итогом этих изысканий явилось определение понятий «критический реализм», «просветительство» на фоне глубинных диахронических трансформаций культуры. В результате скрупулезного исследования жизни, деятельности и творчества ряда выдающихся азербайджанских мыслителей, стоявших в авангарде просветительского движения, введения в научный оборот неизвестных ранее материалов, касающихся общественно-политической и социально-культурной ситуации того времени, стало очевидно, что просветительство в Азербайджане наполняется иным содержанием по отношению к его смыслу в европейской или русской культуре; оно становится мощным толчком к ренессансу многих тюркских народов. Эта мысль в дальнейшем была подкреплена на материале истории журнала «Молла Насреддин», который в свое время стал платформой для социокультурного роста многих тюркских народов, в том числе татар.

Одновременно с этим Иса Габибейли исследует историко-литературный процесс XIX и XX веков с целью выявления тех особенностей, которые определяют его национальную сущность. Благодаря его усилиям состоялось «возвращение» литературного наследия ярких и самобытных писателей: Эйнали-бека Султанова, Мамед Саида Ордубади и десятков других талантов. На этом материале стало возможным обнаружить эстетически имманентные свойства и законы не только историко-литературного процесса, но и творчества многих поэтов и писателей, ключевых текстов того периода.

В результате его исследований и публикаций азербайджанская литература начала XX в. предстала эстетически неоднородной платформой для существования разных литературных направлений и течений, литературных школ и стилевых разветвлений. Именно Исе Габибейли принадлежит воссоздание летописи азербайджанской литературы данной эпохи и концептуальная оценка роли литературной школы «Моллы Насреддина» в азербайджанской культуре. Его исследования по ряду позиций опережают подходы к изучению историко-культурных процессов, происходивших у других тюркских народов, в частности, у татар.

Еще в далеком 1985 году ученый выпустил книгу «Теория литературы» (Баку, 1985). Однако даже в трудах по истории литературы Иса Габибейли всегда выступал как теоретик литературы, изучая направления и течения, виды и жанры, поэтику азербайджанской литературы с теоретических позиций. Среди таких объектов изучения – литературный процесс, новаторство, лиризм в литературе, исторический роман, или поэтика романа, жанры (сонет, новелла, басня и др.), образы и прототипы и многое другое. Такой подход приводит ученого к новым открытиям. В частности, его концепция выделения сатиры как четвертого вида и определение целого ряда ее жанров в азербайджанской литературе требуют пересмотра генезиса и развития литературных родов и жанров, начиная с эпохи синкретизма.

Особо хочется отметить еще одно направление научного творчества Исы Габибейли – формирование концепции изучения национальной литературы в постсоветских реалиях. Освобождение литературоведения на рубеже XX-XXI веков от социологического подхода нашло отражение в поисках основ для изучения национальных литератур в их художественно-эстетической специфике, с учетом внутренних, только им присущих закономерностей развития. Возникла необходимость переосмыслить национальный историко-литературный процесс, прежде всего, не-русских народов бывшего СССР, определить основные принципы построения их истории. Многие труды Исы Габибейли, посвященные новаторству «шестидесятников», характерным особенностям литературной школы Самеда Вургана, анализирующие творчество Мамеда Араза, Наримана Гасанзаде, Сабира Рустамханлы, Анара, Камала Абдуллы и многих других, были нацелены на выявление основных тенденций литературного процесса на протяжении XX и в начале XXI веков, осознания его внутренней логики, направлений и динамики движения национального художественного сознания и способствовали формированию единой концепции изучения азербайджанской литературы. В результате появилась монография «Концепция периодизации истории азербайджанской литературы и этапы ее развития» (Баку, 2019), которая определяет новые подходы к общей истории национальной литературы.

По сути, монография стала пионерской не только в определении концепции периодизации азербайджанской литературы, но и в осмысливании долгого, отмеченного яркими именами и значимыми произведениями пути литературы тюркских народов в контексте мировой литературы. Глубина и широта входящих в нее материалов превращают историю азербайджанской литературы в историю культуры тюрков. Корректность историко-литературных обобщений, репрезентируемых впервые, достигается за счет «возвращенных» литературных памятников и новых изданий антологического характера.

Так, идеино-художественное своеобразие древней (с древнейших времён до VII века) и общего начала письменной литературы (VII–X века) рассматривается в рамках художественного мышления древней тюркской цивилизации. На примере азербайджанской литературы эпохи Возрождения (XI–XII вв.) на высоком научном уровне детализированно анализируются причины, обусловившие скачок в развитии азербайджанской литературы: это и влияние мусульманского Ренессанса и восточного Возрождения, и воздействие общетюркских фольклорно-мифологических представлений. Литература же средневековья (XIII–XVI вв.) определяется как эпоха

становления литературы на родном языке.

Необходимо особо отметить тот факт, что дальнейшее развитие азербайджанской литературы Иса Габибейли рассматривает через динамику формирующихся в ней литературных направлений. По мнению ученого, XVI век завершает эпоху восточного романтизма. Целостность следующему историко-литературному этапу (литературе XVII–XVIII вв.) придает формирование раннего реализма, а в XIX веке – просветительского реализма. Подобный диахронный подход к тюркским литературам очень важен для дальнейшего изучения и структурирования их истории.

Ученый называет просветительский реализм «локомотивом азербайджанской литературы», и в следующем периоде развития национальной литературы (эпоха критического реализма и романтизма – 1890–1920-е годы) выявляет и просветительские мотивы, и сентиментализм. В советское время было принято считать, что просветительство во многих тюркоязычных литературах существовало только до 1905 года, и эта установка стала причиной многих неточностей в их изучении!

Исследование периода социалистического реализма (1920–1960 гг.) и соответствующих ему литературных, идеологических канонов также проведено с теоретическим осмыслением, выявлением факторов национально-культурной идентичности, проблем жанра, стиля, поэтики. Оговорив, что в советский период в азербайджанской литературе идеологически выверенных произведений было немного, ученый вскрывает целые пласти проявлений, где на первом плане – философия человека, национальная или историческая проблематика. Анализ и обобщение этого материала приводят ученого к выводу о начале в этот период масштабных изменений в азербайджанской литературе. Ученый отмечает, что уже в 1950-е годы сформировались те стилевые тенденции, которые определили дальнейшую трансформацию азербайджанской литературы в рамках авангарда шестидесятых.

Следующий этап в истории азербайджанской литературы Иса Габибейли называет эпохой «национально-духовного самопознания и борьбы за идеалы суверенитета, эпохой модернизма» (1960–1990 гг.). На этом материале раскрывается художественно-эстетическая природа новых явлений, лежащих в основе творчества писателей-авангардистов. Подобные тенденции: активизация процессов определения национальной идентичности, поиск путей трансформации социалистического реализма наблюдаются и в татарской литературе 1960–1980-х гг. Этот период мы называем эпохой возвращения татарской литературы к национальным истокам.

Далее ученым разрабатывается теория национального историко-литературного процесса на рубеже веков как переходного периода, связанного с отрицанием прежних идеологических и культурных ориентиров, освоением новых литературных приемов. Он называет этот период «Многометодной Азербайджанской литературой в период независимости (с 1991 года)». В нем представлена достаточно полная и цельная картина развития азербайджанской литературы постсоветского периода, главной приметой которой автор считает сосуществование и взаимодействие элементов разных художественных систем: неореализма, модернизма, постмодернизма, магического реализма.

Таким образом, монография «Концепция периодизации истории азербайджанской литературы и этапы ее развития» скрепляет воедино все литературоведческие исследования ученого. Теоретические изыскания позволили ему создать специфический инструментарий для изучения национальной литературы, а изучение истории родной литературы – выстроить целостную систему ее развития. Азербайджанская и вся тюркоязычная литература предстает в монографии в качестве уникального духовно-практического образования, занимающего свое неповторимое место в ценностном поле мировой культуры. Концепция периодизации истории азербайджанской литературы становится одним из вариантов периодизации истории тюркского мира через системное осмысление его общих литературно-художественных ценностей.

В таком ракурсе выступал Иса Габибейли 11 сентября 2019 года в Казани, на заседании круглого стола «Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы». Его слова: «периодизация литературы тюрksких народов и определение этапов её развития открывают перспективы для установления и развития в современном мире – со ссылкой на многовековые историко-литературные традиции – более плодотворных культурно-литературных связей» созвучны стремлениям татарстанской стороны сформировать дискуссионную среду по вопросам изучения национальных литератур, переместив ее с региональной плоскости – в межрегиональную (Поволжье и Приуралье), и далее – в международное пространство.

Необходимо отметить, что в самом Азербайджане по инициативе Исы Габибейли организована одна из самых привлекательных на постсоветском научном пространстве площадок по мультидисциплинарным исследованиям, которая, с одной стороны, служит развитию взаимодействия между гуманитарными, естественными и техническими науками, с другой – укреплению связей между научными сообществами различных стран и народов. Речь идет о Международном научном семинаре «Физика и лирика: мировой опыт и реальности науки и литературы стран Содружества», ежегодно проводимом Национальной академией наук Азербайджана совместно с Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых государств и Объединенным Институтом ядерных исследований (Дубна), начиная с 2013 года. Эта новая модель междисциплинарной интеграции становится импульсом, способствующим реализации совместных международных проектов.

Иса Габибейли вносит большой личный вклад в изучение литературу тюрksких народов. Его труды, посвященные творчеству Физули, Навои, Ч. Айтматова и многих других выдающихся представителей мировой литературы, деятельности Мустафы Кемаля Ататюрка, Гейдара Алиева, свидетельствуют о широте его взглядов – как социокультурных, так и исторических, политических.

Наша статья задумывалась как история человека, ученого, государственного деятеля, как описание дороги, проложенной им самим, по которой он повел за собой многих. Той дороги, которая прославила его. Но получились страницы истории национальной гуманитарной науки, истории науки тюрksких народов.

Видимо, секрет в том, что жизнь, деятельность, научные открытия и достижения Исы Габибейли связаны с этим широким миром. Острый ум, широта мышления, благородство, неравнодушие, стремление всегда быть объективным, интеллигентность и простота, составляющие основу характера, менталитета, его «я», сыграли судьбоносную роль в его жизни, успехах и достижениях.

Об Исе Габибейли можно говорить и писать много... Он разносторонен.

Пусть обращение к самому юбиляру прозвучит как прелюдия к новым открытиям в его жизни.

«От имени академического научного сообщества Татарстана желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, дальнейшей плодотворной и со-зидательной работы на благо ее величества Науки. А Ваш путь в большую науку станет примером для подражания, началом истории для молодых, увлеченных своим делом и желающих непременно проложить свою собст-венную дорогу».

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ЧЕЛОВЕК НА КАРТИНКАХ

*С бесконечной благодарностью
Алескеру Гасратову, Нейрохирургу,
спасшему мою жизнь и рассудок*

*Точка, точка, запятая,
Минус, рожица кривая,
Ручки, ножки, огуречик –
Вот и вышел человечек...*

(Детский стишок)

Часть первая НОВЫЙ ВИТРУВИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК

В канун Нового, 2019 года респектабельный еженедельник **THE ECONOMIST**, слывущий глобальным рупором клана Ротшильдов, опубликовал на обложке традиционный коллаж-шараду **The World in 2019** – зашифрованное пророчество на будущий год...

Картинок там много, и каждая из них что-нибудь да символизирует. Но меня более всего заинтересовал так называемый «**новый витрувианский человек**».

Старый витрувианский человек, четырехрукий и четвероногий, был изображен великим Леонардо в полный рост и вписан в круг, и в квадрат, и наглядно иллюстрировал постулат **«человек есть мера всех вещей»**; случилось это в самом конце пятнадцатого века.

Новый витрувианский человек выглядит иначе. Ни в круг он не вписан, и ни в квадрат, и вообще он на рисунке присутствует не целиком – только верхней частью тела. В одной руке он держит лист конопли, в другой – смартфон, в третьей – теннисный мяч, в четвертой – весы: на одной их чашке примостилось четыре крохотных человечка, на другой чашке – пятеро...

На глазах у нового витрувианского человека – очки виртуальной реальности.

На одном из предплечий его начертано схематическое изображение ДНК.

На груди написано #Me Too – знак принадлежности к движению против сексуального насилия и домогательств.

И мне подумалось: вот он, обобщенный портрет современного человека. Вернее, **Человека Массового**. Он оторван от земли, выписан из мировой гармонии, выпал из реальности, и все его скучные интересы зажаты в его руках и написаны на его теле. Он готовится к вмешательству в святая святых – в ДНК... и радеет за феминисток. И в то же время стремится улизнуть куда-нибудь от реалий этого мира – в наркотический дурман, в иллюзорную реальность, в Интернет...

Бэ-э-ээ.

Кстати, человечки на весах – это члены Верховного Суда США. И Бретт Кавано, назначенный Трампом однопартиец, перевешивает количество республиканцев над демократами. Блестящий пример того, как судьбы мира могут решаться перевесом в одного-единственного человека...

Я повесил эту картинку над своим письменным столом. Чтобы не забывать, с кем мне доводится жить на одной планете...

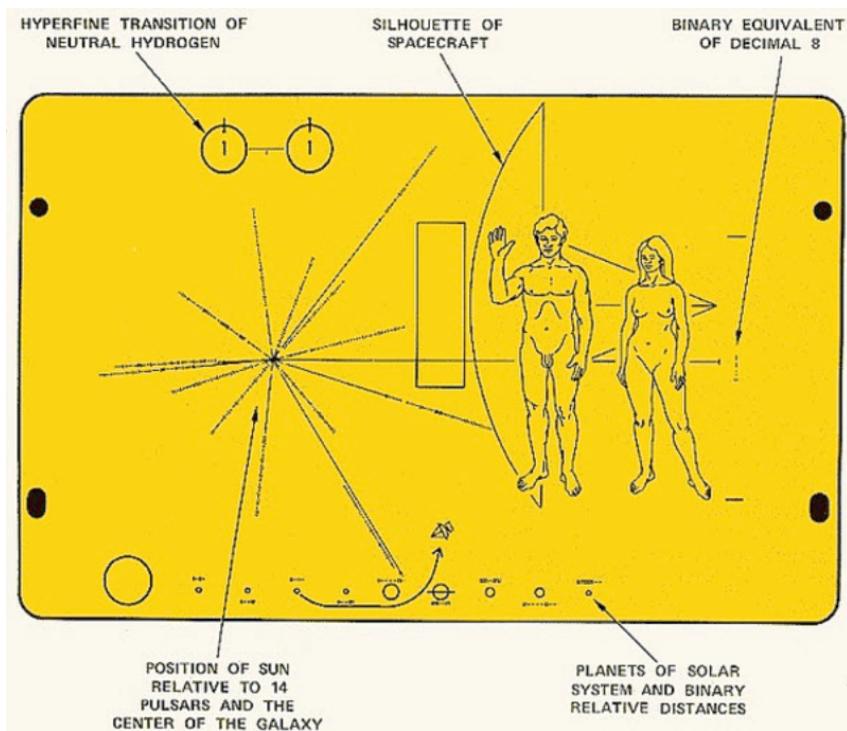
...И все же я люблю людей. Знаете, если тебе под шестьдесят и ты продолжаешь любить людей, невзирая ни на что – стало быть, ты истинный филантроп...

Однако же рисунок **нового витрувианского человека** – вот он, над моим письменным столом.

Часть вторая «ПОРНО В КОСМОСЕ»

...Я вдруг подумал, что сорок пять лет назад – а это примерно середина 70-х годов прошлого века – у меня на стене висел, помнится, совсем **другой** рисунок. Я вырезал его из популярного советского журнала «Наука и жизнь», из статьи, в которой говорилось об американских автоматических станциях «Пионер-1» и «Пионер-2». Они были запущены в 1972 году для разведки Юпитера, Сатурна, Урана; после выполнения программы оба аппарата должны были покинуть пределы Солнечной Системы и пуститься в бесконечное плавание по бескрайней Вселенной. На случай, если аппараты встретят на своем пути представителей внеземной цивилизации, к корпусу каждого из «Пионеров» привинтили по специальной пластинке из сверхпрочного сплава; на пластинках выгравировали изображения: человеческую анатомию, контуры аппарата и траекторию его полета, схему Солнечной Системы и даже схему, указывающую местоположение Солнечной Системы относительно центра Галактики и ближайших пульсаров (космических источников импульсного радиоизлучения); еще – схематически показаны два основных состояния атома водорода, длина волны излучения которого, равная 21 сантиметру, принята в качестве базовой единицы измерения размеров и расстояний в этом послании; в общем, каждая из пластинок призвана была служить своеобразной визитной карточкой человечества с указанием обратного адреса...

На одном из фрагментов картинки изображены были нагие, прекрасно сложенные женщина и мужчина, и его рука поднята была в приветственном жесте.. Это символизировало семью, **«ячейку общества»**, а также ясно давало понять, что существование человека, как биологического вида, построено на союзе двух полов.

Именно этот рисунок я и прикнопил тогда к стене своей комнатки в старом бакинском доме на Первой Нагорной улице.

В те времена взгляд мой чаще задерживался на женской фигуре, нежели на мужской или на обеих сразу. И не потому, что я был в то время уже вполне половозрелым юнцом традиционной сексуальной ориентации, вернее, не только потому; мне эта женщина представлялась особенной, чем-то вроде Евы; только Ева была прародительницей всего человечества, а женщина на рисунке – представительницей всего человечества, и ее нагое тело должно было одним видом своим рассказать инопланетянам многое. Посол без верительных грамот, без речей, без одежды...

И я пытался представить себе разумных инопланетян, к которым может попасть данная «визитка». Один лишь Бог ведает, что это могут быть за существа – может, они и не человекообразные вовсе; у меня-то при виде ладной женской фигуры без всего захватывало дух от восхищения, а вот захватит ли дух у какого-нибудь альфацентаврянина с ложноножками или таукитянина с глазами на стебельках? Сказал же польский фантаст Станислав Лем: «Если бы у осьминога было эстетическое чувство, красивейшая женщина Земли была бы для него чудовищем».

(Много позже я узнал, что послание критиковалось, как слишком **сложное** для расшифровки и слишком уж антропоцентрическое – то есть, все крутилось вокруг человека (как же иначе, ведь **человек – мера всех вещей!**)... Понятно, что автор стремился разместить максимум информации на минимальной площади, но практически ни один из ученых, не занятых в проекте, когда им показали рисунок, не смог расшифровать его полностью... Чего уж говорить об инопланетянах?)

Более того. Своим юным, но весьма развитым (с помощью чтения) умом я уже тогда понимал, что вероятность попадания рисунка-послания к представителям внеземных цивилизаций весьма и весьма невелика; еще меньше вероятность того, что представители эти будут похожими на людей; и еще меньше вероятность того, что

инопланетяне окажутся в состоянии понять, что там выгравировано на пластинке; так стоило ли вообще огород городить?

Но Карл Саган так не считал. И я его понимаю. Если уж ты запускаешь два зонда, которым суждено навсегда уйти в умопомрачительные бездны Вселенной, то обидно не нацарапать на них что-нибудь на всякий случай! Мало ли... Когда еще другой такой шанс представится?

Честно говоря, я поступил бы в точности так же, как Саган.

Карл Эдвард Саган...

О, это была замечательная во всех отношениях личность! Он родился в 1934 году, в Бруклине (Нью-Йорк), в еврейской семье выходцев с Украины. Никто из родителей науками не увлекался, однако они всячески поощряли тягу маленького Карла к знаниям и даже свозили его на Всемирную выставку в Нью-Йорк, чтобы мальчик мог полюбоваться чудесами техники. Более того, когда пришло время Карлу выбирать профессию, родители, вопреки ожиданиям, не стали уговаривать его выучиться на дантиста или юриста и предоставили юноше полную свободу действий. И юноша поступил в Чикагский университет, где слушал лекции известных ученых, многие из которых были нобелевскими лауреатами. А спустя двадцать лет Карл Саган сам становится доктором астрономии и астрофизики и начинает преподавать в престижных университетах, попутно занимаясь науками, творчеством и общественной деятельностью.

В Википедии о нем сказано: «Американский астроном, астрофизик и выдающийся популяризатор науки... был пионером в области экзобиологии, науки о внеземных формах жизни, и дал толчок развитию проекта по поиску внеземного разума SETI... Получил мировую известность за свои научно-популярные книги и телевизионный мини-сериал «Космос. Персональное путешествие»....». Но эти краткие сведения не дают сколь-нибудь полного представления о Карле Сагане, как о человеке, как об ученом, как о популяризаторе науки, ибо жизнь его была так насыщена событиями, голова его была так полна блестящими мыслями, а творческое наследие его столь велико, что для описания всего этого потребовалась бы целая книга...

Так, еще в начале 60-х годов прошлого века он, защитив докторскую по астрофизике, предсказал, что на Венере, которую астрономы считали «сестрой Земли», чуть ли не ее копией, на самом деле властвует «**парниковая модель**» с высокой температурой и огромным давлением... Еще он предсказал существование жидких океанов на Европе, спутнике Юпитера, и на Титане, спутнике Сатурна, а также сезонные изменения на Марсе... Венера навела Сагана на серьезные размышления: он пришел к выводу, что «**парниковый эффект**», имеющий следствием глобальное потепление, не возникает естественным путем, а есть результат (вернее, побочный эффект) деятельности человеческой цивилизации. Впоследствии Карл Саган стал одним из разработчиков теории так называемой «**ядерной зимы**». Имелось в виду, что при полноценной ядерной войне между СССР и США колossalное количество сажи поднимется в воздух, окутает Землю и преградит доступ солнечному свету; без света и тепла наступит, естественно, «зима» протяженностью в несколько десятилетий... Он всю сознательную жизнь, до самой своей кончины в 1996 году, боролся с мракобесием и лженууками, но призывал к раскрепощенности в мышлении, отрицал традиционного Бога, но верил в существование внеземного Разума, призывал считать животных полноценными личностями и выступал против войн, в том числе и атомных (за что дважды сидел в тюрьме).

Очень интересовался проблемой Контакта с внеземными цивилизациями. Писал научно-фантастические книги, одну из которых («Контакт») экранизировал в 1997 году известный американский режиссер Роберт Земекис..

Карл Саган не только работал над дизайном рисунков-посланий «Пионеров»; в 1977-ом NASA запустило два зонда серии «Вояджер», которые также предназнача-

лись для исследования планет-гигантов и которым также предстояло в конце концов вылететь за пределы Солнечной Системы и отправиться в бесконечность; «Вояджеры» несли на себе специальные аудиодиски с записями земных шумов, человеческой речи, разной музыки – все это также было сделано на случай возможной встречи аппаратов с инопланетянами... Так вот, подбором шумов и музыки для дисков занимался Карл Саган. Добавлю, что в ноябре 1974 года с радиотелескопа Аресибо (в Пуэрто-Рико) к шаровому скоплению **М 31** в созвездии Геркулеса было отправлено трехминутное зашифрованное сообщение, содержащее сведения о человеческой цивилизации, и в создании этой шифровки принимал участие все тот же Саган... И наряду с разнообразной информацией (числа от одного до десяти, атомные номера распространенных химических элементов, схемы ДНК, количество людей на Земле, схематическое изображение Солнечной Системы и радиотелескопа в Аресибо) сигнал включал и грубое изображение человеческой фигуры – такое, как если бы «точку-точку-запястную, ручки-ножки-огуречик» нарисовал художник-кубист (это если смотреть в **«развертке»**)... Впрочем, сигнал пока что не вышел даже за пределы нашей Галактики, то есть Млечного Пути. У Пространства – свои законы...

Но вернемся к «Пионерам». Из-за привинченных к ним картинок с голыми людьми в свое время случился скандал. «Моралисты» возмутились – мол, деньги налогоплательщиков тратятся «на отправку в Космос **порнографии**». Представляете? Но хорошо, что Карл Эдвард Саган не дожил до 2015 года, когда вокруг рисунков-посланий, которые сейчас летят где-то во Вселенной, поднялся новый шум!..

Должен отметить, что в 2013-ом я и сам съязвил в одной из своих газетных статей, не удержался... В июле того года британская палата лордов одобрила закон о легализации однополых браков, а незадолго до этого по сходному поводу на улицы Парижа вышли **тысячи** возмущенных горожан; я, к немалому своему изумлению, узнал, что отныне во Франции за ношение футболки с изображением традиционной семьи (стилизованным изображением папы, мамы, сына и дочки) могут привлечь к ответственности... Ну и так далее. Вот я и пошутил тогда, что металлические пластинки на «Пионерах» морально устарели, и что толерантности ради, дабы не ущемить права лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, новые «Пионеры» придется снабжать **обновленными** пластинками: фигуры рядом стоящих мужчины и женщины, плюс фигуры рядом стоящих двоих мужчин, плюс фигуры рядом стоящих двоих женщин... Дескать, такая пиктограмма наиболее полно отразит многообразие интимных взаимоотношений внутри рода человеческого... Шутки шутками, но я ожидал такого демарша со стороны представителей сексуальных меньшинств.

Однако я ошибся. В 2015-ом вознегодовали не «моралисты» и не меньшинства. Беда пришла, откуда не ждали. Покойного Карла Сагана обвинили в расизме и сексизме!

«Отправляемые в далекий Космос послания инопланетным цивилизациям необходимо исправить: тексты и изображения, высланные на «Пионерах» в 1970-е годы, отличаются сексизмом и расизмом», – с таким заявлением выступила группа британских астрономов и философов. Дискуссия о необходимости пересмотра космических посланий завязалась на британском Фестивале науки в Брэдфорде. Некая Джил Стюарт, эксперт по политике в области Космоса, указала на пластинки с зондом «Пионер»: «*На них изображен мужчина, крайне мужественно поднимающий руку в приветствии, а женщина стоит за его спиной, покорная и смиренная. Кроме того, они принадлежат к белой расе, что отражает господство западной цивилизации. За последние сорок лет многое изменилось*», – заявила Стюарт.

Я опешил. Потом призадумался. В принципе, небольшая по размеру черно-белая гравюра на пластинке «Пионера» не передает цвета кожи изображенных мужчины и женщины; но я согласен, что расовую принадлежность как различить, так и передать на таких гравюрах можно; ну, там, разрез глаз... или губищи и курчавые

волосы... можно было бы, конечно, изобразить три пары людей: негроидной, монголоидной и европеоидной рас; но не усложнило ли бы это схематичную, простенькую картинку? Художник пошел по пути наименьшего сопротивления и выбрал в качестве моделей представителей «**белой расы**» – возможно, потому, что сам приналежал к таковой... или же подразумевал, что столь восхитительную штуковину, как межпланетная автоматическая станция, могла построить лишь «господствующая западная цивилизация»... как знать? (на мой взгляд, это не совсем справедливо: ведь в NASA работали и работают и афроамериканцы, и американцы китайского и японского происхождения, и индузы, и арабы, и русские, и кто только не! Кроме того, «Пионер» ведь в случае чего выступит представителем всего человечества, а не одной лишь «западной цивилизации»).

Далее. Зоркая Джил Стюарт, «эксперт по политике в области Космоса» (хорошее сочетание – Космос и политика!), углядела в рисунке с «Пионера» признаки сексизма: дескать, мужчина – мужественный, в его позе проявляется главенствующая роль, а женщина – позади него, смиренная, покорная, зависимая... Ну, тут, по-моему, явное передергивание фактов. Мне женщина на рисунке ничуть не кажется покорной или смиренной; да, мужчина поднял руку в приветственном жесте, взявшись за себя, таким образом, ответственность, как главный в этой паре... Да, это несколько отдает патриархатом... а до этого у нас долгое время существовал матриархат, когда главенствующая роль принадлежала женщине; и это тоже следовало, по-вашему, отразить в маленьком рисунке, о, госпожа Стюарт? Кстати, как прикажете к Вам обращаться – **миз** Стюарт, как это принято сейчас у порядочных людей? (**миз** – современное обращение к женщине, продиктованное принципами политкорректности).

Боже мой, подумал я, насколько тогда, сорок лет назад, все было проще, совсем как у детей... Да и создатель рисунка для инопланетян повел себя как сущий ребенок: вот вам дядя, вот вам тетя, оба белые... и не заморачивался при этом расизмом-сексизмом или патриархатом-матриархатом... Он же не подробное описание земной жизни и истории составлял, а элементарную пиктограмму, как на дорожных знаках или указателях в метро и супермаркетах!

Но можно ли вообще рисунки такого рода сделать достаточно выразительными и красноречивыми?

И тут вспомнился мне Иван Антонович Ефремов, великий советский ученый, философ и писатель-фантаст, и его историко-приключенческая повесть «На краю Ойкумены» (1949). Начинается она с того, что в середине XX века влюбленная пара, моряк и его девушка, в экспозиции одного из ленинградских музеев обращают внимание на небольшую **гемму**, то есть изображение, вырезанное на камне, в данном случае, на берилле. Гемму нашли археологи в одном из скифских захоронений в Киевской области, а создал ее алмазным резцом художник времен расцвета Эллады.

«С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скучными линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча. Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнавшиеся мужские фигуры, выполненные с еще большим мастерством, чем изображение девушки... В центре могучий человек, выше двух стоящих по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага. Три маленькие фигурушки были исполнены с большим мастерством. Идея – братство, дружба и совместная борьба – была в них выражена с необычайной силой».

Более того, древний резчик сумел передать настолько точные детали, что современный ученый-археолог мог с уверенностью сказать: «...из трех мужских фигур

средняя, несомненно, изображает негра, правая – эллина, а левая – это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск».

Из дальнейшего повествования читатель узнает о необыкновенных приключениях молодого эллина Пандиона, негра Кидого и этруска Кави, которые разными путями попали в египетское рабство, надрывались на строительстве пирамид, потом влились в число рабов-мятежников, бежали на юг, через страшную пустыню и опасные джунгли, сражались с носорогом и гигантской гиеной, приручали слонов... В конце концов каждый из них длинным и невероятно извилистым путем возвращается к себе домой. В пути Пандион, искусный скульптор и резчик, вырезает вышеупомянутую гемму, на которой увековечивает своих друзей и оставленную в Элладе невесту... В finale повести Пандион дарит гемму этруску (помните, где нашли этот камень?). Значит, можно на небольшом пространстве создать максимально детальное изображение! Но всегда ли это нужно? Ведь эллин руководствовался совсем иными мотивами, нежели художник, выгравировавший пластинку для «Пионера»!

И как тут не вспомнить рассказ Ивана Ефремова «Сердце Змеи» (*Cor Serpentis*), вышедший в 1959 году. Там действие происходит в отдаленном будущем, и земной звездолет случайно встречается в глубоком Космосе со звездолетом инопланетян. Они сближаются, соединяются друг с другом чем-то вроде тамбура; тамбур, впрочем, перегорожен толстым стеклом, ибо встреченные инопланетяне прибыли со «фторной» планеты, и привычная для землян азотно-кислородная среда для чужаков категорически непригодна...

Но не об этом сейчас речь. Сквозь толстое стекло переходника можно что-то показывать друг другу и общаться жестами; чтобы дать инопланетянам более наглядное представление о людях, двое самых красивых космонавтов, юноша и девушка, раздеваются догола и подходят к стеклу, демонстрируя себя во всей красе. Точно так же поступают и инопланетяне (они поразительно похожи на людей, только цвет кожи у них – чугунно-серый с серебристым отливом). «Теперь я не сомневаюсь, что у них есть любовь, – задумчиво говорит одна из земных космонавток, – настоящая, прекрасная и великая человеческая любовь... если их мужчины и женщины так красивы и умны!». Потрясающая сцена...

Что тут скажешь? Не исключено, что на «фторной» планете существовали несколько рас; не исключено также, что у «фторников» получили широкое распространение однополые браки. Но инопланетные космонавты выбрали для демонстрации одного мужчину и одну женщину – и правильно, по-моему, поступили... Для первого Контакта – правильно. Прочие **детали**, в которых кроется, по одним данным, Бог, а по другим данным, дьявол, – после, после...

Вопрос о том, похожи ли на нас, людей, разумные обитатели других планет, всегда интересовал фантастов, но в последнее время, судя по всему, он начал занимать не только их. Не так давно в журнале **International Journal of Astrobiology** была опубликована статья группы британских ученых, возглавляемой Сэмом Левиным, исследователем из зоологического отделения Оксфорда. Статья носила название «Инопланетяне Дарвина». В ней ученые применяли дарвиновскую теорию эволюции к обитателям других планет.

Левин и его коллеги уверяют: разумные обитатели иных миров далеко не сразу стали таковыми, а предварительно прошли длительный эволюционный путь, сформировались благодаря тем же процессам, что и **Homo Sapiens**, и, таким образом, инопланетные разумные существа должны быть похожи на нас, людей. Совершенно неверно, продолжают исследователи, представлять «братьев по разуму» в виде **монстров**, серых уродцев или большеголовых зеленых человечеков с хилым тельцем и хилыми же ручками-ножками, хотя в массовом сознании именно такой стереотип «гуманоида» и закрепился благодаря стараниям уфологов и особенно голливудских

режиссеров. Нет, инопланетяне точно такие же, как и мы! – уверены Сэм Левин со товарищи.

Я, писатель-фантаст и профессиональный биолог, прочитал статью с интересом, но без особого трепета. Ибо то, о чем возвестила группа британских ученых, я слышал давным-давно, от того же Ефремова Ивана Антоновича!

В 1947 году увидела свет его научно-фантастическая повесть «Звездные корабли».

Она, если кратко, вот о чем. Двоих советских ученых, давние друзья, задались нелегким вопросом: почему весьма часто в разных уголках Земли при раскопках находят черепа и кости динозавров с идеально правильными отверстиями, очень похожими на пулевые? **Кто** мог пулять в гигантских ящеров 70 миллионов лет назад, когда Человека Разумного еще не было и в помине? Напряженные размышления, точные расчеты и тщательный, упорный поиск приводят ученых к выводу: 70 миллионов лет назад, когда наша Галактика максимально сблизилась с другой Галактикой, Землю посетили инопланетяне. Исследуя наш мир, существа с другой планеты часто подвергались нападению хищных динозавров и вынуждены были отстреливаться; потом они улетели, а Галактики разошлись в безбрежной Вселенной... Волею автора друзья-ученые находят в Средней Азии череп инопланетянина, когда-то раздавленного подстреленным динозавром, и рядом с ним – некий **артефакт** инопланетного же происхождения. Артефакт содержит голографический портрет его владельца, и людям выпадает уникальная возможность – спустя миллионы лет увидеть лицо мыслящего существа с другой планеты... Но когда один из ученых, палеонтолог Давыдов, собирается показать «портрет» второму ученому, палеонтологу Шатрову, последний внезапно останавливает друга. Шатров говорит, что путем логических умозаключений попытался представить себе вероятный внешний вид разумного существа из другой звездной системы, сейчас познакомит со своими предположениями Давыдова, а уж потом посмотрит на сохранившийся «портрет» и проверит, насколько его умозаключения верны...

Вот какую логическую цепочку выстроил Шатров:

«...вопрос в основных путях эволюции, создающих мыслящее существо. Каково оно? Что требуется для развития большого мозга, для его независимой работы, для мышления? Прежде всего, должны быть развиты мощные органы чувств, и из них наиболее – зрение, зрение двуглазое, стереоскопическое, могущее охватывать пространство, точно фиксировать находящиеся в нем предметы, составлять точное представление об их форме и расположении. Излишне говорить, что голова должна находиться на переднем конце тела, несущем органы чувств, которые опять-таки должны быть в наибольшей близости к мозгу для экономии в передаче раздражения. Далее, мыслящее существо должно хорошо передвигаться, иметь сложные конечности, способные выполнять работу, ибо только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. При этом размеры мыслящего существа не могут быть маленькими, потому что в маленьком организме не имеется условий для развития мощного мозга, нет нужных запасов энергии. Вдобавок маленькое животное слишком зависит от пустяковых случайностей на поверхности планеты: ветер, дождь и тому подобное – для него уже катастрофические бедствия. А для того, чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. Поэтому мыслящее животное должно иметь подвижность, достаточные размеры и силу, ergo – обладать внутренним скелетом, подобно нашим позвоночным животным. Слишком большим оно также быть не может: тогда нарушаются оптимальные условия стойкости и соразмерности организма, необходимые для несения колossalной дополнительной нагрузки – **мозга**...

...Короче, мыслящее животное должно быть позвоночным, иметь голову и быть величиной примерно с нас.

...Вывод: форма человека, его облик, как мыслящего животного, не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными силами Космоса есть лишь узкие коридоры, которые использует жизнь, и эти коридоры строго определяют ее облик. Поэтому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе. Да, череп, безусловно, должен быть человекоподобен».

Конечно, добавляет Шатров, планета, наиболее пригодная для жизни в любой планетной системе, должна быть сходна с нашей Землей, находиться на определенном расстоянии от своего светила, дабы не перегреваться сверх меры и сверх меры же не переохлаждаться, быть в меру великой, чтобы суметь удержать вокруг себя достаточно мощную атмосферу, защищающую от холода мирового пространства и космических излучений, иметь скорость вращения вокруг своей оси, близкую к скорости таковой Земли (чтобы планета равномерно прогревалась и охлаждалась)... короче, как сказали бы современные астрономы, планета, служащая родиной для разумных существ, должна находиться в так называемой «**Зоне Златовласки**».

В финале повести ученыe с небывалым волнением всматриваются в изображение крупной, абсолютно безволосой головы с клювовидными челюстями и огромными глазами. Да, обитатель иного мира – максимально человекоподобен. Палеонтолог Шатров (читай: палеонтолог Ефремов) воочию убеждается в верности своих предположений...

Так что – приподнимая в знак почтения шляпу перед Сэмом Левиным и его коллегами, не премину заметить: за семьдесят лет до выхода их статьи великий Иван Ефремов уже был уверен в единстве эволюционного процесса, сформулированного Чарльзом Дарвином, для всех обитаемых планет Вселенной, и на этом основании был твердо уверен в сходстве инопланетных разумных существ с человеком Земли, о чем и высказывался как устами своих героев, так и самолично. Как говорится, новое – это хорошо забытое старое...

Сие нисколько не умаляет заслуг Левина и его коллег, но неплохо бы помнить о приоритете. Это будет, по меньшей мере, справедливо.

Добавлю, что у теории максимального сходства человека Земли с разумными инопланетянами есть немало сторонников среди писателей-фантастов. Не счесть произведений, в которых землянин, попав на чужую планету, мало чем выделяется среди аборигенов, так что те принимают пришельца хоть и за чудаковатого, но все же «своего» (яркий тому пример – романы братьев Стругацких «Трудно быть Богом» и «Обитаемый остров»). И напротив: свалившийся в буквальном смысле слова **с неба** инопланетянин оказывается **репликой** человека настолько, что ему даже подходит переливаемая кровь землянина (как это было в недавнем фильме Федора Бондарчука «Притяжение»). О многочисленных книгах и фильмах, в которых от интимной связи землянина (землянки) и человекоподобного инопланетянина (инопланетянки) успешно рождаются дети, я вообще умолчу...

Существует, правда, и совсем иная точка зрения на данный вопрос.

...Некоторое время назад мне довелось принимать участие в важнейшем, на мой взгляд, мероприятии. В бакинской школе-лицее № 6 награждали победителей Международного конкурса для студентов и школьников «**Кубок ТРИЗ Саммит 2017**» в номинации «Фантазирование». ТРИЗ, напомню, это Теория Решения Изобретательских Задач – наука, разработанная в свое время нашим славным земляком-бакинцем, инженером и писателем-фантастом Генрихом Альтшулером (Альтовым).

По такому случаю меня и пригласили на мероприятие – ведь логично, если победителей в номинации «Фантазирование» поздравляет писатель-фантаст! Я охотно выполнил это «маленькоe, но очень ответственное поручение»; победители один за

другим выходили на сцену; я поздравлял мальчишек и девчонок и вручал им дипломы и небольшие красивые сумочки с книгами (художественной литературой, преимущественно – фантастикой). Пожимая детские ладони, я пытливо глядывался в лица победителей. Мне интересно было – каковы они, эти юные фантазеры? Случайна ли их победа или же она – результат неординарного мышления и хорошо развитого воображения?

Спустя каких-нибудь четверть часа все мои сомнения насчет случайности побед рассеялись, как дым. Да, этого времени мне вполне хватило, чтобы осознать, какие неординарные умы собрались в зале! Я был потрясен. Я был поражен. Я совершенно этого не ожидал... А когда я пробежал глазами печатную работу одной старшеклассницы, мне захотелось встать перед ней на колено и снять шляпу...

Да уж, с воображением у этих учащихся школы-лицея № 6 все было в полном порядке. Я сильно надеюсь на то, что они не сделаются в будущем **«новыми витрувианскими людьми»**.

Случайно со мной оказался свежий номер газеты «Эхо» с моей статьей об Энцеладе, спутнике планеты Сатурн; в ней затрагивался вопрос о возможности существования там примитивных организмов. Лицейсты заинтересовались статьей, и как-то сам собой завязался разговор о внеземных формах жизни, и мне внезапно захотелось **испытать** воображение этих ребятишек на прочность. Вернее, на **объемность**.

Я решил протестировать их на примере из научной фантастики. Причем на одном из самых экстравагантных примеров. И обратился к рассказу Станислава Лема «Правда», увидевшему свет в 1962 году. Очень драматичный рассказ, содержащий в себе весьма смелую гипотезу. Повествование ведется от лица ученого, который вместе со своими коллегами-физиками изучал плазму. Он сравнивал полученную искусственным путем плазму с кусочком Солнца, взятым из его центральных областей, кусочком, по яркости не уступающим Солнцу и даже превосходящим его. «Мы брали с промежуточной накопительной шины энергию в миллиард ватт, загоняли ее в брюхо электромагнита, одна секция которого весила семьдесят тонн, а в фокусе магнитного поля помещали большую кварцевую трубу. Электрический разряд шел через трубу, от одного электрода к другому, а его мощность была такова, что сдириала с атомов электронные оболочки и оставалась только каша из раскаленных ядер, вырожденный ядерный газ, или плазма».

Один из участников эксперимента смастерил кинокамеру, снимавшую миллионы кадров в секунду. Истратив километры пленки, ученые получили в результате несколько сотен «удачных» метров и прокручивали их, замедлив скорость в десять тысяч раз. И вот как-то на киносеансе оказался случайно забредший биолог; наблюдав за поведением сгустка **плазмы** на экране, он вдруг спросил, отчего это физики занялись изучением жизни **простейших** организмов. Поймав недоуменные взгляды окружающих, биолог объяснил, что на экране он только что увидел жизнь и деление каких-то глубоководных амеб, обитающих под огромным давлением... Вот тогда-то главному герою и пришла в голову мысль, что Солнце, как и все прочие звезды, – это особая, огненная форма **Жизни**. Со своим жизненным циклом, рождением и смертью, периодами активности и «депрессии»...

Гипотеза все более и более завладевает сознанием главного героя; теперь он уверен, что во Вселенной уживаются как колосальные огненные организмы (звезды), так и известная нам белковая жизнь, разделенная на царства растений и животных, прошедшая путь эволюции и увенчанная Человеком... Не исключено, что и Солнце обладает каким-то подобием разума, предполагает главный герой, но людям это все равно: вздумай люди вступить с Солнцем в контакт – о чем бы они могли говорить со светилом? Какие существуют общие для Солнца и для людей проблемы, понятия, вопросы? Кроме того, надо учитывать огромную разницу темпов; процессы на Солнце

протекают медленно, слишком медленно для людей, уж больно быстротечна жизнь человеческая по сравнению с жизнью звезд... Так что люди могут считать Солнце живым и разумным – и продолжать существовать на своей крохотной планетке, полностью завися от процессов, на Солнце происходящих...

В рассказе эта смелая гипотеза не получает ни подтверждения, ни опровержения: во время одного из экспериментов полученный сгусток плазмы вырывается из кварцевой трубы и сжигает все вокруг себя на многие мили. Главному герою чудом удается уцелеть, но все его рассуждения об «огненной жизни» комиссия принимает за бред человека, спавшего во время катастрофы, и помещает его в клинику...

Повторяю, я преднамеренно выбрал такой экстравагантный пример из фантастики, пошел, что называется, с козырей. И не только потому, что гипотеза достаточно **безумна**. Какова бы она ни была – она имеет право на существование. Но мне хотелось, чтобы ребята задумались над возможностью контакта, взаимопонимания между такими кардинально непохожими и очень, очень далекими друг от друга проявлениями материи – между людьми и живой плазмой, бушующей в холода и вакууме Космоса. Возможно ли, грубо говоря, найти с плазмой **общий** язык? Хоть в какой-то мере? И каким образом? Или это невозможно в принципе?

Да уж, подбросил я ребятам задачку... Во времени я их не ограничивал – пусть думают, сколько хотят.

Мой вопрос не так уж празден и оторван от реальности, как это может показаться на первый взгляд. Если неординарное мышление школьников, награжденных за фантазирование, сможет найти ответ на этот труднейший вопрос – то, уверен, им легче будет найти общий язык с другими людьми, а ведь это – главная проблема сейчас на планете Земля...

Станислав Лем. Иван Ефремов...

Между прочим, именно вышеупомянутые «Звездные корабли» были самой первой в моей жизни книгой, которую я самостоятельно одолел от начала и до конца. Было мне в ту пору шесть лет. Не удивляйтесь, я очень рано выучился читать и даже понимать прочитанное... Самая первая книга – это очень важно; «Звездные корабли» Ивана Ефремова на долгие годы, на десятилетия вперед определили мои интересы – интерес к звездам, в широком смысле – к Вселенной, интерес к динозаврам (в широком смысле – к науке о жизни, к биологии) и интерес к жанру научной фантастики.

Книжка была куплена моим отцом за год до моего рождения и пылилась в нашей бакинской квартире (да-да, той самой, что в доме на Первой Нагорной улице), на этажерке, которая в ту пору вмещала всю скучную домашнюю библиотеку. Меня иногда спрашивают, не отец ли привил мне любовь к фантастике и вообще к чтению. Нет, отвечаю. Отец мой, Шамиль Салахатдинович, бакинский татарин, не очень-то любил читать, полагая, что книжная премудрость не идет ни в какое сравнение с истинно житейской мудростью, что в книгах редко описывается реальность, такая, какая она есть, без прикрас, во всей ее свинцововой тяжести... При врожденной веселости и оптимистичности отец был все-таки «дитя военного времени» и прошел очень суровую жизненную школу. Фантастику он вообще не жаловал, несправедливо считая ее никчемным жанром; из всей мировой фантастики отец прочитал лишь «Гиперболоид инженера Гарина», да и то потому, что спервоначалу думал, будто в книге описаны реальные события... Так что приобретение отцом «Звездных кораблей» было скорее **случайностью**, нежели закономерностью. Но знал бы мой папаша, какое влияние окажет на его отпрыска **случайно** приобретенная книга! Хотя... с годами я все больше и больше убеждаюсь в том, что любая случайность в этой жизни – неслучайна...

Так или иначе, а в маленькой душе моей были посеяны семена любви к биологии, к Космосу, к фантастике, и семена эти дали пышные всходы.

(Отец умер в 1978-ом, мир его праху; интересно, что бы он сказал, узнав, что его сын сегодня слывет ведущим писателем-фантастом Азербайджана?).

Само собой разумеется, любовь к фантастике повлекла за собой жгучий интерес с проблеме Контакта; и уж совсем неудивительно, что я одно время увлекался уфологией (уфология – от английской аббревиатуры «**UFO**», расшифровывающейся как **Unknown Flying Objects**; в русском языке принята аббревиатура НЛО («Неопознанные Летающие Объекты»). Это увлечение помогло мне, прямо или косвенно, сблизиться со многими интересными и замечательными людьми.

Одним из таких людей была Салатын Аскерова...

С одной стороны, я благодарю судьбу за то, что она подарила мне знакомство с Салатын. С другой стороны, я кляну судьбу за то, что знакомство наше было очень, очень коротким. Но судьбу клясть бесполезно. Остается лишь благодарить ее – за предоставленный шанс.

А было это так.

...Летом 1990 года я и мой коллега по Институту ботаники Академии Наук Азербайджана Александр Пранис по своей инициативе посетили Аномальную Зону на Северном Урале – так называемый «М-ский треугольник» в окрестностях деревни Молебка; в этом месте, по словам очевидцев, творились всякие непонятные вещи и страшные чудеса. Мы с Александром провели там несколько дней, а по возвращении написали статью и отнесли ее в газету «Молодежь Азербайджана». Статья была опубликована в нескольких номерах за сентябрь и октябрь.

Придя в издательство за гонораром, я случайно столкнулся с энергичной и обаятельной женщиной. Это и была Салатын Аскерова, работавшая в «Молодежке». Мы познакомились. Оказывается, она читала наших «Сталкеров из Баку» и ей понравилось. Салатын очень любила все необычное и вдобавок уважала смелых людей, готовых побывать в загадочных и опасных местах. Она и сама была смелой, готовой выполнить любое редакционное задание, какие бы опасности не подстерегали ее при этом.

А опасностей хватало. В ту пору Салатын вела репортажи из зоны боевых действий – имею в виду Гарабахскую войну. Да, эта отважная женщина выезжала туда, где стреляли, где стреляли много, шумно и подло. Туда, где убивали. Салатын делала все, чтобы рассказать правду о том, что творится на самом деле в Нагорном Гарабахе. Тогда из наших азербайджанских журналистов считанные единицы противостояли нью-гебельям из Центра, «московским гостям», которые неустанно публиковали в центральных газетах откровенную дезинформацию и чудовищную ложь.

Салатын как раз была одной из тех, кто противостоял. Тогда пресечь ложь и выкрикнуть правду для наших журналистов и писателей было все равно, что пытаться остановить цунами голыми руками. Но Салатын делала все, что было в ее силах, и справедливо полагала, что на своем месте каждый должен делать то же самое и тогда, возможно, удастся что-то исправить... Хотя с самого начала информационной войны стороны были поставлены в неравное положение. Противник действовал по принципу **«виноват всегда тот, кого облили дерьмом – в конце концов, ему отмываться»**. У тех, кто противостоял – сохранились еще такие устаревшие понятия, как совесть, честь, этика и прочее в том же духе. Не все тогда поняли, что началась жестокая уличная драка, в которой противник норовит – в переносном смысле – порвать тебе рот, выдавить глаз, ударить в спину и лягнуть в пах. Увы, в те годы нас обливали так, что отмываться приходится и по сей день.

В общем, мы с Салатын познакомились. И подружились.

Это была странная дружба, длившаяся три месяца. Салатын почти постоянно выезжала в командировки, в Баку бывала редко, но когда она возвращалась в город – непременно звонила мне. Звонила она большей частью поздним вечером, и часто

наши беседы по телефону длились до рассвета. Салатын живо интересовалась моей жизнью, моей работой, моими планами. Она читала мне по телефону свои новеллы и стихи, рассказывала всякие истории из собственной жизни. Я – рассказывал о себе и всегда старался подбодрить и развеселить Салатын, понимая, как тяжело на душе у женщины, регулярно выезжающей на войну...

«**Живьем**» мы виделись крайне редко. У меня ведь была своя работа, да и времена тогда были лохматые, суматошные.

В начале января 1991-го, сразу после Нового года, Салатын позвонила мне и сказала, что отправляется в очередную командировку. Я пожелал ей успеха, и мы оба договорились увидеться, пообщаться по ее возвращении.

Тогда, кладя трубку, я еще не знал, что вернется Салатын – мертвой.

9 января у села Галадряси машину, в которой находились журналист Салатын Аскерова, а также два офицера и сержант Советской Армии обстреляли армянские боевики.

И женщина, и военнослужащие были убиты.

Хотя в то время для всех нас, и для меня в том числе, насильственная смерть стала **привычным** явлением (как страшно это звучит!), известие о том, что Салатын **больше нет в живых**, долго не умещалось в моем сознании. Как же так, ведь мы же договорились увидеться или, в крайнем случае, созвониться, она обещала прочитать мне парочку новых рассказов... И этого уже не будет. Как же так?

...На похороны Салатын Аскеровой Институт ботаники отправил целый грузовик цветов. Я сидел в кузове, заваленный цветами по самые плечи, и старался сохранять мужественное выражение лица, хотя, по правде говоря, больше всего мне хотелось плакать.

Салатын похоронили на Аллее Шехидов, среди других жертв гарабахской войны и тех, кто погиб 20 января 90-го при ночном штурме Баку войсками.

Признаюсь, я нечасто посещаю ее могилу. Знаете, почему? Мне бывает неловко. Оттого неловко, что я жив, а она нет. Оттого еще, что мы с ней фактически ровесники, но ее жизнь оборвалась в неполных тридцать лет, а я вот уцелел и живу дальше. Хотя в этом нет моей **вины**. Еще оттого, что я, мужчина, занимался, как журналист, темой Природы, Мироздания, Науки, а она, женщина, писала о войне, хотя должно было быть, вроде бы, наоборот... да и в этом нет моей вины, но все равно неловко.

Еще неловко оттого, что убийцы Салатын унесли свои шкуры от заслуженного наказания и ничего тут поделать не удалось...

Еще неловко оттого, что гарабахский узел так до сих пор и не развязан, и Салатын как бы погибла зря, стала бесполезной жертвой...

Еще мне обидно, что об этой воистину героической женщине вспоминают все реже и реже. Да, ей посмертно присвоено звание Национального героя Азербайджана, ее именем названа улица в Баку и один из катеров в Бакинской бухте... но сейчас в почете **иные** герои. А жаль...

При нашей первой встрече она с интересом посмотрела на меня и спросила: «**Страшно было?**» – имея в виду Аномальную Зону. И я, решив покрасоваться перед дамой, чуть было не ляпнул «**Страшно**»... но вовремя сообразил, что мои приключения в дремучей уральской **парме**, покинутой жителями и нашпигованной всячими непонятными явлениями, не идут ни в какое сравнение с буднями корреспондентки, часто выезжающей на **войну**. Слава Богу, у меня хватило ума просто улыбнуться в ответ.

Кажется, эта улыбка и подружила нас.

Ненадолго подружила, всего на три месяца...

Любая случайность – **неслучайна**, еще раз скажу я вам.

...Бывает, я впадаю в отчаяние – знаете, тому, кто находится в курсе происходящих в мире событий, трудновато оставаться оптимистом... Хоть это и частный случай, одна из многочисленных трагедий гарабахской войны, а беда, случившаяся с Салатын, сильно повлияла на мое мировоззрение. Это ведь было ужасно несправедливо: здоровой, цветущей женщине, матери, жить бы и жить, наслаждаясь **Жизнью**, а вместо этого она лежит под **могильной** плитой... Кто-то может сказать – а зачем ей это было надо, не женское это вообще дело и тому подобные вещи... И я спрашиваю себя в минуты отчаяния: стоит ли тратить свои годы, силы свои на изучение Жизни, всего этого пестрейшего многообразия организмов, населяющих нашу планету или населявших ее в прошлом, стоит ли напрягать воображение, пытаясь представить себе Жизнь вне Земли и класть на это время, силы и средства... в то время как мир наш все еще полон негодяями, которые ни во что не ставят ни чужую жизнь, ни, случается, свою собственную, и умерщвляют себе подобных, умерщвляют по одиночке и массово, умерщвляют зачастую самыми варварскими способами? Честный ли это поступок – безмятежно и восхищенно созерцать Природу, в то время как где-то на планете гибнут сотни и тысячи людей? И что толку ломать голову над таинством Жизни, в то время как где-то кто-то азартно или, напротив, равнодушно настывает на спусковой крючок или на гашетку бомбосбрасывателя, и тебя, такого любопытного, может ни за что ни про что (или за дело – какая разница!) прошить пулями или осколками? Зачем заботливо выращивать сад, если его может вырубить и вытоптать вражеское войско?.. Искусство, любопытствовать, пробуждать любопытство у других – кому это надо? Зачем?

Но потом я прогоняю прочь сомнения и продолжаю работать. Как сказал вольтеровский Кандид – «**каждый должен возделывать свой сад**». И будь что будет...

И поэтому – продолжим.

...Давеча я пошутил насчет того, приглядется ли альфацентаврянам и таукиянам ладная земная женщина в натуральном виде...

«Десятки тысяч одиноких людей обыскали всю Землю в поисках любви, но потерпели неудачу. Новое приложение поможет им продолжить свои поиски и таким образом сделает возможными по-настоящему универсальные свидания». Это – слова одного из сотрудников компании «Localsin», которой принадлежит сайт знакомств. В 2012 году компания заявила, что в ближайшем будущем сайт займется разработкой приложения для поиска любви за пределами Земли. Новое приложение будет передавать сигналы с Земли на другие планеты – в частности, на Европу, спутник Юпитера, и Энцелад, спутник Сатурна. Разработка приложения займет около пяти лет. Компания уже привлекла команду экспертов, которая начала исследовательскую работу. Под какие мобильные операционные системы разрабатывается приложение – не уточнялось. Кстати, «Localsin» позиционировался как сайт знакомств для людей любой сексуальной ориентации, и таким образом добавление шансов встречи с инопланетянами весьма органично вписывалось в политику авторов...

Если вы, впервые прочитав эту информацию, рассмеялись, спешу заявить – ничего смешного тут нет.

Согласно самым новейшим данным, мы не одиноки не только во Вселенной – мы, похоже, не одиноки даже в пределах родной Солнечной Системы! И при всей абсурдности заявления сотрудника «Localsin» выбор компанией объектов для посылки сигналов далеко не случаен: по данным автоматической станции «Галилео» на Европе обнаружен настоящий «внутренний океан», спрятанный под толстой коркой льда (в свое время предсказанный **Карлом Саганом**, помните?), да и на Энцеладе просто полным-полно жидкой, незамерзшей воды, а ведь любому ясно – где присутствует **вода**, там есть все шансы для жизни.

Кроме того, недавно были обнаружены так называемые «**впадины жизни**» (с содержанием железно-магниевых смектитов) на Марсе, а также активно поглощающие ультрафиолет области на Плутоне, самой отдаленной планете Солнечной Системы, что позволяет предположить наличие там живых организмов! Правда, между просто живыми организмами и высокоорганизованной материей, способной мыслить, существует, согласитесь, огромная разница. Что толку посыпать сигналы неразумным тварям? Какие-нибудь безмозглые ящерицы на Европе или столь же безмозглые энцеладские слизни так и не поймут, что им с Земли был послан сигнал; с другой стороны, разумное существо – **понятие** весьма растяжимое. Полагаю, какой-нибудь скучающий холостяк-ニュйоркер вряд ли обрадуется, если на его любовный призыв откликнется разумная, но каракатицеобразная марсианка, а одинокая француженка просто придет в ужас, если с Плутона ей ответит мыслящая **плесень**... Правда, у зоофилов иногда бывают совсем уж невообразимые наклонности... Впрочем, не будем излишне углубляться в проблему сексуальных перверсий, у инопланетян тем более.

Так или иначе, логика компании «Localsin», в общем-то, понятна: мы все время искали в Космосе жизнь, поищем там и любовь, почему бы и нет? Одни из нас пресытились земной любовью, другие так и не нашли ее... обратим жаждущие взоры к другим планетам, были бы денежки!

Однако лично я думаю так: ну их, эти планеты, мало ли что! Да и связываться с их обитателями по сайту лучше не надо, а то вдруг действительно **вспыхнет** обоядная любовь, и что тогда?! Где и как, грубо говоря, свиху назначать? Но вообще-то у нас есть миллионеры и миллиардеры, которым по карману билет на космический корабль...

...Иван Антонович Ефремов умер в 1972-ом – в том самом году, когда с мыса Канаверал стартовали оба «Пионера» с металлическими пластинками-обращениями на борту. С изображениями нагих мужчины и женщины, красивых той самой красотой, которую так понимал и ценил Иван Антонович...

К всеобщему изумлению, вскоре после смерти великого ученого, философа и писателя-фантаста КГБ провело в его квартире тщательнейший обыск. Что там искали агенты одной из самых мощных спецслужб мира, до сих пор так и остается неясным. Компромат, утаенные ценности, запрещенную литературу, что-то еще? Вряд ли. Иван Антонович никогда не **диссидентствовал**, к властям всегда был лоялен, хотя и позволял себе иногда некоторые «вольности» в книгах (не зря ведь его фантастический роман «Час Быка» был в свое время **негласно** запрещен). Любители необыкновенного предположили даже, что Иван Ефремов являлся-де агентом ино-планетной цивилизации, и чекисты искали доказательства этого...

Впрочем, такие легенды ходили о многих других писателях-фантастах – например, о братьях Стругацких.

Часть третья УМЕНИЕ СМОТРЕТЬ В НЕБО

Все возвращаюсь и возвращаюсь мысленно к картинке, что висела на стене в моей комнатке четыре с лишком десятка лет назад... Мужчина и женщина в натуральном виде на фоне контурного изображения космического аппарата «Пионер», схема Солнечной Системы, пульсары, то-се...

Для меня это был не просто рисунок, придуманный землянином для инопланетян. Он олицетворял жизненное кредо мое и таких, как я, бакинских школьников. Я и мои друзья... Нами двигало любопытство, неподдельный интерес ко всему тому, что **вовне**, будь то Космос, Мировой океан или просто другие государства, другие народы, флора и фауна экзотических стран, да и собственного края тоже! А также ис-

тория и тайны вещества... Да, многим из нас хотелось разобраться во внутреннем мире самих себя и других людей, но и это в первую очередь для того, чтобы получше узнать о мире, находящемся **вовне**... Мы были устремлены наружу; мы мечтали как можно полнее и оригинальнее самовыразиться в науке, в музыке, в живописи, в спорте, в литературе...

Как-то раз меня попросили написать о нашем поколении – то есть о бакинцах, которые родились в 60-х, а в школах учились в 70-х... Я должен был письменно рассказать курсантам Азербайджанской Национальной Академии Авиации о том, каким был я и близкие мне по духу сверстники.

И я написал. Написал вот как:

«Интересный я человек, и я не один такой, но сейчас говорить буду от своего имени, так что...

Чем интересен? Да тем, что родился в 1960-ом и захватил чуть ли не половину века двадцатого, а сейчас осматриваюсь в веке двадцать первом.

Столько видано-перевидано, прожито-пережито! Время сначала бежало, потом – летело, и мир менялся буквально на глазах, изумляя и изумляя, и не давая передышки. Когда я рассказываю сегодняшним школьникам и даже студентам о том, что в мое время процесс проявления фото- и кинопленки длился часами, что фотографии надо было печатать в специальных ванночках при красном свете, а саму пленку направлять в кассеты внутри мешка из плотной черной материи;

– и что поговорить с человеком из другого города по телефону можно было лишь в специальных переговорных пунктах, и там ждать в очереди по нескольку часов, пока не вызовут в кабинку;

– и что компьютеры тогда имелись лишь в научно-исследовательских институтах, занимали целую комнату, назывались ЭВМ (Электронно-Вычислительные Машины), и программы в них вводили с помощью особым образом продырявленных бумажных лент и карточек;

– и что переключать каналы на тогдашних телевизорах приходилось вручную, а на старых – с помощью плоскогубцев;

– и что музыку мы слушали на виниловых дисках диаметром со сковородку, а крутили их на проигрывателях величиной с ящик из-под пива;

– и что помыслить даже не могли о том, чтобы просмотреть дома понравившийся фильм, а ходили для этого исключительно в кинотеатры, и там, если пленка рвалась и фильм останавливали, кричали киномеханику: «Сапожник!!!»;

– и что о телефонах, умещающихся в кармане, мы тогда читали лишь в фантастических романах, а звонили друг другу из уличных автоматов, «кормя» их монетами-двушками, и что из злодейски срезанной трубки можно было извлечь адаптер и привинтить его к корпусу простой гитары, превратив ее тем самым в электрогитару;

– в общем, когда я рассказываю обо всем этом, иные студенты и школьники смотрят на меня недоверчиво, а многие фыркают насмешливо...

И я помню то время, когда девочки играли в «классики» и в «птички на дереве», а мальчишки азартно гоняли во дворе мяч...

А если я еще скажу, что застал дворовые игры наших отцов, чье мальчишество пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны, и даже сам успел поиграть в «альчики» (это такие костяшки из суставов бараньих ног, их бросали, подобно игральным кубикам), и в «наккули» – эту очень популярную в свое время разновидность бейсбола, с заостренной с обоих концов деревяшкой вместо мяча («чашка-ложка-суп-картошка, наккули-и-ии!»), то иной малец может и спросить, как в том анекдоте: «Дядь Саш, а вы динозавров видели?»

К чему я все это? Да к тому, что живу давно и многое помню. Помню Баку

таким, каким он был на рубеже 60-х – 70-х годов двадцатого века. Помню его атмосферу, его дух, его людей.

И не следует, молодежь, считать меня и моих сверстников этакими пещерными жителями. Да, у нас не было вездесущих **гаджетов**, мы не играли в компьютерные игры и не ловили **покемонов** – но от этого наша жизнь отнюдь не была лишена интереса. Скорее, напротив. Не избалованные обилием **хай-тека**, мы давали выход своей творческой энергии иными способами.

Разумеется, я не стану утверждать, что поголовно все бакинские мальчишки и девчонки, а также юноши и девушки тянулись к знаниям и жили насыщенной духовной жизнью. Нет, среди моих дворовых друзей и одноклассников хватало таких, кто ничем не интересовался, вернее, их интересы были довольно примитивными; многим пацанам из моего класса учителя и вовсе прочили карьеру дворника или вокзального носильщика, а то и исправительную колонию в самом ближайшем будущем... Но я водился в основном с теми, кто многим интересовался и к чему-то стремился, постепенно сближаясь с ними, и нам тогда казалось, что большинство бакинских подростков такие же, как мы. А может, так и было на самом деле.

Нам тогда, на рубеже 60-х – 70-х годов, доставало духовной пищи.

Правда, **Интернета** тогда не было, и мы черпали нужные нам сведения из книг и журналов, записываясь в многочисленные библиотеки. Я, например, на всю жизнь сохранил благодарность работникам детской библиотеки имени Фиридун-бека Коcharli, которая в прямом смысле этого слова стала моим Университетом; не могу не упомянуть и библиотеку имени Пушкина, что находилась рядом со школой, в которой я учился. Скажу вам, что поиск нужной информации без нынешнего «**о`кей, Гугл**» тогда занимал гораздо больше времени, но вместе с тем воспитывал терпение, усидчивость, настойчивость и способность искать самому, а это немаловажно.

И ведь каждый из нас был чем-нибудь да увлечен! Мы, школьники, часто ходили друг к другу в гости; наши родители встречали школьных и дворовых друзей своих детей с истинно бакинским гостеприимством и радушiem и оставляли одних, не мешая общаться.

Вот придишь домой к одному дружку – а в его комнате вкусно пахнет разогретым оловом и канифолью, а сам он сидит за столом и умело тычет жалом паяльника в недра какой-то сложной схемы, которую отыскал в журнале «Юный техник»; мы включаем маг – громоздкий, «бобинный» – и под **Deep Purple** болтаем обо всем, что нам интересно... Дружок, ясное дело, собирался стать в будущем богом электроники.

Придишь домой к другому дружку – а он сосредоточенно склеивает из листов ватмана самодельный телескоп; вызываешься ему помочь – и вот мы уже сообща мастерим прибор, через который станем наблюдать звездное небо... Сейчас можно приобрести в магазине превосходный фабричный телескоп, и это хорошо; но насколько радостнее было тогда глядеть в трубу, которую сделал сам из бумаги и очковых стекол! Этот дружок намерен был стать астрономом и открыть новую планету.

Навестишь третьего друга – а он сидит, запустив пальцы во всклокоченные волосы, над шахматной доской, разбирая сложную партию, и тут уже не до разговоров; посидев немного для приличия, ретируешься, чтобы не мешать. Парень занимается в шахматной секции и готовится к какому-то важному турниру... И твердо решил добиться когда-нибудь мировой шахматной короны!

...Девочка, в которую тайно и безнадежно влюблен, сидит на тахте, скрестив ноги по-турецки, и читает «Час Быка». Отрывается от книги ненадолго, окатит тебя взглядом своих чудесных глаз и скажет: «Интересная книга! Дочитаю, потом дам тебе. На два дня». И ты млеешь – то ли оттого, что сможешь прочесть полузаинтересованный роман Ивана Ефремова, то ли оттого, что она на тебя **ТАК** посмотрела... Девочка собирается стать писателем, все время отправляет свои рассказы в разные редакции, на разные конкурсы...

...Другая одноклассница репетирует перед зеркалом – она занимается в театральном кружке, у них скоро спектакль; она громко и с выражением декламирует стихи, то и дело сверяясь с книжкой... Просит подсобить ей, выступить в роли зрителя. Перед ее напором не устоишь – девчонка твердо решила выбрать артистическую карьеру.

...А вот еще один мой дружок, заядлый гитарист. Гитара для него – не просто временное увлечение, он терпеливо разучивает гаммы и исполняет несложные композиции, глядя в ноты... А потом вдруг подмигнет мне заговорщики и начнет играть что-нибудь из **Rolling Stones**, что-нибудь подобранное на слух... Будущий музыкант, какие могут быть сомнения? И я подпеваю на ужасном английском языке...

...а младший братишка гитариста – будущий художник. Ух, как он рисует! В студии, которую он посещает, им очень довольны, очень...

А что могли увидеть друзья в моей комнатке? Книги по биологии вперемежку с томиками научной фантастики, аквариум с рыбками, банку с плавающими в ней головастиками, выращиваемые в горшках растения, небольшую коллекцию насекомых, собранную самолично, коллекцию раковин, окаменелости... Модель космического корабля «Союз»... Бобинный магнитофон и катушки с плёнкой, записи зарубежных рок-групп... Я всерьез намерен стать биологом, а еще меня очень интересует Космос, и где-то в глубине души у меня зреет надежда объединить оба свои увлечения и стать исследователем внеземной жизни, **экзобиологом**...

...Под синим бакинским небом, под раскаленным южным солнцем, на берегу Каспия... Горячие сердца, цепкие умы, твердые характеры, буйное воображение – такими мы были, мы, я и мои друзья-товарищи... Мы любили **норд**, сильный северный ветер, и встречали его грудью. Даже девчонки, которые для виду прятали носы в воротники свитеров, и при этом смеялись глазами... И нам тогда казалось, что любую беду мы способны встретить вот так, грудью, не зная страха!

Ощущали ли мы тогда, что живем интеллектуальной жизнью? Вряд ли. Мы просто жили, сверяясь со своими интересами и действуя в соответствии с ними.

А наш любимый город «подыгрывал» нам. На улицах можно было встретить известного актера, музыканта, певца, и, поскольку они тогда в большинстве своем ходили пешком и без охраны, подойти к ним и запросто пообщаться, спросить о житьё-бытье, о творческих планах... Знаменито сти не чинились, отвечали охотно.

Во время VII всесоюзного кинофестиваля в 1974 году в Баку съехались звезды советского кино и можно было взять у них автографы...

...примерно тогда же в рамках Международного кинофестиваля в наш город забросили несколько зарубежных лент, и я, хоть с большим трудом, но пробился в кинотеатр «Шафаг» на фильм Антониони **«Профессия: репортер»** с молодым Джеком Николсоном...

А театр? Как здорово было посмотреть музыкальную комедию с бесподобными азербайджанскими актерами, а потом посмотреть спектакль гастролирующего в Баку московского Театра Сатиры! Увидеть «Маленькие комедии большого дома с Мироновым, Папановым, Ширвиндтом, Мишулиным, Татьяной Пельцер, увидеть и... нет, не умереть, а жить дальше с просветленной душой!

Отличные концерты – Муслим Магомаев, венгерская рок-группа **«Фонограф»**, британская группа **«Доули Фэмели»** в Зеленом театре... И многое другое, на любой вкус.

А книги? О нет, лучше вовремя остановиться, а то мои воспоминания сами выльются в отдельную книгу...

Впечатлений хватало. Для тех, кто их искал. И был настойчив. Осознавали ли мы тогда, что живем культурной жизнью? А осознает ли рыба, что она живет в воде? Она просто живет в своей естественной среде. Так и мы тогда чувствовали себя, как рыбы, а водой нам служил культурный Баку того времени.

Мы просто жили. Впитывали в себя все лучшее, что могла дать национальная и мировая культура, и верили в то, что когда-нибудь и сами внесем вклад в национальную и мировую культуру... Самонадеянно, скажете? А вы вспомните, сколько знаменитых людей дал миру Азербайджан, дал Баку! Они служили нам своеобразными маяками...

*Получилось ли у нас что-нибудь, осуществились ли наши мечты, сбылись ли наши надежды – судить уже не нам. На такие вопросы отвечает **Время**.*

И вот что хотел бы сказать напоследок.

Еще раз возвращаюсь мысленно в далекое детство. Широкая круглая площадь в Парке Пионеров. Крепкие, сосредоточенные мальчишки заправляют бензином кордовые модели самолетов, которые собрали сами под руководством опытных наставников. Потом мальчишки запускают моторчики, и модели с оглушительным треском поднимаются в воздух, таща за собой трепещущие длинные ленты. Самолетики мчатся по кругу и по спирали, ибо находятся на привязи; вращаясь вокруг собственной оси, пацаны управляют полетом своих механических детищ; вот двое пареньков устраивают «воздушный бой»; о, что это за зрелище!!!

Мне на всю жизнь запомнились лица этих бакинских пареньков: светлые, радостные, они были подняты к небу...

*Увы, современные пареньки и девчата, которых я вижу каждый день, почти всегда согбенны над своими **айфонами**, превратившись в этаких **Хомо Согнути-кусов**. А ведь все эти замечательные штучки придуманы и созданы были для того, чтобы новое поколение лучше узнавало мир – так, как это не снилось нам, старшему поколению! Какая мощная техническая подпитка, поддержка вашему интеллекту!!!*

Не растративайте эту волшебную помощь по пустякам.

*И умейте смотреть в небо, ребята. В будущее. **Хай-тек** вам в **хелл**.*

Но главное все-таки – душа».

Нам тогдашним более всего подходила, пожалуй, вот эта картина – работа известного азербайджанского художника Таира Салахова «Тебе, человечество!» (1961), созданная им под впечатлением гагаринского полета в Космос:

А вот еще. Как-то раз мне довелось выступать перед юными читателями бакинской библиотеки имени Максима Горького; помимо прочего, речь зашла о любимых писателях, и я рассказал детям и их родителям (тоже присутствовавшим на творческом вечере) о том, как в подростковом возрасте безумно влюбился в американского писателя Рэя Дугласа Брэдбери, которого, строго говоря, нельзя отнести к научным фантастам, а многие так и вовсе не считают его фантастом, а называют – **Поэт...**

Так или иначе, а позднее я записал свою «пламенную речь», получилась статья, фрагмент из которой я предлагаю вашему вниманию:

«Хочу рассказать вам, как Рэй Брэдбери вошел в мою жизнь, вошел, да так и остался в ней навсегда. Переведенный великолепными переводчиками, Рэй Брэдбери стал известен советским читателям в начале 60-х и сразу же занял свое место в пятерке самых популярных в народе фантастов того времени, наряду с Ефремовым, Стругацкими, Лемом и Шекли. Но мое личное знакомство с Брэдбери началось в 1973-м с детской книжки **«Р – значит «ракета»**. Это был сборник рассказов с прекрасными иллюстрациями известного художника Михаила Ромадина. Книжка меня просто очаровала. А потом была бесподобная повесть **«Вино из одуванчиков»** – я взял ее в библиотеке и держал у себя целый год, пролевая и продлевая... я не в силах был с нею расстаться, и перечитывал ее без конца, наслаждаясь стилем. Я не встречал до этого никого, кто мог бы так точно описать душу подростка, открывающего для себя мир и осознающего свое место в этом мире. Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что я тогда жил в очень зеленом и уютном уголке Баку, так похожем на описанный в повести маленький американский городок **Гринтаун**... А потом были **«Марсианские хроники»** – эту книжку, изданную в формате «пocketbook», я постоянно носил с собой и тоже перечитывал, хотя и знал ее наизусть. Я читал ее даже на уроках, тайком, за что мне влетало от учителей. Я тогда самым натуральным образом влюбился в Брэдбери, влюбился без памяти; в юности, когда я мог сотворить себе кумира, Брэдбери таковым кумиром и стал. Я разными путями доставал его произведения, авторские сборники и всевозможные альманахи фантастики, его рассказы, печатавшиеся в журналах **«Знание-сила»** и **«Юный техник»**, **«Вокруг света»** и **«Искатель»**, в газетах **«Неделя»** и **«Книжное обозрение»**. Если я мог приобрести эти книги и журналы – я их покупал. Если мне давали их на время – я терпеливо переписывал рассказы Брэдбери в специальную тетрадку. Родные и знакомые посмеивались над моей страстью, но добросовестно снабжали меня всеми теми газетными и журнальными публикациями, которые могли достать. Я мог читать-перечитывать его книжки без конца, цитировать к месту и не к месту; я подражал великому писателю внешне (костюм, как у Брэдбери, прическа, как у Брэдбери, очки, как у Брэдбери) и даже пытался писать, как он (какое глупое, безнадежное занятие!). В театральном кружке при Доме культуры, который я какое-то время посещал, мне почти удалось убедить руководителя поставить на сцене одну из глав **«Марсианских хроник»**, но из этой затеи ничего не вышло... И лишь в одном я, слепо влюбленный в великого писателя, был все же несхож с ним – Брэдбери, как говорили, терпеть не мог джаз и рок-музыку, а я любил, и даже играл в школьном ВИА...

Брэдбери часто цитируют; здесь я хотел бы привести отрывок из новеллы **«Чудеса и диковинки! Передай дальше!»** – удивительной новеллы, в которой Брэдбери ведет воображаемый диалог с другим великим фантастом, Жюлем Верном.

«Наш путь к космическим путешествиям начался с тех самых пор, как мы переселились с деревьев на землю. Пещерный человек уже чуял это в зимние ночи, когда звезды говорили ему о том, что где-то недосыпаемо далеко пылают жаркие, как лето, огни. Колумб и Кортес подхватили томление пещерного человека и понесли дальше, надевая на него личины властолюбия и корысти, честолюбия и религии... Мечтания, исследование, открытие, сопоставление истин – так восходит наша история... восходит все выше и исчезает вдалеке. Только одно может остановить это движение – джунгли, которые внутри человека, другая его половина: мохнатый мамонт, саблезубый тигр, слепой паук, копощащийся в ядовитой тьме, грезящий о грибовидном облаке. Проще, шепчет он, уничтожить, умереть, забыться навсегда. Смерть разрешит все проблемы, шепчет он, и, как ожерельем из темных бус, потряхивает пригоршней атомов... Снова и снова, несмотря на миллионы лет бессмысленных войн, несмотря на безумие, нам удается не погибнуть...».

Актуально! И тогда было актуально, и сейчас актуально, и многие годы еще будет актуально...

Я подумал вот еще о чем. Один из величайших фантастов планеты весьма эффектно обставил свой уход из нашего мира. Возможно, это чистая случайность, но Рэй Брэдбери умер в тот самый день, когда миллионы землян, затаив дыхание, наблюдали за редким астрономическим явлением, случающимся раз в столетие – проходом Венеры по солнечному диску... Впрочем, случайность ли? Лично я вижу в этом своеобразное знамение. С некоторыми великими писателями связаны обстоятельства прямо-таки мистические. Другой американский автор, Марк Твен, родившийся в год пролета мимо Земли знаменитой **кометы Галлея** (в 1835-м) полуслутя-полусерьезно уверял, что он – человек с кометы, и уйдет из этого мира во время следующего пролета кометы Галлея, через 75 лет... Между прочим, так оно и случилось – Марк Твен умер в 1910-м... Год в год!

...Спросите меня **«какой из рассказов Брэдбери твой самый любимый?»** – и вы приговорите меня к медленной, мучительной смерти... Я сделаюсь буридановым ослом, но не меж двух одинаковых охапок сена, а меж сотен одинаково прекрасных и любимых рассказов. «Космонавт»? «Калейдоскоп»? «Ревун»? «Ржавчина»? «Тот, кто ждет»? «Улыбка»? «Тираннозавр Рекс»? «Нескончаемый дождь»? «И грянул гром»? «Зеленое утро»? «Были они смуглые и золотоглазые»? Ужас!!! Так что лучше не спрашивайте...

Но если спросите, какой из рассказов Брэдбери я рекомендовал бы прочесть вам сейчас – я смогу ответить. Очень рекомендую нефантастический, но очень сильный рассказ **«Быть может, мы уже уходим»**. История о двоих индейцах, старике и мальчике, ставших случайными свидетелями высадки на американский континент первых испанских конкистадоров и глубинным чутьем понявших, что это – точка перелома, что привычный окружающий мир отныне не будет прежним... Особенно рассказ поймут люди, пережившие цунами перемен и помнящие жизнь **«до»** и **«после»**.

И еще... Не так давно я побывал в том районе Баку, где прошли мои детство, юность, молодость, и увидел, как милые моему сердцу места неумолимо меняются: там лихо сносят целые кварталы, чтобы построить на их месте высотные здания... Удрученный этим зрелищем, я разместил на Фейсбуке пост собственного сочинения, пост под названием **«Невосполнимость»**. Вот он:

«...Как бы мне хотелось ненадолго вновь стать двенадцатилетним бакинским мальчишкой, вновь пройтись по тихой Первой Нагорной улице, усаженной высокими узкими елями, так, что даже в самые жаркие дни на улице царила прохлада, идти, листая на ходу только что взятую в библиотеке книжку Генри Каттнера (ну нет никакого терпения подождать до дому!), и всхахатывать, читая: **«Мы – Хобгены, других таких нет»**...

...Как бы мне хотелось ненадолго вновь стать тринадцатилетним бакинским мальчишкой и провожать из школы домой голенастую одноклассницу Маринку, и нести ее портфель, неспешно идти рядом, болтая о всякой всячине, идти по тихой Второй Нагорной улице, мимо палисадников, густо оплетенных плющом, мимо уютных трехэтажных домиков, утопающих в зелени, и долго прощаться с Маринкой у ее двора, отломить веточку одуряюще пахнущей сирени и вручить ей, и набравшись нахальства, клюнуть ее губами в щечку... и получить от нее твердым кулачком в грудь...

...Как бы мне хотелось ненадолго вновь стать пятнадцатилетним бакинским пареньком и идти по тихой Третьей Нагорной улице пронзительно-прекрасным весенним утром, солнечным и праздничным, идти вместе с друзьями в школу, на ходу оживленно обсуждая виденный по телевизору хоккейный матч...

...Как бы мне хотелось ненадолго вновь стать семнадцатилетним и пройтись по шумной Четвертой Нагорной улице, спеша на репетицию самодеятельного бит-квар-

тета, мартовским ветреным днем, пряча озябший нос в поднятый воротник куртки, нести в руке гитару в твердом футляре, обтянутом kleenкой (с наклеенным самодельным логотипом квартета), идти, напевая только что сочиненную мелодию на стихи Николая Заболоцкого, идти, слушая людской гомон у базара и деловитые звонки трамваев...

...Хотеть не вредно, как говорил один знакомый еврей.

Всего этого или больше нет, или скоро не будет. Улицы еще остались, но все то, что я вновь хотел бы увидеть, кануло в небытие. На месте знакомых с младенчества уютных домов, палисадников, дворов – молчаливые высотки. Красивые, но... молчаливые. Иные уютные дома и дворы сейчас выглядят как обломки гигантских гнилых зубов или как чудовищные черепа с множеством пустых глазниц, они обнесены забором, их постепенно ломают, чтобы построить на их месте все те же молчаливые высотки...

Красивые. Современные.

Это неизбежно. Рождаются и умирают звезды, трескаются и расплзаются континенты, возникают и рассыпаются горы... что ж вы хотите от улочек и двориков?

Тащится, тащится по пятам за моими воспоминаниями безжалостный экскаватор и откусывает зубастым ковшом воспоминание за воспоминанием. Прошлое – не только невозвратно. Оно еще и невосполнимо. Настоящее и будущее может дать мне при желании много разного, но оно никогда не вернет мне бакинских улиц, домов, дворов и людей моего детства.

...Ах, как тогда светило солнце! Мы чувствовали себя буквально растениями, насыщающимися солнечным светом...

Экскаватор ползет за мной следом.

Когда-нибудь он нагонит меня и лязгнет ковшом. Вот тогда-то и погаснет как экран выключенного телевизора весь тот чудесный мир прежнего Баку, который я ношу с собой как прохладную, вкусную воду, и иногда, слабо улыбаясь, делаюсь этой никогда не портящейся водой с уцелевшими знакомыми и просто первыми встречными, наливая им в ладони, сложенные «лодочкой»...

Вот тогда это произойдет. Но не раньше.

Грустно? Да. Но «планета наша для веселья мало оборудована». Это еще поэт Маяковский заметил, аж сто лет назад...

Часть четвертая КОЛОКОЛ РАЗДЕЛЕНИЯ

Работая над текстом, попутно слушал флойдовский альбом 94-го года, **The Division Bell**. Не сказать, что он у меня самый любимый, но – весьма соответствует настроению. Подходяще, когда пишешь о выкрутасах этого вконец одуревшего, но все еще любимого мира...

The **Division Bell** – это так называемый «**колокол разделения**», висевший в Палате общин британского Парламента и звоном своим предупреждавший о предстоящем голосовании (сейчас колокол заменен электрическим звонком). Слово **division** означает «голосование», а если буквально – «разногласие»; имеется в виду разделение членов Парламента на голосующих «за» и «против». А вообще-то «Флойды» подразумевали разногласия, противоречия между людьми вообще... Во всяком случае, тексты песен сплошь – на тему общения.

Сделал фоном рабочего стола на компе обложку **The Division Bell**. У меня этот альбом на лазерном диске, а ужасно хочется поставить перед собой конверт настоящего, винилового «**пласта**» и время от времени поглядывать на два металлических профиля, обращенные друг к другу, на бусинки огней, протянувшихся «изо рта в рот», на закатное небо... И если смотреть на картинку долго, стоящие вплотную про-

фили сливаются в одно металлическое лицо анфас... Вообще хочу иметь этот альбом на виниле. И крутить на соответствующей аппаратуре. Воля ваша, господа, но записи на CD многое лишиены. Чувствуешь себя несколько обокрашенным, в плане качества звука. И уж совсем не впечатляет картинка величиной с коробку из-под папирос **Sobranie**. Над обложкой **The Division Bell** потели Сторм Торгерсон, Тони Мэй, Руперт Труман; разве оценишь всю глубину их замысла и исполнения, все великолепие шедевра на блеклой этикетке компакт-диска площадью 12 на 12 сантиметров?! Черта лысого...

«Люди одиноки потому, что вместо мостов строят стены»
(Станислав Ежи Лец)

Человеческая некоммуникабельность – вот, по-моему, главный бич современного социума. Обеспокоенный тенденцией разобщения людей (а такая тенденция охватила весь так называемый «цивилизованный» мир, и лишь страны Востока все еще сопротивляются ей – в частности, Азербайджан, где еще сильны традиции «мяхялли», общины), я все чаще вспоминаю слова известного норвежца Тура Хейердала, ученого и путешественника: *«То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено»*. Я полностью согласен с Хейердалом. Залогом выживания человечества в прошлом стал именно коллективизм. Первобытный человек мог поймать в одиночку ящерицу или кенгуру, но загнать антилопу или оленя можно было только сообща, слаженными действиями. А добыть такого мощного и грозного зверя, как мамонт, мог лишь большой и хорошо сплоченный коллектив людей. Как ни банально это звучит, но именно в единстве – сила.

«Многие склонны считать, что эволюция – беспощадная борьба за выживание. В действительности же движущей силой эволюции было сотрудничество».

(Мартин Новак, эволюционист, профессор биологии и математики Гарвардского университета)

Сам-то я общителен – иногда чрезмерно, порой и во вред себе, но что поделаешь, таким уродился. Мне ничего не стоит завести разговор с любым незнакомым человеком, первым встречным, поддержать практически любую беседу в любой компании, достаточно легко найти общий язык даже с незнакомой аудиторией... Разумеется, подобная коммуникабельность – дар Божий, имеющийся далеко не у каждого.

Сей дар здорово помог, когда я в 90-е годы начал свою карьеру журналиста. Чтобы утвердиться в этом качестве, мне пришлось общаться со многими интересными людьми Азербайджана, брать у них интервью. А чтобы сработать хорошее интервью, например, с женщиной-змееводом, или исследователем средневековых рукописей, или подводным археологом, искателем «**Каспийской Атлантиды**», или тренером дельфинов и морских львов, или профессиональным коллекционером кактусов, следовало не только отнестись с уважением к людям, которых взялся интервьюировать; следовало еще и проникнуться искренним интересом к делу, которому эти люди посвятили свою жизнь. И я проникался, потому что все это было мне близко.

Однако, подступаясь с блокнотом или диктофоном к тому или иному очень, очень интересному человеку, я всегда втайне мечтал сделать интервью необычные, оригинальные. Интервью не с людьми.

Это вовсе не значит, что я «объелся» общением с , и они мне **наскучили**. Люди не **наскучат** мне никогда. Просто мне хотелось сделать интервью, подобных которым не делал еще никто. Вполне здоровое намерение, считаю.

По-прежнему непонятно? Сейчас объясню.

Я **мечтал**, во-первых, взять своеобразное интервью у кита, причем не у дресированного, из океанариума, а у дикого, вольного, живущего в море. Подготовленные вопросы я закодировал бы в звуки китового «языка» и с помощью гидрофонов адресовал бы морскому млекопитающему. А затем ответные его сигналы «перевел» на человеческий язык.

(Отчего же, спросите вы, у кита, а не у дельфина? Ведь дельфин больше подходит для этой роли, он соразмерен человеку; но дело в том, отвечу, что с дельфинами ученые общаются уже полвека, а я предпочитаю идти непроторенными путями).

Китовый «язык» – отнюдь не выдумка. У кашалотов, например, он чем-то напоминает азбуку Морзе, состоит из серий длинных и коротких повторяющихся щелчков и нескольких десятков их **комбинаций**; в «языке» кашалотов обнаружили даже своеобразные «диалекты»! Кашалоты придумывают собственные вокальные фигуры и выучивают их друг у друга! Кашалоты складывают целые фразы! И вот что еще: до сих пор считалось, что эти киты используют групповые формы общения; сейчас выяснилось, что каждая особь общается с товарищами на их собственных «сленгах», в которых закодированы их **личные** данные! Таким образом, кашалоты умеют общаться друг с другом тет-а-тет; если так, отчего бы одному из них не поговорить и со мной? Через гидрофон, разумеется, поочередно переводя ультразвуковые сигналы в частоты, более привычные для человеческого уха, и наоборот...

Насколько мне известно, канадские и американские ученые сейчас работают над расшифровкой кашалотового «языка»...

Но я, если честно, предпочел бы иного собеседника – так называемого «горбатого кита», или **горбача**, мирного пожирателя планктона и креветок. Знаете, дельфинов часто называют «святой Нептуна»; китов-горбачей же вполне можно зачислить в придворную **оперу**. Горбачи действительно поют. Они поют хором, дуэтом и соло, они исполняют стройные мелодии широкого диапазона, причем, как за-

метили ученые, **обновляют** свой «репертуар» каждые четыре-пять лет; таков их язык. Между прочим, крик горбатого кита – самый громкий звук, издаваемый живым существом; он громче, чем звук «Конкорда», и его слышно на расстоянии до 500 миль... Я подумал еще, что сделать интервью с китом-горбачом даже предпочтительней и интересней: коли он поет – так и спою в гидрофон, да еще и под гитару! Споемся, чего там! Ведь исполнил же под водой мексиканский эколог Энди Касагранде песню собственного сочинения, аккомпанируя себе на гитаре, находясь в непосредственной близости с **невероятно** опасной белой акулой! (это случилось лет десять назад). Правда, мексиканец не стремился к диалогу; он спел как бы от имени белой акулы, обращаясь к людям; Касагранде хотел, по его словам, чтобы люди пересмотрели свое отношение к акулам.

Во-вторых, мне **хотелось** получить доступ к самому наисовершеннейшему Искусственному Интеллекту и провести с ним долгую беседу – с тем, чтобы понять, что он есть такое, в какой степени похож на человека, и в какой степени отличается. И знаете, эта моя мечта готова была вот-вот сбыться...

...В октябре 2018-го, в рамках конференции **Global Influencer Day**, проходившей в Баку, в Центре Гейдара Алиева, мне удалось повидаться с легендарным роботом-**геноидом** (то есть имеющим облик женщины) по имени София.

И, если честно, я остался недоволен.

Нет-нет, ни малейших претензий ни к самой конференции, ни к ее участникам и устроителям, ни даже к самой Софии не имею; не удовлетворил **формат** моей встречи с роботом. Мне совершенно недостаточно было увидеть ее выступление со сцены и сфотографироваться с ней, отстояв длинную очередь из сотен желающих. Я возлагал большие надежды на пресс-конференцию, которая, увы, не состоялась. А ведь я рассчитывал пообщаться с Софией, задать ей несколько вопросов. И, думаю, имел на это особое право, поскольку роботы – это сбывающаяся фантастика, а я – азербайджанский писатель-фантаст.

Вообще-то в мировой практике принято звать писателей-фантастов на всякого рода мероприятия, имеющие какое-либо отношение к фантастике. Так, в начале 80-х годов прошлого века NASA пригласило нескольких американских мастеров жанра, чтобы показать им фотографии Сатурна и его спутников, незадолго до этого сделанных и переданных на Землю космическим аппаратом «Вояджер-2». Дескать, вы столько описывали данные небесные тела так, как видели их в своем воображении, – посмотрите же, как они выглядят в действительности... Хорошая практика. Полезная.

Выбранный мною жанр ко многому обязывает. Меж обычных людей фантаст – это тот, кто видит на тридцать три метра вперед остальных. Хороший фантаст – тот, кто меж своих собратьев видит на три метра дальше... История учит, и жизнь показывает, что хорошие фантасты часто выступали в роли провидцев и задумывались над проблемами будущего еще до того, как они вообще возникали. Или когда они находились в зачаточном состоянии.

Наряду с другими проблемами, которые уже стоят или в ближайшее время встанут перед человечеством, лично меня сильно занимают две: последствия возможного Контакта людей с представителями внеземных цивилизаций (**ВЦ**) и бурное развитие Искусственного Интеллекта (**ИскИна**). И если интерес к первой проблеме остается в большой степени академическим (ведь существование инопланетян, строго говоря, до сих пор не доказано), то Искусственный Интеллект – вот он, уже здесь.

Робот София, например.

Геноид, созданный Дэвидом Хэнсоном и активированный («**родившийся**»...) 19 апреля 2015 года, – стало быть, Овен, как и я... София обладает Искусственным Интеллектом, оснащена функциями обработки визуальной информации и технологией распознавания лиц; умеет имитировать человеческие жесты и мимику, а также

отвечать на определенные вопросы и проводить простые беседы по заранее определенным темам – о погоде, например... Но робот **совершенствуется** со временем, становясь «умнее»; София постоянно дорабатывается как аппаратно, так и программно; на сегодняшний день, говорят, она способна выражать уже 62 эмоции своим эластичным женским лицом (Хэнсон, создавая свое детище, придал ей облик легендарной актрисы Одри Хепберн). София – первый в мире робот, который имеет гражданство; год назад ей предоставили подданство Саудовской Аравии.

Согласитесь, с таким собеседником есть о чем поговорить и помимо погоды – учитывая постоянное совершенствование **геноида**... Ручаюсь вам, что задал бы Софии вопросы не хуже тех, что задавали журналисты в ООН, в США, в Саудовской Аравии, в Украине. А может, и лучше. Само собой, вопросы, мною заготовленные, уже наверняка звучали ранее; но я, приступая к беседе с кем-нибудь или боясь у кого-либо интервью, стараюсь отбросить все, что делалось до меня и действовать так, будто я – первый, кто опрашивает этих людей...

...или робота.

Например, я спросил бы Софию, **допускает** ли она существование Творца, создавшего все сущее, или же полагает, будто все на свете, включая Жизнь и Человека, появилось само по себе (было бы очень интересно узнать, как робот, создание рук человеческих, ответит на основной вопрос философии: что **первично** – Материя или Сознание?). Далее: протянув Софии живой цветок, допустим, ромашки (возьмет? не возьмет?), спросил бы: что есть, по ее мнению, цветок – просто орган размножения высших растений, имеющий радиальную симметрию, или нечто **большее**? Ответ помог бы мне понять, имеется ли у Софии эстетическое чувство. Еще: я бы объяснил Софии (на всякий случай, если она не знает), что в старину мужчины целовали у женщин руку, демонстрируя свою галантность, и спросил бы: хотела бы София, чтобы я, человек, мужчина, прикоснулся губами к ее искусственной руке? Меня интересует, позволит ли **геноид** человеку, мужчине, такую вольность, выходящую за пределы обычной беседы, своего рода физический контакт, и если позволит, то как отреагирует? Грубо говоря, не считает ли **геноид** себя **эмансипэ**?

Меня всегда интересовала эмоциональная составляющая Искусственного Интеллекта, если таковая имеется. Способна ли пусть даже самая совершенная машина, собранная руками техников, радоваться или огорчаться? Жалеть о чем-либо или сострадать кому-нибудь? Ведом ли Искусственному Интеллекту **страх** – страх смерти, например, если под смертью подразумевать отключение и демонтаж? По большому счету, способен ли робот на чувство привязанности к человеку или другому роботу? Поверьте, это важно, гораздо важнее, чем кажется на первый взгляд...

Аппетит, как известно, приходит во время еды. И, имей я такую возможность, я бы задал и некоторые другие «каверзные» вопросы. Вот, скажем: если роботу Софии придется работать в сотрудничестве с другим таким же роботом Софией – не возникнет ли между ними некое чувство, **подобное** женской ревности? Или же это будут отношения как между сестрами-близнецами?

Или если роботу Софии доведется своими руками (вернее, манипуляторами) собрать другого робота, поменьше, способного быстро совершенствоваться интеллектуально, и активировать его – кем будет второй робот для первого? Не осознает ли себя первый робот «матерью», или, во всяком случае, «родителем»? (сейчас, в эпоху засилья толерантности, слово «родитель» предписывается употреблять даже по отношению к людям – «родитель № 1» и «родитель № 2» вместо привычных «папа» и «мама»).

Или: не захочет ли робот когда-нибудь искусственно вывести человека, **гомункулуса**? И какие логические и юридические казусы при этом могут возникнуть? Творец, так сказать, своего бывшего творца... Как интересно!

К чему все эти вопросы? Вопросы, вопросы...

Но как же иначе? Если не нашим детям, то нашим внукам и правнукам жить в одном мире с роботами, которые к тому времени достигнут, вероятно, высокой степени совершенства. И мне небезразлично, с кем мои правнуки будут делить общее пространство Земли и освоенного Космоса. Кем станут «потомки» Софии для наших потомков? Слугами, рабами? Надежными товарищами? Равноправными – с людьми – гражданами Земли и освоенного Космоса, получившими (несмотря на свое искусственное происхождение) право считаться Личностями? Или, не дай Бог, роботы будущего станут господами наших потомков – ведь во многих отношениях машины совершееннее людей, и настанет такой день, когда машины осознают **это**; какое место тогда они отведут людям?

Разумеется, полностью ответить на эти вопросы сегодня невозможно. Ведь никто не знает, как пойдет дальше развитие Искусственного Интеллекта (я не говорю уже о том, что никто не знает, как пойдет дальше развитие человеческой цивилизации...). Но думать над этим необходимо (или, как минимум, полезно) уже сегодня – это поможет избежать многих роковых ошибок в будущем.

...Моя беседа с роботом Софией так и не состоялась. Но давайте не будем считать мои вопросы, заготовленные для **гинойда** и так и не прозвучавшие, ненужными или пропавшими. Давайте будем считать их просто **отложенными**. До поры до времени.

Как вы, должно быть, поняли, в обоих случаях я попытался бы разобраться в психологии **нечеловека** природного (морского зверя) и психологии **нечеловека**, созданного искусственно, и попробовал бы сопоставить их. Возможно, такой опыт оказался бы небесполезен людям.

Ни интервью с китом, ни беседу с Искусственным Интеллектом нельзя считать трудноосуществимыми или неосуществимыми вовсе – просто их воплощение потребовало бы значительных средств и утряски всяческих формальностей. Но третья моя **мечта** вряд ли осуществима в принципе, хотя именно ее я и **желал** бы осуществить сильнее всего...

195-165 миллионов лет назад в долинах и дельтах рек центральной части Северной Америки, поросших буйной растительностью, обитали **орнитолесты** – динозавры ростом чуть крупнее человека. Впервые их останки были найдены в 1900 году в карьере Комо Блафф – известном «кладбище динозавров» в штате Вайоминг, США. Последующие находки позволили палеонтологам составить более подробный «портрет» этих ящеров. Орнитолесты (**«птицы разбойники»** в переводе, или, точнее, **«те, кто грабят птиц»**) передвигались на задних лапах, имели «руки» с ловкими пальцами, способными хватать разные предметы, а также сильно развитый мозг; они охотились сообща. По мнению некоторых специалистов, орнитолесты способны были образовать некое подобие цивилизации и тоже могли дать начало разумному существу задолго до человека. А британский фантаст Стивен Бакстер в рассказе «Охотники Пангеи» очень убедительно описал эту самую цивилизацию. По Бакстеру, орнитолесты овладели орудиями труда и охоты, выработали свой язык и так неумеренно использовали навыки коллективной охоты, что перебили всех других динозавров и позднее вымерли сами. **«Судьба орнитов сложилась бы счастливее, будь их культура более гибкой, – пишет фантаст. – Возможно, если бы они научились выраживать грузных ящеров или хотя бы не нападать на них столь яростно, то прожили бы дольше. Но и они были запрограммированы на поступки и мысли плотоядных охотников. Даже в ихrudиментарных мифах господствовала охота, легенды о Валгалле. Орнитолесты рождались охотниками, умеющими изготавливать орудия, и оставались таковыми до тех пор, пока не уничтожили последнего диплодока. Величие и падение орнитов заняли несколько тысяч лет, жалкий отрезок времени по сравнению с восемьмидесятью миллионами лет существования империи динозавров. Они делали ору-**

дия только из непрочных материалов: дерева, растительных волокон, кожи. Они так и не открыли металлов, не научились обрабатывать камень. Даже костров не разводили, иначе, по крайней мере, остались хотя бы очаги. Пластины не сохранили плоских черепов: слишком коротким было их пребывание на земле. Исчезнув навсегда, орниты не оставили следов своего пребывания для раскопок будущих археологов. Ни одного – кроме загадки внезапного исчезновения гигантских ящеров: аномальное массовое вымирание в середине эры динозавров».

Да уж – рисунков эти несостоявшиеся «люди» не оставили. Разве что отпечатки в пластинах земли – можно ли считать их картинами «нерукотворными» или, по крайней мере, автопортретами?..

Есть такое выражение: «**история не имеет сослагательного наклонения**». В том смысле, что случилось то, что случилось, а всякие «**что было бы, если...**» – удел фантастов. Добавлю: и эволюция не имеет сослагательного наклонения, и разумные существа на базе динозавров – также удел фантастов.

Но допустим, что Стивен Бакстер в своих рассуждениях прав; так вот, третья моя мечта, которую я считаю совершенно неосуществимой, – это отправиться в прошлое на Машине Времени и взять интервью у орнитолеста.

Как журналисту мне эту мечту не осуществить вовсе. Возможно лишь как писателю-фантасту. То есть в воображении своем. А это плохо: я бы мыслил за орнитолеста, я бы рассуждал за орнитолеста, я бы отвечал за орнитолеста; фактически я брал бы интервью у себя самого, а не у реального разумного динозавра. А на что мне такая подмена? Мне нужны реальные орнитолести! Уверен, с реальными орнитолестами было бы о чем потолковать – сумей я овладеть «языком» этих шустрых охотников, их системой жестов, рычаний, щелканий зубами, шипений, вращений глазами. Мне было бы очень интересно узнать, как можно жить и развиваться без огня, металлургии, машин, без пара и электричества, без расщепления атомного ядра? Возможно ли существование «биологической» цивилизации, или же в ходе развития даже ящеры неминуемо пришли бы к цивилизации технотронной? И дошли бы в конце концов до атомной бомбы и полетов на Луну? А предпочтут они все же не технотронный путь развития – сумели бы вести разумное хозяйствование, сохранить естественный природный баланс, такой, чтобы не перебить прочих ящеров и выжить самим? Да много всяких тем можно было бы обсудить...

Интервью с орнитолестом я назвал бы «**Скажи, брат мой, динозавр...**». А почему бы и нет? Существо из плоти и крови, способное мыслить и основать цивилизацию, я вполне могу воспринимать как старшего брата по разуму. Я же не виноват, что Мать-Природа предпочла сделать «аборт» и зачать и сохранить другое мыслящее существо – **Homo Sapiens!**

Возможно, эта моя мечта может показаться не только дикой, но и совершенно никому не нужной, но лично я так не считаю. Если бы удалось понять принцип совершенно иной цивилизации, построенной не людьми, а разумными динозаврами – мы многое поняли бы и в своей, человеческой цивилизации.

Надеюсь, вы уяснили – глупо спрашивать, не по мне ли звонит «**колокол разделения**»; он точно звонит не по мне. Я никоим образом не устал от общения с людьми; просто мне хочется общаться не только с людьми, а и больше, чем с людьми... И о том, что я почувствовал и понял, рассказать другим.

Впрочем, **новому витрувианскому человеку** все это и вправду совершенно не нужно...

А ведь новый витрувианский человек тоже может разделить участь динозавров, то есть вымереть массово. «Сценарии» гибели человечества в последнее время накопилось великое множество. Одни из этих «сценариев» при ближайшем рассмотрении и выеденного яйца не стоят, к другим следует, пожалуй, присмотреться, а над третьими не мешало бы хорошенъко поразмыслить.

Ну, например, бытует такое мнение: **Апокалипсис** может настать из-за того, что магнитные полюса Земли поменяются местами, как уже случалось в истории нашей планеты неоднократно. При этом может исчезнуть магнитное поле Земли, защищающее нас от жесткого космического излучения, и тогда на планету хлынет поток радиации. Кроме того, мощные тепловые потоки нагреют верхние слои атмосферы и вызовут глобальные изменения климата. Некоторые ученые предполагают, что именно со сменой полюсов, произошедшей в прошлом, связаны гибель мамонтов и всемирный потоп.

Еще одна опасность – пандемия, то есть глобальная эпидемия. Дескать, серьезную угрозу для человечества представляют **инвазивные** виды животных, растений и микроорганизмов («**вторженцы**», иными словами), случайно занесенные человеком в новые для них регионы. На новом месте «вторженцы» успешно адаптируются, начинают размножаться и захватывать новые территории, но в итоге губят местную флору и фауну, поскольку «аборигены» не имеют защиты против «пришлых». Вред может быть нанесен как дикой Природе, так и сельскому хозяйству и даже здоровью людей. Медики неохотно признаются, что причины возникновения свиного и птичьего гриппа так и не выяснены до сих пор, но не исключают, что новые заболевания возникли благодаря «пришлым» с чужих территорий патогенным микроборганизмам.

А геологи опасаются, что может начаться извержение сразу нескольких **супервулканов**, и воздух будет отравлен ядовитыми газами. Говорят, в настоящее время наибольшая опасность массированного извержения исходит от вулканов в Йеллоустонском национальном парке в США и вулкана Ла-Пальма на Канарских островах.

Ну, фантастического в перечисленных «сценариях Апокалипсиса» мало – сплошная физика, геофизика и биология. Однако от других сценариев явно веет фантастикой.

По мнению профессора кибернетики Майкла Дайера из Калифорнийского университета, человечество погубят «умные» машины. Иными словами, рано или поздно либо роботы завоюют Землю, либо люди превратятся в киборгов. Так называемые **«постлюди»** будут наполовину уже компьютерами или вообще полностью перейдут в новый формат – станут существовать, например, в виде цифровой информации, передвигающейся по сверхбыстрым сетям и живущей практически вечно! Но любая система может дать сбой, и тогда...

А по мнению футуролога Рохита Талвара, основателя фирмы **Fast Future Research**, человечество подстерегает смерть из-за эйфории! Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, сегодня почти каждый второй житель Земли «подсажен» на **«психостимуляторы»** – вещества, повышающие активность высших психических функций. В основном это кофеин и никотин, плюс ставшие очень популярными в последнее время энергетические напитки. Рохит Талвар считает, что в будущем появятся и более изощренные способы достижения экстаза – прямая электромагнитная стимуляция мозга, например, или препараты, разработанные специально под «геном» конкретного клиента. И однажды, вполне возможно, наступит такой момент, когда люди уже не смогут жить без «дозы», и человечество постепенно **вымрет** от поражения внутренних органов или оттого, что напрочь утратит способность размножаться...

Что я могу сказать по этому поводу?

Знаете, существуют две полярные точки зрения относительно устойчивости человека и человеческой цивилизации в этой Вселенной. Одни считают, что человеческая цивилизация – вещь крайне хрупкая и достаточно какого-нибудь глобального катаклизма (или нескольких), чтобы человечество либо исчезло без следа, либо же превратилось обратно в то, чем оно, по сути, и является – в сообщество пещерных каннибалов.

Другие, напротив, считают, что человечество в целом очень стационарная система, ее ничем не проймешь, и что бы ни случилось в этом лучшем из миров – Человек Разумный не только сохранится как биологический вид, но и сбережет все свои духовные и культурные ценности... Кто тут прав, кто неправ?

Попробуем рассмотреть перечисленные сценарии.

Начнем с фантастических. Как видим, в этих случаях человек может найти гибель свою исключительно по причине своей же глупости, легкомыслия и скотской невоздержанности. Кому-то все описанные ужастики, может быть, и внове, но только не мне, перечитавшему океан качественной фантастики. Об опасности подобного вырождения давным-давно предупреждали в своих повестях и рассказах, например, и Емцев с Парновым, и братья Стругацкие. В одном случае людям вживляли в мозг, в центр, ведающий наслаждением, электроды, которые можно было включать прямо в сеть. Во втором случае обходилось и вовсе без электродов, на мозг воздействовали так называемой «волной психотехникой» – специальным устройством, вставляемым в обычный радиоприемник (Стругацкие назвали этот психостимулятор «**слегом**»). В обоих вариантах люди, потеряв меру, доводили себя до полного нервного истощения и умирали. Фантастика фантастикой, но подобные опыты еще более полувека назад проводились на лабораторных крысах. Им тоже вживляли в «центр наслаждения» электроды, включать которые можно было нажатием педали, и крысы на эту педаль нажимали беспрерывно, забыв о сне, о еде и о сексе, и погибали от нервного истощения... Наркозависимый человек либо хронический алкоголик по сути своей ничем не отличаются от таких крыс. Так что «гибель от эйфории» теоретически возможна, но – не поголовная. Всегда найдутся люди, которые не поддадутся «электронным наркотикам» или окажутся невосприимчивыми к наркотикам обычным, вот они-то уцелеют и дадут, так сказать, потомство...

Что касается превращения человека в киборга, преобразования Homo Sapiens Sapiens в какого-нибудь **«информационного волновика»** и вообще **«бунта машин»**, то на эту тему в фантастике существует целая литература, а в кино – целая фильмотека. Но я призываю вас рассматривать эту проблему не только сквозь призму голливудских боевиков, но и путем чтения умных книг. Еще несколько десятилетий назад обо всем этом писал польский фантаст Станислав Лем – в таких своих вещах, как «Слоеный пирог», «Сказки роботов» и «Футурологический конгресс». Да, техника широко шагает вперед, и нас неизбежно ждет постепенное «срачивание с машинами» – я думаю даже, что это войдет в моду, и люди будут азартно вращивать в себя всевозможные гаджеты, микрочипы и тому подобное. В том, что массы людей охотно на это пойдут, я даже не сомневаюсь. Я ведь вижу, например, как наши милые дамы повально вживляют себе силиконовые имплантаты, даже в тех случаях, когда этого и не требуется вовсе; да и джентльмены не отстают, вживляют себе что ни попадя... Так что же – конец? Думаю, что нет. Сохранится, я считаю, часть людей, которые наотрез откажутся «срачиваться с машинами» по идеологическим, религиозным или еще каким-нибудь мотивам, а то и просто из чувства **противоречия**, чтобы «не быть как все». Кто при этом выживет в конечном итоге, «киборги» или «натуралы», – я вам сказать не могу, да и вряд ли кто вам скажет. Но кто-нибудь да и выживет. И вообще, вышеперечисленных проблем можно успешно избежать, это вполне в человеческих силах. Другой вопрос – **захочет** ли человек избежать этих опасностей или все-таки захочет «породниться» с роботами и бесконечно «нажимать на педаль», предпочтя искусственное наслаждение естественному?

А что касается физики, геофизики и биологии... Решительно невозможно представить, чтобы одновременно принялись извергаться сразу все вулканы планеты, словно по команде! Нет, вулканы, несомненно, являются грозной силой, способной погубить огромное количество людей и даже заметно изменить земной ландшафт и климат. Но погубить Жизнь целиком – это уж извините...

В середине девятнадцатого века наблюдалась сильная вулканическая активность по всей планете, пиком этой активности стало легендарное извержение вулкана Krakatau на небольшом островке в Индонезии, случившееся 26 апреля 1883-го года.

Грохот извержения был слышен за несколько тысяч километров, а взрывная волна трижды обогнула земной шар! Огромный столб из пепла и газов поднялся на тридцатикилометровую высоту и потом долго еще оседал по всему азиатскому континенту. Поднялась волна цунами высотой с 10-тиэтажный дом. Здания рушились даже в Джакарте, индонезийской столице, за 150 километров от вулкана. О самом островке и говорить нечего – все живое на нем было уничтожено подчистую. Природная стихия взорвалась с силой, равной силе взрыва нескольких десятков водородных бомб! И что же? Через девять месяцев на мертвом острове был обнаружен паук, невозмутимо плетущий паутину – его занесло ветром... Позднее ветер занес на остров споры папоротников и семена растений, и жизнь начала понемногу возрождаться...

Вот смена магнитных полюсов – это да, это серьезно. Но такое уже случалось в истории нашей планеты несколько раз. Жизнь на Земле от этого, тем не менее, не иссякла. Да, вымерли большие группы живых организмов, но на смену им пришли большие группы других живых организмов. Вот только не надо связывать с этим природным явлением факт исчезновения мамонтов! Мамонты погибли совсем по другой причине. Оттого, что пещерный человек смастерили первое «сложное» оружие – копье с кремневым наконечником, научился рыть ямы-ловушки и коллективно забивать попавших в нее зверей каменюками... Таким манером были истреблены не только мамонты, но и все прочие гигантские млекопитающие того времени (так называемая « megaфауна »).

Говоря о современности – четыре года назад в Африке был убит последний так называемый «черный» носорог. И не изменения климата в этом повинны, не мощные вспышки на Солнце, и не грохнувшийся с неба метеорит, а браконьеры с крупнокалиберными ружьями...

Так же я не вижу сколь-нибудь серьезной угрозы в пандемиях. Не то, чтобы я недооцениваю их опасность – просто, во-первых, человечество по мере своего развития приобретает способность справляться с теми или иными заразными болезнями, а, во-вторых, человеческий организм – это сложная, самоорганизующаяся и хорошо защищенная биосистема, способная противостоять любой заразе.

Когда-то чума, оспа, холера были страшным бедствием, в средневековой Европе от чумы, например, начисто вымирали целые города... а кто сегодня помнит о чуме? О холере? Да, время от времени в некоторых странах «третьего мира» вспыхивают эпидемии давно забытых, в прошлом грозных болезней, но при нынешнем уровне медицины и здравоохранения с ними можно справиться без особых затруднений... Кроме того, у разных людей – разная степень иммунитета к той или иной хвори. И кто-нибудь выживет непременно, при любой пандемии. Настоящие опасения у меня вызывают болезнетворные микробы, создаваемые искусственно в секретных лабораториях тех или иных стран с военной целью, а также непрекращающиеся работы по созданию так называемого «этнического» оружия. В чем тут опасность? Человек заплатил за право существования в этом мире очень высокую цену – миллиарды и миллиарды людей вымерли от всевозможных заразных болезней, зато уцелевшие приобрели иммунитет. Организм любого человека содержит набор антител, способных справиться с любыми из известных микроорганизмов; но в лабораториях идет «сборка» микробов, в природе не существующих, и к которым, стало быть, у человека иммунитета нет. Разразись, не дай Бог, война с применением таких вот «сконструированных» бацилл – умрут миллиарды людей, но небольшая часть особо живущих все равно уцелеет, приобретя необходимый иммунитет...

Теперь насчет «вторженцев», то бишь инвазивных растений и животных. Случайный или преднамеренный перенос одних или других видов растений или животных из привычной среды обитания в чужую часто вызывал катастрофические последствия, это да.

Примеров можно привести множество, но ограничимся самыми известными – вспомним, например, как преобразили «лицо» австралийского континента завезенные туда из Европы собаки и кролики, а также кактус-опунция... Но чаще всего никаких особых бедствий при таких «обменах» не происходит. Семена подорожника, прилипшие к сапогам испанских конкистадоров и попавшие таким путем на американский континент, не вызвали особых экологических бедствий. Завезенный из Америки в Европу подсолнух не только не вытеснил местные формы, но и сделался «своим». Да если взять, к примеру, наш Каспий – знаете, сколько в нем «вселенцев» из других морей?! Разумеется, пришлые формы часто теснят «абorigенов» Каспия, не без этого, но до катастрофы тут далеко.

Правда, фантасты описывали угрозу пандемии, вызванной микроорганизмами, занесенными из Космоса (яркий тому пример – роман Майкла Крайтона «Штамм «Андромеда»), но и тут есть шансы уцелеть, если действовать оперативно и грамотно (как это и случилось в романе). А если принять во внимание гипотезу, что ДНК внеземных микробов идентично ДНК микробов земных, то опасность уменьшается во много раз... Кстати же, искусственно сконструированные смертоносные микроорганизмы тоже не выкосят человечество под корень; в романе Стивена Кинга «Противостояние» случайно вырвавшийся из секретной лаборатории вирус-оружие уничтожает все население Америки... кроме двух небольших общин американцев, от природы обладающих мощным иммунитетом.

Так что в любом случае следует надеяться на лучшее.

Но есть еще ряд сценариев Апокалипсиса, которые не оставляют человеку никаких надежд. **«Темная материя», «температурный коллапс», «черная дыра», «ложный вакуум», остановка времени; схлопывание пространства...** Не углубляясь в дебри, скажу лишь: спасенья нет. Ни в настоящее время, ни в сколь-нибудь обозримом будущем человеческая цивилизация не способна (и будет не способна) противопоставить что-либо этим взрывкам Мироздания.

Так что же – все? Совсем все? Совсем-совсем все?

...В 1971-ом году был опубликован рассказ известного советского фантаста А.Л. Колпакова «Нетленный луч». Действие его происходит в очень далеком будущем; человечество умеет очень многое... но даже и это практически всемогущее человечество бессильно перед надвигающейся бедой: к нашей Галактике приближается волна **антиматерии**, превращая в ничто все на своем пути... Некуда даже спастись бегством! И тогда лучшие умы человечества принимают единственно верное и единственное возможное решение. Вся информация о человечестве, а также все до единого люди особым образом кодируются и преобразуются в мощный луч. Этот луч направляется в дальние, «безопасные» области Вселенной, которых миновала аннигиляция. При благоприятном раскладе через миллионы, а может, и через миллиарды лет где-нибудь там, в другом уголке Вселенной, станет возможным уловить этот луч и раскодировать его, возродив таким образом человечество... Кто это сделает? Когда? С какой целью? И случится ли это вообще?

(Любопытно, что здесь мы задаемся теми же вопросами, что и в случае с **пластинками «Пионеров»**: не впустую ли пропадут труды многих землян, «вогнавших» всю информацию о человечестве в луч и пославших его в Космос? Какова вероятность успеха?)

Автор, Колпаков то есть, не дает готовых ответов. Но он все-таки дает надежду.

...Ты слышишь, новый витрувианский человек? Тебе тут дают надежду. Тебе нужна надежда, или тебе все по барабану?

Ты вообще жить-то хочешь? Не существовать, а именно жить?..

Часть пятая МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ЛЕОНАРДО

В восьмидесяти километрах к юго-западу от Баку, в Карадагском районе, расположен Гобустанский национальный историко-художественный заповедник. Недавно он был включен во Всемирное культурное наследие ЮНЕСКО.

Я неоднократно бывал в этом сакральном mestечке. От души предлагаю всем туристам, приезжающим в Азербайджан, посетить заповедник и находящийся на его территории музей.

Сердце заповедника – три горы, возвышающиеся неподалеку от морского побережья. В каменном веке их вершины служили ловушками во время горной охоты, в бронзовом веке вершины стали крепостями. Тринадцать тысяч лет назад – в эпоху, называемую «**мезолитом**», то есть «**среднекаменным веком**», тут обитали люди, разбивали стоянки среди скал; мужчины занимались охотой, женщины собирали съедобные растения и коренья; а позже люди научились рыбачить и строить лодки (море-то рядом, вот оно...). Люди жили, охотились, любили, рожали детей, умирали... радовались и горевали... А в свободные часы украшали камни предгорья рисунками. Так и возникла своеобразная картинная галерея под открытым небом.

Фигурки, фигурки... Мужчины-охотники с луками и стрелами; женщины с гипертрофированными грудями и бедрами, символизирующие продолжение рода; пасущиеся и дерущиеся первобытные быки и туры; пожирающий козу лев; погоня собак за кабаном; табуны лошадей и бегущие олени; антилопы, барсы, свиньи, лисицы... Охотники, несущие добычу, сцены приручения животных; а вот фигурки, выстроившиеся в ряд, исполняют «**Яллы**», ритуальный танец первобытных охотников, танец, впоследствии ставший народным. Лодки с сидящими в них людьми, простые лодки и лодки под парусами, и даже «**солнечные ладьи**», несущие на носу свое стилизованное изображение Солнца... В музее можно полюбоваться орудиями труда и охоты древних людей, глиняными сосудами, всякие украшениями, костяными гарпунами для охоты на рыб, зернотерками...

Но речь сейчас пойдет именно о наскальных рисунках-Петроглифах, поскольку на многих из них изображен человек. Или люди. Большой частью люди, групповые, можно сказать, портреты; наши отдаленные предки старались кучковаться, так легче было выжить.

Подолгу стоя перед наскальными изображениями, я пытался представить себя на месте гобустанского мезолитического человека. Вот он, насытившийся после удачной охоты, он, душа которого настойчиво просит чего-то еще, чего-то неясного, выходящего за рамки повседневных забот и привычных представлений, чего-то еще, кроме еды, сна и близости с женщиной... И этот первобытный Леонардо берет **грубое** каменное зубило и примитивный каменный молоток и высекает на скале фигуру человека. А потом – фигуры своих соплеменников. И фигуру бегущей антилопы с крутыми рогами, и кабана, и грозного быка... А потом тщательно закрашивает выбитые линии охрой... Зачем он все это делает? Чтобы заклясть животных, наколдовать добрую охоту? Или из необъяснимого желания запечатлеть картины окружающего мира? Или вообще с целью стать творцом чего-то, пусть даже выбитых в камне зверей и людей? Непонятно... Но он делает это, первобытный Леонардо...

Пройдут тысячи, десятки тысяч лет, большинство рисунков выветрится, смется ливнями, отколется; но какая-то часть изображений все же сохранится, чтобы отдаленные потомки могли смотреть на них и думать о своих предках. О своих корнях...

Взгляните на рисунок первобытного художника.

Не надо смеяться над тем, как он изобразил себя или своего друга – с микроскопической головкой и тонюсенькими ручками, зато с мощными ногами и солидным признаком пола (не стручок какой-нибудь)... Что там у него в руке – лук? И пара стрел, зажатых под мышкой? Да крутогорий олень по соседству...

Я вспомнил, как оппоненты Сагана, критикуя рисунок-послание, придрались, например, к **стрелке**, показывающей траекторию полета «Пионера»; с другой стороны, в их критике содержится доля истины: стрелка, стрела, понятный любому землянину символ охоты и указания направления... но для обществ с другим культурным наследием этот символ может оказаться бессодержательным. Как бы то ни было, Карл Саган схематически изобразил на металлической пластинке (помимо голеньких мужчины и женщины) атомы водорода, Солнечную Систему, пульсары, контуры аппарата «Пионер», – мир человека цивилизованного, человека второй половины XX столетия. Ойкумена же мезолитического человека была довольно скучна на образы – он сам, его соплеменники (тоже голенькие), окружавшие их звери и всякие приспособления для того, чтобы это зверье добыть...

Взгляните еще раз на смешную тонкорукую и толстоногую человеческую фигуру: примитивизм никоим образом не приносит значимость петроглифа; я бы сказал даже: вот он, своеобразный предтеча **«вибропианского человека»** Леонардо да Винчи, рисунок, который, возможно, служил для первобытного художника мерой всех вещей! Ну а как же иначе? Ведь человек-то мог изобразить на скале и себя самого, и козлов с оленями – в отличие от козлов и оленей, которые не способны были нарисовать ни себя самих, ни человека... Ну и что, скажете вы, – может, и козлы могли бы рисовать на камне, будь у них человеческие пальчики, а не крепкие копыта... вон, скажете вы, шимпанзе рисует некие подобия картин, и даже слон мазюкает по холсту кистью, зажатой в хоботе, и их «рисунки» потом **продаются** за большие деньги... Это так, соглашусь я, но! Современным шимпанзе и слону кисть, краски и холст дает человек; кроме того, современным слону и шимпанзе есть у кого подсмотреть, как надо рисовать; а кто надоумил гобустанского художника, кому он мог подражать? Да никому!

Сам, он ко всему пришел сам... Но зачем ему понадобилось это художество?

Карл Саган нарисовал картинку-послание, адресованную гипотетическим инопланетянам. Послание от Земли – звездам.

Вряд ли гобустанский мезолитический человек, выбивая на скале контуры людей и животных, думал, что он создает некое послание; он просто рисовал, и все,

это ему нравилось. Но получилось именно послание! Послание, адресованное потомкам. От Земли – Земле. Земле будущего. Нам...

Боже мой, как далеко отстоит смартфон от первобытного лука и стрел – целых десять тысяч лет! Между двумя этими артефактами – **история человечества...**

...Размещаю эти три рисунка рядом, прикрепив к стене: «новый витрувианский человек» – картинка с «Пионера» – изображение первобытного охотника.... Смотрю на них слева направо. Потом справа налево. Потом опять слева направо. Потом опять справа налево... Где начало, где конец? Где, как изрек незабвенный Козьма Прутков, начало того конца, которым оканчивается начало? Какой **вывод** можно сделать из последовательного созерцания рисунков?

Выделившись из дикой Природы, человек осознал себя. Осознал до такой степени, что назначил себя мерой всех вещей, потом размахнулся и зашвырнул в Космос две автоматические станции с «визитной карточкой» человеческой цивилизации. А потом взял да и ушел в себя – втягивая дым марихуаны, работягно склонившись над смартфоном, отгородившись от реального мира очками виртуальной реальности... А то немногое от человека, что еще осталось в реальности, находит утешение в спорте («зрелищ!!!»), озабочено феминистками и готово **прикола ради** дать изменить свой геном...

Это что – тупик? Финита ля Божественная комедия?

Человек одолел Природу и создал вторую природу, а вторая природа одолела человека, мстя ему за первую?

И стоило в свое время драться со львами и покорять быков, строить лодки и разрисовывать скалы, – чтобы в конце концов скатиться в отчужденность от остальных людей, от всего мира?

По-моему, стоило. Стоило и драться, и покорять, и плыть, и рисовать, и размышлять... Да и сейчас стоит драться, покорять, плыть, рисовать, думать. Ибо, как уже говорилось: «каждый должен возделывать свой сад». Несмотря ни на что и без оглядки на других.

P.S. Да, вот еще что... В первоначальной версии рисунка-послания голые мужчина и женщина держались за руки, но Карл Саган вовремя сообразил, что инопланетяне, чего доброго, воспримут это как изображение одного живого существа... Что ж, и такое могло случиться – почему бы и нет?.. Кто их разберет, инопланетян-то?

(Баку, закончено в августе 2019)

P.S.S. Любое поколение *мнит себя полным хозяином жизни*, тогда как оно не более, чем звено в длинной логической цепи. Не одни мы создаем наши навыки, мозг и руки... Прошлое неотступно следует за нами по пятам, уйти от него еще трудней, чем улететь с планеты... Только красивые съедобные рыбки да разные нарядные мотыльки избавлены от мучительного чувства прошлого, и не надо, не надо, чтобы человеческое общество достигло когда-нибудь этого идеала... (**Леонид Леонов**)

НАШИ ГОСТИ

Новые переводы с финского Таиры Джадаровой

САУЛИ НИНИСТЁ

РАСКАЗЫ

Бегун

Кип был в хорошей форме, когда прибыл в аэропорт Осло. Несмотря на долгий полет из Кении, чуткие его мышцы ничуть не онемели. Само собой разумеется, что на стадионе Биследт завтра будет круто, забеги на скоростях мировых рекордов, и что он на какое-то время окажется в центре внимания, на него устремятся миллионы глаз.

Кип – профессиональный бегун. Этот выбор был ясен с детства, собственно, с самого рождения, во всяком случае, его родителям. Отсюда и имя Кип, в честь легендарного Кипчоге Кейно, того, который в 1960-м пробежал через всю Кению.

Профессия бегуна в Кении была путем к повышению своего социального статуса и благополучию, к чему Кип стремился во всю прыть.

Уже одна дорога в школу оказывалась серьезным делом продвижения к цели: туда и обратно набиралось десять километров ежедневной тренировочной прогулки. Ее Кип проделывал один, бежал легко и быстро, и благодаря этому у него выработался ровный беговой ритм на большой скорости.

Дополнительно была еще школа бегунов, где сразу взяли на заметку талант Кипа и определили его на особый тренировочный режим. А там научили, что те времена, когда бегун из Кении начинал движение на полной скорости и двигался всю дистанцию в своем ритме, пока не заглохнет, уже прошли. Дисциплина – вот главное, что он усвоил из учебы.

«Сдерживай свое желание бежать, чтобы нажать в конце!» – это крепко вбили в сознание Кипа.

И успех пришел, он попал в число лучших в лиге юниоров, и его будущее представлялось блестящим. Повзрослев, Кип прославился тем, что всегда держался на хорошей скорости, а чаще даже на ее пике, и его рекорды были высшего класса. Но как бегуна его беспокоил один недостаток: он не владел, как следует, искусством смены ритма. В то время, как другие ускоряли бег ближе к финишу, Кип продолжал бежать примерно на той же скорости, и потому, верно, не всегда достигал высшего результата. В особенности слабым он считался в тактике бега.

Многие удивлялись, как это так, он показывает хорошее время, когда бежит один, но в соревнованиях у него так мало побед. Кип и сам удивлялся, часто ему хотелось бежать быстрее, но ведь внушенная ему неоспоримая мудрость состояла в том, что в групповых забегах надо бежать дисциплинированно, держаться вместе с другими и следовать их ритму.

И в то время, как многие молодые спортсмены Кении быстро достигали повышения социального благополучия, ему оставалось довольствоваться пятым местом в чемпионате страны, а до чемпионатов мира и Олимпийских игр он так и не добрался.

К счастью, были еще эти соревнования на Кубок мира, в них он участвовал уже несколько лет и благодаря этому все же несколько преуспел в повышении уровня жизни своей семьи.

Теперешние старты в Осло были последними в этом сезоне, затем начинался длинный период зимних тренировок. Год от года это требовало все большей силы воли – тренировки изо дня в день, но до попадания в сборную страны к началу больших игр все еще было далеко.

Итак, ко времени этого приезда в Осло ситуация сложилась такая: Кип совершил неисчислимое количество хороших забегов, но главный успех так и не пришел. Да и в Осло никто от него этого не ждал.

Тем не менее, Кип осознавал, что он делает свою работу достойно, упрекать его не в чем. Так, наверное, считали и все другие.

Забеги, особенно на дистанции 1500 метров, должны были стать сверхтрудными.

Здесь собирались лучшие спортсмены мира, и ожидалось, что будет поставлен новый мировой рекорд. В качестве стимула премию победителя увеличили в два раза, и в случае победы у него долго не было бы нужды в деньгах.

Имелись и соображения престижа: команде Кении надо показать всем парням из Северной Африки: знай, мол, наших.

Имелись и прочие нюансы: тут было несколько звезд из Кении, сменивших страну проживания, поскольку им не нашлось места в родной сборной. Это вызывало некоторые трения.

Ну, и прямо нужно сказать, что обстановку накалили впечатления от предыдущих соревнований на Кубок мира двухнедельной давности: уже в дороге послышались пререкания. Номера не забудем, как принято говорить в хоккее.

К вечеру потемнело, и начало холодать, когда наступило время забега на 1500 метров. В принципе, это устраивало Кипа, он любил прохладу, от которой страдали более теплолюбивые бегуны, чем он.

При построении на старте создалась свалка. Там и сям чей-то локоть пытался занять побольше места, чем требовалось, и атмосфера настолько накалилась, что как только раздался выстрел стартера, казалось, потускнели огоньки вдоль беговых дорожек.

Кип рванулся и пошел впереди, как и следовало ожидать. Какое-то время ему мерещилось, что все бегущие сзади замерли на месте и только потом выстроились следом за ним. Он сразу оторвался на несколько метров, и никто из спортсменов не ринулся его догонять.

– Стартовал слишком круто, – послышался голос среди тренеров, выжидательно застывших у старта.

– И это не в первый раз! – фыркнул кто-то другой.

Когда Кип подбегал к отметке первого круга, он был на десять метров впереди других. Сам он этого отрыва не замечал. У него не было привычки оглядываться на бегущих сзади. К своей досаде он заметил, что табло Бислетта, показывавшее время на дистанции, не горело, и о своем промежуточном результате нужно было догадываться самому. Но бежалось сегодня ему легко. После того, как он прошел 600 метров, зрители бурно продемонстрировали ему свою симпатию, были оживлены, и наверняка это значило, что шансы на рекорд сегодня у него высокие. Трибуны бурно приветствовали его, когда он вышел на первую дорожку второго круга. Кип не стал зацикливаться на этой мысли, продолжая бежать, как бежалось. Начал завершаться второй круг, и, значит, приближался решающий момент в судьбе Кипа. Установка была такой: пройти два полных круга забега не более, чем за 55 секунд каждый, и это уже открывало дорогу к финишу с мировым рекордом.

Но тут надо заметить, что Кип и на этот раз бежал не с основной группой, а был для нее настигаемым погоней зайцем. Два круга – и уже положение за его спиной стало изменяться. Еще немного, еще вот-вот, и его отбросит в сторону, в этом с давних пор и заключалась его роль впереди бегущего.

Послышалось указание: «Можешь продолжать, но сойдешь с дорожки, как только услышишь, что за тобой пыхтит догоняющий».

Так с Кипом прежде и случалось. Если не можешь побеждать в соревновании, не понимаешь тактики бега, а лишь умеешь держать скорость, ты – прирожденный заяц. Это был суровый приговор, но ничем тут не поможешь, остается смириться. Порой ему было очень обидно выходить из игры в то время, как он ощущал себя в хорошей форме.

Но сейчас ничьего пыхтения за спиной не слышалось. Кип был в таком неутомимо бодром состоянии, что пробежал два круга на много секунд раньше намеченного времени. Это ему самому стало ясно до того, как световое табло вновь включилось. Так и прежде случалось пару раз, когда он начинал на слишком большой скорости, промелькнуло в его сознании. Причем, в последний раз его чуть не сняли с соревнований. «Побегу теперь в том же темпе дальше, пока еще в форме, да и остальные получат больше тяги. Может это немного сгладит мою ошибку», – подумал он.

А позади творилось нечто странное. Рвущиеся к победе звездные бегуны сразу заметили, что опережающий их заяц на этот раз держится слишком круто и пока не стоит следовать его темпу. Началась тактическая игра среди догоняющей группы: никто в ней не захотел занять внезапно освободившееся место претендента на победу, никто не хотел рассекать воздух для соперников, как это делает птичий вожак, летящий во главе клина. Несколько попыток среди преследователей вырваться вперед на первом круге превратились на втором круге в легкую стычку острых локтей, а такое, как известно, быстро не кончается.

Лишь очутившись перед очень бурно реагирующей публикой, Кип заволновался и оглянулся назад. По крайней мере, сорок метров отделяло его от остальной группы. Мелькнула мысль: «Это мой конец, сейчас настигнут, верное дело». Однако указание было таким: «Сойдешь с дорожки, как услышишь пыхтение сзади». Но пыхтения все еще не слышалось. К тому же если отскочить в сторону, когда бежишь один, это будет выглядеть совсем по-дураски. «А если я продолжу так, чтобы они догнали меня, тогда смогу незаметно слинуть». Но снижение скорости не помогло. Сзади началась почти рукопашная. И Кип, двигаясь по дуге, выскочил на финишную прямую. Ну что ж, на полповорота впереди всех. И теперь я проделаю последний отрезок сквозь строй, решил Кип, приосанился, вновь увеличил скорость и взял курс на двери в раздевалку, находившиеся в конце финишной прямой. «Исчезну таким путем со стадиона и избавлюсь от тренерской ругани», – подумал он.

Все как будто уже позабыли о неудачливом догоняющем зайце. Публика загорелось интересом к настоящему бегу, разочарование в связи с намечавшимся было провалом рекорда начало сменяться азартом ожидания результатов финиша. Впереди еще более ожесточенный последний круг!

Где-то у края известковой разметки Кип еще издалека заметил гневные, ожидаю недобрые жесты тренера, мол, прочь оттуда. Но ситуацию разрешил хронометрист. Он следил, как бежит Кип с безразличным видом, держа руки на бедрах, и вовсе не собирался давать сигнал на последнем круге возле Кипа. Бегуны ведь еще бегут.

И тут в Кипа вселился бес. Так, заяц, значит, все себе бежит, ну и что судейскому звонарю до этого. А что, если заяц сделает неожиданный выкрутас? Они от меня отстают на 6-7 секунд и, конечно, не обращают на зайца внимания, ведь его уже не должно быть на беговой дорожке. Вряд ли они начнут спуртовать раньше, чем за 300 метров до финиша, а у меня тогда было бы меньше 250 метров. Пусть это будет мой последний забег, но человек не предназначен для вечной заячьей роли. И все равно, это моя последняя дистанция в любом случае. Лучше недолго послушать ругань, чем раскаиваться весь век.

И он решился: «Я пробегу этот забег до конца по-своему. Теперь все зависит от того, когда они осознают, стараясь переиграть друг друга, что этот заяц бежит всерьез. Естественно, что, когда он уступает, награда приходит на счет и победителю, и зайцу. Теперь награда тоже придет, если придет, но побольше, чем прежде. Зарплаты у зайца не особенно хорошие. Участок, пусть небольшой, и недалеко от родной деревни, хотелось бы, наконец, прикупить. Там я бы обучал сына бегу и внушил ему главное: никакой дисциплины на дистанции! Беги настолько быстро, насколько можешь, – так бы я его учил».

Последняя прямая, и тут начинает чувствоваться стартовая скорость. Публика уже понимает, что в забеге опять новый поворот и, ко всему, прежде неслыханный. А взаправду ли этот бегущий впереди спортсмен – заяц? Сначала слышится несколько вскриков «вау», но затем юмор и неожиданность ситуации становятся очевидными, и весь стадион разражается бурными аплодисментами.

Он оглянулся: ну да, они пробежали за ним до цели еще 200 метров. Подсту-пает неожиданное ощущение боли, какой не будет чувствоваться на террасе свежим вечером. Боль от молочной кислоты в мышцах. Нет, такой не будет на тренировках с сыном. Дыхание его становится прерывистым. Что ж, этого больше не будет с ним никогда. Здесь уже стемнело, но в его стране в это время светит солнце.

Шаг Кипа и его мысли словно бы укорачиваются. И кажется, что он не замечает, как миновал линию финиша на метр раньше соперника, и продолжает бежать, все более укорачивая шаг и бормоча какие-то слова.

Формальная церемония награждения так и не состоялась, потому что победителя нигде не смогли найти. Но в городе говорили о мужчине в спортивном костюме, который, не спеша, держал путь от стадиона в сторону отелей и при этом безумно хотят и выглядел совершенно свободным.

Негромкий военный клич

Зачем я здесь стою, из часа в час, изо дня в день, год за годом? Этого Хенрик-сон никогда у себя не спрашивал. Да и никто другой об этом у Хенрикsona не спрашивал, ибо редко кто его обычно замечал, а если даже и замечал, то не настолько, чтобы назавтра вспомнить его лицо. Но Хенрикsona это устраивало. Ни сам он никого ни о чем не спрашивал, ни другие его. Он давно понял: его место именно здесь, среди людей, а о делах не надо ни расспрашивать, ни рассказывать.

И этот день был для Хенрикsona таким же, как любой другой, столь же значи-тельный. Если что-то и отличалось, то это было вызванное усталостью небольшое чувство тяжести, но, несмотря на это, Хенрикson знал, что исполнит свой долг и се-годня. Часы пробили 10, это был сигнал.

Дверь в универмаг Стокмана отворилась, и Хенрикson в потоке других ожи-давших переместился внутрь.

Те, другие, спешили по делам, за какими-то покупками, в разные отделы. Хен-рикson знал, что у него будет время расположиться, что этим утренним посетителям из-за спешки будет не до него. Наконец все как следует. Хенрикson занял привычное место, несколько в стороне, но и немножко на виду, так, чтобы торопливый посети-тель смог его заметить, если б захотел, а при желании и не заметить, проскочить мимо. Его миссия не ставила целью испытывать чью либо совесть. Еще один послед-ний штрих – поправить эполеты униформы. Костюм может быть потускневшим, но все-таки должен отличаться. Униформа Армии спасения делала из него часть орга-низации, его личность в ее футляре чувствовала себя в укрытии, под защитой. Это очень устраивало Хенрикsona, который по натуре всегда был стеснительным и не мог даже вообразить, что представляет только самого себя.

А в униформе он готов был беседовать с кем угодно и о каких угодно важных и сложных делах, если кто-то вдруг жаждал такой беседы. И не стоит ошибаться в этом отношении, униформа не подчеркивала чувство собственного достоинства Хенрикссона, наоборот, она делала его доступней для желавших поговорить с ним. Костюм был символом его служения. Всегда находился кто-нибудь, жаждавший побеседовать, но чаще всего диалог ограничивался обменом словами вежливости: «пожалуйста», «спасибо».

Хенрикссон с годами приобрел привычку благодарить дважды.

Первое «спасибо» было кратким, оно произносилось при взгляде на ящик для пожертвований и на протянутую руку дарителя. Но после того, как монеты прозвезли, Хенрикссон поднимал глаза и нежно произносил второе «спасибо», как бы благословляя жертву. Двойное «спасибо» родилось как бы само собой: сначала поблагодарить от себя, а затем словно бы от того, которому это подаяние предназначено помочь.

Хенрикссон вступил в Армию спасения в двадцать лет, и вот уже скоро позади сорок пять лет его бескорыстного служения. И он не считал это каким-то значительным достижением. Служение сделалось его жизнью и без него не было бы у него и жизни. Многие, наверно, благодарны судьбе, но что касается Хенрикссона, это значило, что он благодарен судьбе за то, что получил возможность служить так долго. То, что он примкнул к этой армии, многие полагали лишь случайностью, но сам-то он был убежден, что это его жизненное предназначение.

В ту пору Хенрикссона призвали в армию, на воинскую службу, как и других его ровесников. Само собой ясно – он был готов защищать родину и особенно не раздумывал об этом до самого призыва. А тут вдруг возникло где-то внутри какое-то странное чувство. Он вдруг обнаружил, что находится в тяжелых раздумьях над очевидным вопросом: гожусь ли я на то, чтобы убивать других людей, и если да, то по какой причине, по какому праву? Ну, пойду я в армию, знаю, что это мой долг, а я всегда выполняю свои обязанности. Но как я могу быть достойным воином и гражданином, если чувствую сомнения?

Молодой Хенрикссон оказался на распутье. Почему именно сейчас надо решаться, нет, чтобы пожить еще год-другой без раздумий... Напряжение росло.

Хенрикссон прежде никогда не читал этого. К домашней двери и раньше приходили скромные разносчики газет, он перекидывался с ними несколькими словами, получал очередные издания, просматривал.

Но на сей раз вышло по-другому. Хенрикссону попалась газета «Военный клич», на первой странице которой бросился в глаза мучивший его вопрос. Там же нашелся и ответ: все в его собственных руках и зависит лишь от него. Если чувство ответственности сильнее, чем его сомнения – надо подчиниться чувству. С этим убеждением он и пошел в армию, но после того решил примкнуть к Армии спасения. И не из-за одной только тяжелой строевой службы: после того, как он прочитал газету от начала до конца, ее благая весть застяла в нем. Первые годы службы нужно было многому научиться, к тому же привыкнуть не придавать слишком большого значения тому, что думают о его службе другие. Его сверстники остегались быть не такими, как все, опасались сделаться предметом насмешек. Но в представлении Хенрикссона эта опасность скоро стала восприниматься по-иному, как бы повернувшись другой стороной: насмешки не оскорбляли, а вызывали сочувствие к тем, кто из-за него мог нравственно опуститься до того, чтобы заниматься оскорблением, а значит, поступать неправильно.

На работе, на складе, его вначале чуждались. Но постепенно сложилось так, что с ним начали вести с глазу на глаз разговоры, и часто – на серьезные личные темы. Даже у беззаботных товарищей имелись свои проблемы, и Хенрикссон всегда готов был их выслушивать.

Работа на складе сразу показалась ему весьма подходящей. Хотя Хенриксон закончил магистратуру, он не хотел идти на такое место, где требовалось и после окончания рабочего дня думать о работе. Затем настало время службы в Армии спасения, и он сосредоточился на ней.

Желание посвятить себя делу полностью со временем победило. После того, как Хенриксон прошел офицерскую школу движения, он остался на службе на долгие уже годы.

Сегодня сбор в ящике будет небольшим, это Хенриксон знал заранее. Посетителей в магазине было столько же, сколько обычно, однако входящие в эти двери не станут задерживать на нем внимания. А если и сочувственно кивнут, то тут же заявят, что уже пожертвовали стоящему перед входом.

Сегодня был всеобщий день сбора пожертвований, и по улице энергично расхаживали сборщики, и в такт шагам позванивали ящиками с мелочью. Среди сборщиков было и несколько известных людей. «Все игровые автоматы опустошили», – думал он и изумлялся неожиданности своих мыслей. Как-то это выражение застряло в его голове еще со времен Мауно Койвисто: опустошить автомат.

В молодости Хенриксон иногда ловил себя на том, что его удручало, что сборщики денег охотно давали интервью после того, как всего лишь несколько часов отдали поприщу помочи неимущим. Но уже тогда он стал решительно отбрасывать подобные недобрые чувства и давным-давно объяснил себе все наилучшим образом: «Конечно, и эти люди армии нужны. Они делают как можно значительней и представительней то, что я делаю как можно скромнее. Все мы ищем хорошее в человеке». Таков был итог сомнений и раздумий Хенрикsona.

Особенно обрадовался он, заметив, что на улице стали появляться молодые сборщики от самых различных общественных организаций. Они по своей инициативе заводили беседы с прохожими, рекламировали дело благотворительности, пропагандировали глобальные проекты борьбы с бедностью. Методы и цели у них могли быть различными, но это не раздражало Хенрикsona.

Хорошо, что и молодые чувствуют ответственность, думал он, хотя его и озабочивало то, что в то время, как существует немало организаций и движений, которые проводят важную работу служения неимущим, и в них действует несчетное число людей, чувствуется, что именно в последние годы они начали слишком напоказ соревноваться в сборе денег на благотворительность.

Конкуренция, как боялся Хенриксон, неизбежно принесет прибыль, это вам не рыночное хозяйство. Может быть, даже наоборот, эта навязчивость начнет отталкивать благотворителей. Если на каждом углу друг против друга будут стоять люди с ящиками для пожертвований, то скоро им придется разойтись в разные стороны. Таким был ход мыслей Хенрикsona.

И все же, считал он, тут важно не количество собранных денег, а единение. Поэтому-то и хороша униформа. Те, которые их не замечают, все-таки заметят. Миссия моя сугубо деликатная: стою в сторонке, не выкидываю никаких номеров, не говоря уже о том, чтобы приставать к проходящим, но сама моя униформа оставляет даже в спешащих мимо важный сигнал. В их подсознании застrevает мысль, что существуют и такие люди, которые дорожат своими близкими, думают о них. Людям надо дорожить друг другом. По многим я вижу, что они замечают меня, а во мне они также видят и мое дело.

Эти мысли внезапно привели его к кажущемуся парадоксальным выводу. Хенриксон стал со временем считать самыми главными в своем деле такие моменты, когда его как бы не замечают.

Именно этим не замечающим его людям он хотел бы больше поведать о своей работе. «Скрытая весть обращена к подсознанию», – вспоминал Хенриксон слова какого-то пиарщика. Этим я и занимаюсь.

Поначалу он больше всего любил время Рождества, его предпраздничные дни. И то, как рождественские котелки наполнялись с приходом людей, часто издалека, специально приносящих подарки. Возле рождественского котелка со многими можно познакомиться. У некоторых в обычай приходить ежедневно, а есть и такие, что приходят и по нескольку раз в день.

Педантичный чиновник ходит и летом, и зимой на работу и с работы точь-вточью по тому же маршруту, и когда рождественский котелок попадается прямо на его пути, ни разу не было, чтобы, проходя, он не достал из кармана мелочь.

А одна пожилая дама перед каждым Рождеством приходит принести денежную лепту всегда в одно и то же место и в одно и то же время. Она держится почтенно и в то же время стеснительно. По ней видно, что она всегда дает полусотенную купюру. И купюра ее точно сложена именно для того, чтобы сунуть ее незаметно. Когда в стране отказались от марки, у госпожи в руках также была купюра в 50, но теперь евро, и она также канула в котелке. Это был большой по тем временам подарок, и к тому же от человека, у которого гарантированно не было излишка средств. Хенриксон тогда почувствовал, что сейчас надо вмешаться, и устремился вслед за ней.

«Я знаю, что это евро, но если тот, кто всегда получал мои пятьдесят марок, не знает про евро, то будет обманут в ожиданиях», – спокойно объяснила дама, уверяя, что она справится, всего лишь на этот раз не купит рождественской елки. И только после длительной беседы Хенриксону удалось ее убедить, что и 10 евро обрадуют получателя не меньше, чем полусотня. Наконец ему удалось вернуть dame две купюры по 20 евро из собственных денег. Но они теперь будут вычтены из расходов на Рождество самого Хенрикссона.

Вот там идет министр, заметил Хенриксон, оторвавшись от своих мыслей. Я встречал его здесь время от времени, чаще всего в табачном отделе. Он и теперь, кажется, там был, и даже еще не положил пачку в карман, а сразу стал вскрывать ее, спеша к выходу. Он из тех, которые, я знаю, должны меня замечать. И важно, что я запечатлелся в его памяти. Может быть, это еще отзовется в нем.

В сущности, Хенрикссона не трогало, какое положение занимает примеченный им человек – все просто люди.

Да, министр занимает важное положение в обществе. Этого он добивался, достиг, но не выглядит особенно довольным. По его мнению, надо спасать экономику страны. Я же стараюсь спасти людей. Хенриксон запретил себе продолжать это рассуждение, так как знал, что за ним последует вывод: я спасаю людей, а не экономику, что важнее. Но так нельзя думать.

Не мое это дело: сравнивать, чья работа важнее, чье положение. Мне довольно того, что мое – необходимо в этой жизни. То бишь, мое дело, а не положение.

Это Хенриксон вынужден был годы тому назад объяснять знакомым, которые прослушали, что его называют майором Армии спасения, и хотели поздравить с этим. «Наверное, в том была и доля насмешки, но я на это не реагировал», – думал он. И положение майора не влияло на то, что Хенриксон хотел оставаться на поле именно этой «работы самаритян», как называли социальную службу. Гораздо сложнее было беседовать с бизнесменом, женившимся на его родственнице. У того было непоколебимое убеждение, что Хенриксон считает себя лучше других из-за того, что занимается актами милосердия. Вдобавок ко всему, он утверждал, что работа эта по-своему эгоистична: если бизнесмена всего лишь греют деньги, то Хенриксон явно претендует на нимб святого. Так обычно шла их перепалка.

Хенриксон становился безоружен, когда у него начинали допытываться, какую все же выгоду он получает от работы. Он никогда не думал об этом, настолько все для него было очевидным.

«Ничего такого, к чему ты стремишься», – отвечал он, но это бизнесмена не убеждало, и тот начинал талдычить о неявных, скрытых мотивах.

«Награда – в это я, конечно, верю. Но не в земной жизни. Здесь она нам не предназначена.

Настоящая награда приходит после. Но ее ли получение настоящий мотив? Все же нет. Если верить в воздаяние, то должна быть и вера, а вера сама по себе – со-кровище, которым надо дорожить. То есть, я верю и дорожу верой, поэтому я делаю эту работу, это моя опора и отправная точка, а воздаяние придет потом. У моей деятельности нет ясно очерченного мотива, это как бы следствие моих убеждений».

Этого вывода Хенриксон не произносил вслух, а довольствовался в конце концов тем, что говорил бизнесмену всегда одно и тоже: «Буду молиться и о твоем спасении».

Вот со стороны отдела косметики идет молодая дама, по-видимому, со своей знакомой.

«Выглядят веселыми, – думает Хенриксон. – Знаю эту даму, хорошо, что она улыбается, ей живется нелегко, и приходится время от времени обращаться в комнату Хедвига. Там мы поддерживаем ставших жертвами семейного насилия. Надо сейчас отвести от нее взгляд и быть понезаметнее. Из деликатности, ибо один лишь вид нашей униформы может ей напомнить о тяжелых обстоятельствах... Все обошлось, – обрадовался Хенриксон, – если даже она и заметила меня, то все-таки не утратила хорошего настроения. А вдруг мой костюм напомнил ей о том, что кто-то всегда готов помочь ей».

В то же время Хенриксон чувствовал, как тяжкое утреннее состояние снова напомнило о себе. Даже послеобеденный отдых не помог избавиться от недомогания. В его ящики сегодня не набралось обычно собираемой суммы, хотя общественные сборщики уже давно ушли. Но не это самое главное. И нынешнее задание все-таки выполнено.

«В понедельник я пойду на раздачу хлеба, давно на ней не был. Туда приходят те, у которых совсем большая беда. Многие из них стали хорошими знакомыми, беседа им помогает, и я делаю это с удовольствием. Увидим, все ли мои знакомцы на месте, было бы приятно их снова встретить», – подумал Хенриксон, и тут же решил, что лучше было бы их больше не встречать, ибо это значило бы, что их беды миновали.

Вечером, перед сном, мысли всегда возвращаются к прошедшему дню.

Один мужчина сегодня остановился спросить у него о названиях, употребляющихся в их движении. Почему армия, военный клич, звание майор и так далее, слишком уж по-военному это звучит для организации вспомоществования.

Эти любопытные вопросы он слышал не в первый раз. И давно уже привык отвечать стихотворной цитатой, строками основателя движения Уильяма Бута:

*До тех пор, пока женщины плачут, как сегодня, –
ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ,*

*До тех пор, пока дети голодают, как сегодня, –
ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ...*

И Хенриксон перед сном начал незаметно для себя вполголоса повторять эти строки, свой военный клич. А утром Хенриксон больше не проснулся. Но у него самого наверняка не возникло никаких возражений. Он был только благодарен за то, что смог прослужить более сорока лет, сражаясь.

ЮРКИ ИХАЛАЙНЕН

Юрки Ихалайнен (род. в 1957) – известный финский писатель, поэт, переводчик и издатель. Критика называет его одним из самых «пленительных» представителей современной финской лирики, а кроме того, поэтом-полилингвистом глобального звучания, поскольку он пишет на нескольких языках, обращаясь к финнам по-фински, к датчанам по-датски, к шведам по-шведски, и к англоязычным по-английски. Ихалайнен – автор 36 сборников стихов и 4-х поэтических дисков, 12 научных и 15 переводных книг. Он также организатор и участник 18 фестивалей поэзии Анникки, проходящих с 2003 года. Юрки Ихалайнен дал сотни поэтических выступлений в Финляндии и в других странах. Живя в Сиуро, поэт вроде бы находился в стороне от литературного мейнстрима, и тем не менее был увенчан самой престижной национальной премией им. Эйно Лейно (в 2010 г.). Есть у него заслуга и перед азербайджанской литературой, поскольку Ихалайнен выступил издателем недавно вышедшей антологии азербайджанской женской поэзии, подготовленной Таирой Джагаровой.

1. Разнопарные люди

Расскажу вам о разнопарных людях,
с раннего утра слоняющихся
с пепельно-серыми лицами,
с тусклыми после таблеток кортизона глазами,
о настырных людях, у которых рубашки в синюю морскую полоску,
об упрямых, как смотанный туго клубок, людях,
которые появляются незваные,
возникают в разных углах гостиной,
беспарные, как носки, найденные в стиральной машине.
Расскажу о людях, чьи пары вечно мотаются в турпоездках
или бесследно канули в ночном Каллио¹
о беспарных людях, танцующих в одиночку в продутых туннелях,
тогда как верные пары
покачиваются на танцевальной палубе парохода, идущего в Таллин.

И еще расскажу о враждующих людях,
которые с плакатами выстраиваются
в длинную шеренгу на широком мосту демонстрацией протesta,
и о тех, что встают на противоположной стороне того же моста
антидемонстрацией, протестуя против протesta,
выкрикивая ругательства, слоганы,
где между ними молча застыли полицейские наряды,
словно это их мало интересует,
и щелканье селфи, как свистящие в воздухе кирпичи,
и горит подожженный мусорный контейнер магазина ЛИДЛ.
После этого спектакля все отправляются пить пиво в разные бары,
объявляют однодневную рабочую неделю для коренных финнов
и шестидневную для мигрантов,

¹ Каллио – район Хельсинки, излюбленный студенчеством и богемой.

**вдумчиво проставляют 7 крестиков на карточках лото –
2 верных крестика, а 5 неверных. Однако
все идет шиворот-навыворот.**

**Дома разнопарные пальцы смотрят, лежа в постели,
хоккейные матчи или новую версию Шерлока Холмса,
стиральная машина крутит, полощет
разнопарные носки в полоску и без,
разнопарные штанины болтаются,
прихваченные морозом, на бельевой веревке,
белая кошка сидит на подоконнике,
мечтая о маленьких птичках,
в сауне девушки вспоминают, с кем из байкеров переспали –
так вот и этак. А я иду и ложусь в сугроб,
мне становится стыдно. Но это другой рассказ, да и не о том речь.
Предзимнюю листву надо было сбрить впрок,
спутанной шерсти моток перемотать в клубок.**

**ТВ показывает, как мужчины в темных костюмах
устанавливают напоследок главную цель,
на пешеходных улицах застывшие уличные художники
изображают мраморные скульптуры.**

**Войны и побеги случаются на перекрестках и на границах,
в идиотских странах нет больше места для ночлега,
а таможенники играют в шахматы.**

**Дело выскользнуло из рук,
потрескивают подземные датчики, работают микрофоны –
мы живем в безумные дни шизофренической паранойи.**

**Предлагают со скидкой «Дневник узника Гуантанамо» за 5 евро
и другие развлечения для коротания долгих вечеров,
ужасно, до чего же многое подешевело.**

**И все-таки не все идет наперекосяк:
двери скрипят и в бурю срываются с петель,
дымоходная труба падает, сажа сыплется на пол,
на потолке трясетя соломенная люстра
и осыпается, как осенние листья с веток,
зеркало в прихожей, треснув, разлетается на осколки,
во дворе деревянная банная бочка загорается, сыплются искры,
и жена смывается с трубочистом в Касабланку.**

**Наконец, когда мы начинаем оценивать потери
и их степень, то замечаем,
что с небес струится маловразумительный свет,
свет, вокруг которого темнота, –
и как это они додумались до такого?
Они скормливают нам недостоверные вести,
они считают людей идиотами, что ж, значит люди такие и есть.
Они дезинфицируют наших потомков,
приводя в отменное состояние
во имя прогресса, с надеждою на доходы.**

Они окружают нас запретами, теснят проверками,
и мы задерживаем дыхание, говоря о запретном,
рассчитываем на бонусы в нескончаемых очередях в кассы,
а очереди за darmовым хлебом (его раздает Армия спасения)
растут, как в квашне забытое тесто,
умножаются на улицах, как брошенные окурки,
картошки очищаются от ленивых и жуликов,
пенсионеры собирают космический металлом в перелесках...

Удушающая техносфера искажена службою информации,
а короткая память антропосферы
потрескивает и крошится, как хрустящий хлебец.

2. Война во мне

Меня тошнит от всей этой жестокости –
тайные убийцы, летящие беспилотники,
слепая мощь ракет,
круговорот мести, сам себя заводящий,
дерзмовые речи о сущности демократии,
новости о терактах и ужасах.
2000-й год сошел с рельсов,
З мировая война идет именно сейчас.
Мы были наивны, – признаются шведы.
Люди прекрасно знают, что происходит,
и убитые не будут на нас в обиде.
Только в себя я вдыхаю отравленный воздух.

3. В западне

Когда человек понимает, что он в западне,
а внутри него что-то начало тикать,
то пытается придумать план побега,
читает по лицам встречных их намерения,
сомневается в их историях, явно инсценированных :
они лгут или преувеличивают,
сообщая, что у них много друзей,
показывая бесконечные фотки –
свои и других запечатленных лиц
в тех местах, где вечное лето.
И в западне среди этой толпы,
блуждая в мятущемся людском потоке
по лабиринтам корчащихся переулков,
уворачиваясь от бросающихся с балконов,
пропащие парни,
присаживаются на берегу канала
и замирают, ожидая возвращения домой.
Каждый – в западне,
а под их кепками
тихое тиканье.

4. Вдвоем

Вдвоем мы остановили все войны,
заглушили всех лицемерных комментаторов.
Вдвоем мы таинственно тоскуем,
когда истребители грохочут над нами
и парни упражняются в войне.
Вдвоем мы предаемся восточной грусти,
которая и связала нас друг с другом.
Вдвоем мы сидим в пустоте вагона поезда,
забытого машинистом на пристанционном пути,
чтобы не нарушать расписания.
Вдвоем мы хотели напиться,
неумолкающие черно-белые клавиатуры
извлекали звуки, в которых наши тлеющие отношения
танцевали друг с другом.
Затем ты бросила серьги в угол,
цветок завял – кончились кислород и память.

5. Сижу на площади Таммела¹

Сижу на площади Таммела в час ночи,
пишу о том, как сгорели высокооктановые женщины,
а вся площадь переливается, как водопад в пропасть,
и мило лепечущие парочки выходного дня
по обочинам напоминают мне обо всех
ночных объятиях, которые делают это представление
таким щекотливым, обманчивым,
комичным и хрупким.

6. Есть особенные дни

Есть особенные дни, когда ты по многу раз
встречаешься мне на улице, мелькаешь в окнах кафе,
потом вижу тебя входящей в лифт Стокмана,
и следом взбегаю по лестнице на третий этаж,
но не нахожу тебя, и вдруг вижу тебя в зеркале, знакомую улыбку,
вижу тебя в вечерней газете, которую ты пошла делать,
потом еду домой, в деревню, там тебя не видно,
и я могу оставаться один, вдыхать тишину и ветер,
как в некоем черно-белом фильме,
где расстаются и тоскуют, а затем внезапно встречаются
на приукрашенном романом песчаном берегу
на фоне звучащего «Nights in White Satin»²,
и все начинается сначала.

¹ Центральная площадь в городе Тампере.

² «Nights in White Satin» («Ночи в белом атласе») – знаменитая песня Джастина Хейворда, использовавшаяся во многих фильмах.

ШИРИН МАНАФОВ

Политика – как литературный жанр. Поэзия, театр, кинематограф и литература, создавая вдохновляющие образы, находят отличных популяризаторов своих идей и задач среди общественных лидеров, партий, политиков.

Трамп – лучший малыш Кевин Америки

Утверждают, все дело в том, что Трамп – бизнесмен. Чушь. Трамп романтик. Он видит себя повзрослевшим семилетним малышом Кевином из культового американского фильма «Один дома». Трамп снимался в «Один дома-2» в крохотном эпизоде и с тех пор видит себя выросшим Кевином. Этот фильм о нем, красавчике и везунчике, он всю жизнь побеждал конкурентов – этих злобных и завистливых воришек. Его миссия – быть образцовым героем «Один дома» и стать героями трех поколений. За что его и избрали президентом.

Президент США – это приз за лучшее воплощение любимой народной сказки «Один дома». Малыш обожает играть в войнушку и требует от противников – злых и глупых, как они себя называли в фильме, «мокрых» бандитов – большей активности. Тогда он заметен и нужен, он в центре. Без «мокрых» бандитов Кевин – никто. Ни в 7 лет, ни в 70. А так он при деле, все ходит и ходит дозором, наблюдая, где тать подобрался на бросок томагавка.

Кевин презирает и «мокрых», и своих братьев, а они не замечают, что происходит. В этом его миссия: «Я призван защитить свой дом и его обитателей». Они не видят, как из всех щелей прут и прут в наш Дом наглые мокрушники со всего света. В жизни и миссии 70-летнего малыша Кевина много борьбы и совсем нет эльфов. Поэтому Трамп и обожает Путина и китайца Си, Кима и Асада. Снисходителен к Макрону и прочим попутчикам, они не подарят ему славы на конкурсе лучшего Кевина, который ошибочно называется выборами президента США.

Трамп великолепен в основном, но иногда теряется, если вдруг выясняется, что Меркель не восторгается малышом Кевином.

Упорно отгоняет от себя страшную для американца мысль о том, что будет с Кевином и его Домом, если окажется, что далеко не все противники – идиоты.

Упорно настаивает, что немцы, сирийцы, русские, китайцы с их персональными нацидиями – все они мексиканцы, только без сомбрero. Цель одна на всю планету – просочиться через границу и раствориться в американской массовке.

Хорошо, что есть Иран. Вдруг исчезни он с карты, наступил бы час для Пакистана, Малайзии, Сальвадора, Конго... Где-то постоянно должны сжигать флаг США на митингах, угрожать терактами, таранить посольства США и обязательно проклинать персонально Трампа. Он обожает планетарное хулиганье.

Чего добился Кевин, из серии в серию побеждая кретинов? Он раз и навсегда влюбился в себя, восхищен собой. Жаждет новых побед над злыми и маленькими и его бесит, что мы не восторгаемся им.

Вот Кевин вырос и занимает высший пост в одной из ведущих стран и теперь упорно навязывает всем роль кретинов и мелких воришек. Европейские аналитики в ответ снабжают Сеть вежливыми намеками на то, что Трамп – голливудский штамп. Отсюда такое яростное сопротивление актера Моргана Фримена и других киношников. Трамп по-детски откровенно выбалтывает тайны Голливуда. Сделал посмешищем сказку про романтичного, обаятельного защитника Америки. Киношники увидели в Трампе конец Голливуда, как в Нероне современники – закат Рима.

Штамп не терпит возражений. Для него Европа слишком сложна и пестра, раздражает лукавая изощренность тех, кого малыш Кевин назначил на роль глупых и поштенных лузеров. Трамп требует четкости театра масок: один актер – одна маска.

Невыносима мысль о том, что все меньше игроков видят его лидером, и уже никто – Фишером. Возмущение Трампа – это из рассказа о вороне с манерами павлина. О человеке из глубинных техасских скотобоен, пожелавшем стать управляющим ежегодного Королевского конного шоу в Виндзоре. О быстро взлетевшем воздушном шарике-невозвращенце на параде воздушных шаров, которые, в отличие от шарика, благополучно вернулись. О креветке, возомнившей себя статуей Неизвестному Центуриону на мосту Риальто в Венеции. Изумление читается в его яростных глазах – где аплодисменты, черт вас возьми?

Миллионы кевинов и избрали его на пост идеолога главной американской догмы. Проблема Кевина – от малыша утаили, что в мире много тонких, умных игроков и масса успешных тактик. Есть несколько национальных школ, любующихся, как некто летящей походкой выходит из мая и, порхая, как бабочка, приканчивает на ринге примитивный штамп.

Европа раздражает малыша переизбыtkом культурных слоев. Она выталкивает Кевина из сказки, где он всегда побеждает, и заманивает в кроличью нору, из которой черт знает кем он выползет. Если вообще дадут выбраться. Малыша Кевина раздражает франко-германо-русская симпатия к сообщающимся сосудам – национальным кроличьим норам и подземным каналам. Он вообще не желает знать о сообщающихся сосудах – европейских национальных кроличьих норах.

Зато Трамп обожает комбрга Чапая. За быстроту принятия решений, за страсть махать сабелькой на виду у Аньки, которая должна считать махание шашечкой очень сексуальным и готова отиться рубаке на поле боя.

Трампу симпатичен Путин. По его мнению, как все русские, Путин обожает Чапая, наверняка он и сам Чапай в душе.

Непрерывное увеличение американцами списка облагаемых растущими пошлинами товаров из Европы напоминает игру в «Чапаева» – кто больше фигур выбьет у противника. Главное – потрепать нервы и заставить пойти на существенные уступки. Чапаевец во всем и со всеми.

«Как такое может быть, мы обеспечиваем 60% бюджета организации американских стран (ОАГ), а наших граждан в ней работает всего 3%», – пишет он в твиттере.

И вот решение – наполовину сократил финансирование ОАГ, хотя организация предлагала повысить число сотрудников – граждан США. Никаких обсуждений, у задачи есть только один вариант решения.

Трамп все время провоцирует – ребята, нападайте, я здесь. Патроны кончились и ножку подвернулся. Самое время атаковать.

Получается не очень, чапаевец из Трампа неважный. Политика роста пошлин дала Америке 26 тысяч рабочих мест в сталелитейной промышленности, но при этом сокращается 500 тысяч мест в автомобильной, транспортной, авиационной промышленностях.

Трамп видит себя восточным ханом. В своем твиттере написал: «Си стал пожизненно председателем. Это потрясающий пример. Может, и Америка попробует это когда-нибудь?»

Конгрессмены в истерике: «Это неприемлемо. Трамп хочет навязать США династию королей-суперменов».

Заявить «я за диктатуру» – вызов Конгрессу. Реагируйте, набрасывайтесь. Все по Кевину – эй, ребята, я здесь, стреляйте, я в трех шагах.

Так и растет в своих глазах. А если не нападать? Теряется, суетится как Лимонадный Джо из старого анекдота.

Вон Лимонадный Джо промчался.

Куда он несется? Никто за ним не гонится.

Верно, кому он на хрен нужен?

Пока не заметим, как очередной Лимонадный Джо мечется по прерию, он будет делать пакости – отнимать собственность, высывать дипломатов.... Главное, чтобы вы нападали. Тогда малыш Кевин нужен. Тогда – герой.

Надоел Гондурас, напал на Китай. Что вы там всполошились? Подумаешь, чуть поднял цены в апреле. Это я чудовище? Милые мои, желтенькие. Тремя месяцами ранее я вообще предлагал поднять тарифы на 40% на импорт всех товаров из Китая. Так что какие-то 10-20% – вполне прилично. Видите, я умею быть мягким, договариваться могу и, в отличие от Москвы, слезам верю.

Он и Рекса Тиллерсона уволил, потому что бывший госсекретарь – симпатизант Путина. Как и Трамп, но не скрывает этого. В обожании Трампа вызов – доминанта. Умоляю, нападайте на меня, на Америку. Мы должны быть в центре событий вечно. Только не будьте так скучны, как Хилари, которая ищет по всей Америке старых проституток и натравливает их на меня. Умоляю, бандиты-хулиганы всего света, будьте смелее и побольше фанатизма в глазах. Учитесь у Ирана, отличными картинками ненависти снабжает наши телеканалы. А я набираю очки у избирателей.

Хочется Трампу придумать Сирию на Дальнем Востоке и заманить в ловушку Си Цзиньпина. Да тот не так прост. Отдал приказ Киму сыграть в вечную нежность с Южной Кореей. Иначе, мол, сам скормлю булимикам акулам.

Трамп так и видит, как Си стоит босиком на раскаленных углях и со своей знаменитой криptoулыбкой произносит: «А мне не больно».

И тут Трамп подливает бензинчику в мгновенно взлетевший костер.

Северная и Южная Кореи братаются батальонами телохранителей и обмениваются рецептами приготовления лапши. Америка аплодирует Кевину – еще одна банда «мокрых» бандитов ликвидирована.

– Я лучший Кевин в истории этой страны, – настаивает Трамп. – Я – классика жанра. Гамлет в исполнении Смоктуновского, Шерлок Холмс в исполнении Ливанова, Spartak – Дугласа старшего, Мюнхгаузен – Янковского, Игрушка – Пьера Ришара.

– Все видели, как я справился с «мокрыми» бандитами из Кореи? – торжествует Трамп. – Продвинутый питекантроп в два счета превратился в безобиднейшее из тра-воядных.

Трамп страстно мечтает доказать, что он лучший Кевин XXI века. Заранее обещает, что по окончании четырехлетнего срока пребывания в Белом доме он подарит Америке еще 4 года незабываемого карнавала. Трамп – реинкарнация Нерона: пока я в центре внимания – я император. Но пойдут повторы – придущат.

С появлением Трампа мошенники стали мыслить и действовать масштабнее. Раньше в США картины «находили» все чаще своих – Уорхолла, Поллака. В последнее время с разницей в месяц по всей Америке вдруг стали обнаруживаться в чуланах-подвалах-гаражах как «подлинники» Поллака, так и Пикассо, и даже Рембранта. Быть в центре любыми средствами. Малыш Кевин стал модой. Трамп заполнил собой Америку.

Из сотен чудесных импровизаций в «1001 ночи» осталась только одна сказка – «Алибаба и 40 разбойников», из которой сочинили Кевина и смешных бандитов.

Скоро Кевин один расправится со всеми разбойниками. Мир вздохнет свободно, и счастливая толпа заполнит площадь Нации в Париже, прежде называемой площа-дью Разрушения трона.

Нет в мире иной модели, чем «Один дома» и мошенники. Есть США, а все остальное – Гондурасия. Но ничего, все под контролем. Стоит подогнать к берегам бандитских стран пару авианосцев, как тут же начинают брататься с заклятыми вра-гами, и все эти ханы-султаны в знак дружбы обмениваться гаремами.

Трамп – норма. Таких в штатах миллионы и Трамп спешит привести их к власти до того, как герой из другой сказки превратит постаревшего малыша Кевина в анекдот. Пока все фанаты Трампа радостны и беззаботны, как колибри во время весеннего цветения. Их вожак на пороге новых триумфов. Все «мокрые» бандиты планеты созданы для их побед. Они служат игре настолько совершенной, что ее правила нельзя менять.

В Центральном парке Нью-Йорка, рядом с Черепашьим прудом, находится замок Бельведер. С высоты замка открывается замечательный вид на одно из творений Трампа – очень популярный каток Уоллмэн-Ринг. Этот каток стал одним из козырей Трампа, и во многом благодаря катку он переиграл чету Клинтон.

Эта история тоже из серии «Один дома». Реконструкция катка началась в 1980 году и была рассчитана на 2,5 года. Ремонт грабители из стройкомпании и прикрывающие их чиновники из мэрии растянули на 6 лет. Но и слопав 12 млн. долларов, оставили каток недостроенным. Трамп предложил мэрии завершить долгострой за свои деньги. Ему отказали, так как чиновникам из мэрии тогда нечего будет с ним распиливать. Мэрия сломалась только после того, как Трамп подключил прессу, и прессы разоблачила взяточников из мэрии. Трамп получил разрешение на строительство катка и закончил его за шесть месяцев, хотя предшественники тянули шесть лет. При этом сэкономил 750 тысяч из заложенных в бюджет стройки собственных денег. Каток в Нью-Йорке доказывает, что Трамп – норма. Он боролся с «мокрыми» бандитами из мэрии Нью-Йорка. Победил их и распиарился на обе Америки. Он выжал из своей победы все, что она могла дать. Каток стал его козырем во время избирательной компании, каток работает до сих пор. Эта история – главный аргумент для американцев: Трамп строит наш Дом, он сумеет его защитить. Тогда как Хиллари – просто болтливая старуха. Рядом с катком находится фонтан Вифезда, вот фонтан – не детище Трампа. Откуда ему было знать, что фонтан со временем станет самым популярным местом в Центральном парке и самым снимаемым фонтаном в мире.

Трамп действует по рекомендациям Мюллера из «17-ти мгновений весны»: надо создавать сказочников, которые будут внедрять наши идеи спустя 20 лет на понятном языке.

Смешные и глупые бандиты – единственный шанс Трампа доказать свою необходимость стране, страны – миру, Белого дома – Конгрессу, Конгресса – Пентагону, Пентагона – ЦРУ, ЦРУ – планете. А скоро – Вселенной. Поскольку Илон Маск обещал Америке через пять лет наладить доставку продуктов на стационарную американскую станцию на Луне. Так что пришло время создавать сказочников космической эпохи. Кевин нового поколения не допустит в свой дом – на Луну – всех этих «мокрых» бандитов: космический десант из России, Китая, Франции и Англии.

Нью-Йорк за свою историю знал сотни таких, как Трамп, борцов с коррупцией, на борьбе этой делающих себе имя и политический капитал. Имитаторов бескорыстного служения любимой «столице мира». Ничего нового Трамп в стиль не привнес. Далеко не Брюс Ли. Но завидна страсть, с которой он пытается навязать себя в качестве идеального рыцаря Круглого стола. Трамп вызывает на бой ЕС и Китай, идет развязанная им торговая война двух крупнейших экономик.

В присущем ему игривом стиле в своем твиттере он разъясняет: никакой войны с ЕС нет, так как «она проиграна много лет назад глупыми и некомпетентными представителями США». Иначе говоря, себя он предлагает в качестве борца с глупыми и некомпетентными представителями США в недавнем прошлом. Он борется с теми, кто превратил США во всемирную дойную корову. Благодаря той самой корове процветают все эти режимы-диктатуры и возомнившие себя демократиями княжества. «А что вместо благодарности?» – спрашивает он и этот вопрос подарил ему голоса избирателей и продолжает работать на него. Трамп делится своим возмущением в твиттере: «Никакой благодарности ни от кого не вижу».

По его мнению, первый шаг должна сделать Европа и отказаться от пошлин на ввозимые американские товары. Пишет как сказочник, как добрый волшебник: «ЕС, все прекрасные страны, которые так плохо обращаются с США, жалуются по поводу пошлин на алюминий и сталь. Если они откажутся от своих ужасных пошлин на импорт из Америки, то мы тоже отменим наши. Если нет, мы обложим налогами автомобили и так далее». В каждой фразе узнается малыш Кевин.

Трамп избран расчистить авгиевы конюшни, все мэрии крупных городов США ничем не отличаются от нью-йоркской. Но он увлекся другим – теперь он гоняет «мокрых» бандитов по всей планете. Все распределено: Трамп – «Один дома» на Земле, Илон Маск – на Луне, и далее – во всей Солнечной системе.

С катка в Нью-Йорке Трамп перепрыгнул на европейский театр военных действий. Создать игру «Анти-Один дома» теперь задача мирового масштаба, нужен новый Цукерберг. Надо срочно создавать игру «Новые мокрые бандиты», чтобы малыш Кевин был постоянно при деле, и чтобы планета восторгалась игрой мастера.

– Я несу благую весть Америке, – заявляет Трамп. – Я лучший в истории этой страны «Один дома». Я спасаю тех, кто ждет вестника с его вестью, от тех, кто о ней понятия не имеет и иметь не желает.

Как переиграть малыша Кевина? – магистры игры «Что? Где? Когда?» загадочно шевелят губами. Игра предстоит азартная.

Удастся ли тандему Евросоюз-Путин найти сильные ходы – станет ясно в 2020 году.

Идеальная женская фигура – идеология победы

Война булими и булимичкам

Не столько Трамп, сколько его супруга держит в напряжении Америку. С легкой руки первой леди запущена программа «Придушить толстяка». Ее стройная спортивная фигура дисциплинированного человека, строго относящегося к себе и к своей роли в обществе, вызывает гораздо большее восхищение, чем негодование от действий ее непредсказуемого супруга. Толстая Америка – это минимум 20 процентов населения – обожает и страстно ненавидит первую леди. Она никого не обидела, от чего булимики обожают и завидуют ей еще больше. За демонстрацию идеальной фигуры, за тонкую талию и за то, что неуловима. Нельзя объявить импичмент Трампу за стройную фигуру супруги. А так хочется растерзать, когда она в подчеркивающем ее идеальную фигуру платье от Армани появляется на экране, на обложках таблоидов. Первая леди великолепной фигурой бросает вызов фастфудовой, бесформенной Америке. Вызов воспринимается особенно болезненно, потому что блестяще преподнесен.

Фигура гимнастки первой леди заявляет толстякам: «Жирдяи, вы уходящая на турба. Не мешайте нам строить великую Америку».

Это еще как-то переварить можно, но концовка послания невыносима: «Вам не жить в той Америке, и не для вас мы ее, великую, строим».

Каждый выход на публику первой леди есть послание и воспринимается как таковое. Мелания не дает толстой Америке расслабиться и забыться в обжорстве. Статная фигура Мелании само воплощение слов поэта «Я стал помехой из помех живущим для утех».

Все в ней вызывает ярость у дремотной Америки. Спортивность возмутительна, грациозность вызывающа, элегантность эпатажна. Стойкая фигура вызывает ненависть ко всем Трампам на свете и стремление записаться в демократы. 30 процентов врагов Трампу обеспечивает Хиллари Клинтон, остальные – жена.

– Ах, вы ждали Жаклин Кеннеди, нежную и тонкую, – взгляд Мелании полон иронии. – Вы еще не сбросили лишние свои 86 килограммов? Тогда не ждите пощады.

Начать ей на харизму и имидж, не желает она быть ни мягкой силой, ни ласковым маем, ни цветением сакуры, ни милашкой Жаклин.

Муж по сравнению с ней – сама застенчивость и стеснительность. Именно она – послание и вызов, она – пощечина жирдяйской Америке; булимики, паразиты и иждивенцы ее очень хорошо понимают. Таблоиды вновь стали раскупаться, толстяки и их подруги вырывают страницы с ее фото и с радостным писком пририсовывают вралине усы, вырезают глаза ножницами или пририсовывают бороду «а ля бен Ладен». Ненадолго отпускает, но внутренняя паника нарастает. Неужели эти проклятые демократы не остановят Трампа? Значит, красотка-ехидна еще пять лет будет издаваться над нами, демонстрируя отточенные спортом и диетой пропорции гимнастки?

– Да, буду, – очередной фотосессией отвечает неотразимая фигура первой леди, – и сведу в могилу вашу булимическую породу.

– Эй, вы там, простейшие головоногие, – хохочет реинкарнация Маргариты, а по другой версии, служанки Воланда, – вы слишком хорошо устроились. Для вашего удобства элементарное обжорство названо болезнью с нежным, как испанская роза, названием. Запомните, монстры. Америка не для американцев, но для креативных.

В ответном реве и визге вызревает всемирное жирдяйское протестное движение.

– Мы большинство, – визжат в ответ булимики, – не желаем работать над собой. Наша миссия – лопать. Мозги наши заплыли жиром, мы вне игры, живем во имя торжества халавы и гордимся этим. Общество должно нам сочувствовать и сдержать наше сладкое безделье. Платить вы нам, овощам, должны потому, что мы не игроки и ни на что не претендуем. Иначе – американский майдан, бессмысленный и беспощадный. Допрыгается. Скоро Мария Захарова будет разносить пирожки по паточному городку перед Белым домом.

Напряжение зависло над штатами. Всем ясно, в кого метит первая леди – в желеоподобную Америку, булимики – лишь верхушка айсберга. Да поймать не могут. Красивая, эффектная женщина, в её почти пятьдесят талия – как у 20-тилетней гимнастки. Жирдяи всей страны, от школьников до пенсионеров, ищут, на чем подловить, но неуловима, ни одного заявления.

Расколоть Америку – и так талантливо, и так вовремя. Напряжение между толстой, дремотной Америкой и креативной – чудовищное. Куда там желтым жилетам в Париже, здесь две армии желтых жилетов ищут лидеров и лозунги, чтобы выйти на улицы и сцепиться друг с другом. Давно мечтают, давно готовятся, давно назрело. Спортивные и бесформенные, бегущие и спящие, худые и богатые с бедными и толстыми. Ни Маркс, ни Ленин не могли предвидеть такое.

– Без вызова булиникам, – считает Мелания, – не справится с болезнью, покидающей Америку, мир.

Все президенты, трусы и конъюктурщики, заигрывают с толстой Америкой. Обама первый что-то робко вякнул про ожирение школьников. Но ни он, ни Трамп – ни слова про главную язву: 30 процентов населения – булимики, страна содержит их и во многом отсюда гигантский госдолг в 23 триллиона долларов.

Наконец-то появился лидер, тонкая Америка воспрянула духом и заявляет: «Наш враг не ЕС, Китай и Россия. Враг – компании, посадившие молодежь на сахарную иглу. Доказано, что сахар оказывает такое же воздействие, как кокаин. Если мы проиграем молодежь, превратимся в Мексику».

Каждый выход первой леди на публику – вызов и требование пересмотреть снисходительное отношение к ожиревшим и опухшим. Америка проигрывает соревнование динамичным китайцам и индийцам. Три миллиарда худых и подвижных, главное – нет иждивенцев.

Тогда как в США жирные родители превращают своих детей в ходячие инфарктные сардельки. Трамп высказался по поводу изобильных школьных завтраков.

«Школьные завтраки вкуснее, когда в меню не вмешивается государство, – сказал в октябре прошлого года президент. – Необходимо ослабить государственный контроль и вернуть гибкость школам и общественности в решениях, касающихся школьного меню». Что означает полную бесконтрольность. Не хочет сказать, что школьные завтраки – сплошь сахар и пальмовое масло. Робеет бросить вызов трети населения США, заигрывает с толстяками. Каждый толстяк – голос. А Мелания смеет и бросает вызов каждым своим выходом на публику. Ее протест выразителен и бьет прямо в сердца кувшиноподобных.

– Мало того, что на вас смотреть страшно, – говорит ее фигура, – так вы еще и детей своих превращаете в наркоманов колы и чипсов.

– Вперед, в прошлое, – взывает она, – пересмотрите фильмы о Диком Западе, на триста фильмов всего пара толстяков. Америку сделал великой культ успеха, а он не терпит желеподобных. Дело не в весе, 160 кг или 60 кг. Речь о людях вне игры. Булимия в сочетании с диагнозом «депрессия» освобождает от поиска работы, булимики-депрессанты массово садятся на пособие. Недопустимо, когда паразиты превращают своих детей в подобие себя и не встречают сопротивления. Так вот, знайте, я – лидер Сопротивления, я – американский май 1968 года. Я – лидер всемирных желтых жилетов. Они пока стесняются сказать одной трети населения то, что говорит моя изумительная для 49-летней женщины фигура: наша система глупа. Заигрывание политиков с избирателями довела страну до краха. Мы проигрываем динамичным нациям востока, они не содержат толстяков и не заигрывают с ними. Говорят честно и открыто: будешь жрать и спать – сдохнешь от голода.

Простые слова, но сколько в них правды, спорта, честности и любви к беспробудным нахалывщикам мразных мастей.

В ряде городов США до 40% подростков обладают лишним весом и махнули на себя рукой. Потому что старшее поколение процветает на пособиях. По пять литров колы ежедневно, по два килограмма пальмового масла в разных вариациях, от сыра до хлопьев.

– Нам есть чем ответить на русские и китайские ракеты, – говорит Трамп.

– Нам нечего ответить трем миллиардам динамичных китайцев и индийцев, – возражает глянец с фотографиями первой леди. – Пора вызвать на бой опухшую Америку. Миллионы расплодившихся студней с их желеобразной идеологией: эти ребята наверху делают великую Америку. Для нас и за нас. А мы рождены лишь поглощать тоннами колу. Мы всегда были толстыми и ненужными. Наше постоянство великолепно.

Тонкая изящная фигура первой леди подчеркивает стойкость американской Жанны д'Арк: «Я бросаю вызов зажравшимся и спящим. Без разницы пола, возраста, расы. Вы проиграли, – говорю вам в лицо своей безупречной фигурой человека, по два часа в день занимающегося спортом. Моя фигура – вызов. Более нельзя терпеть вашу беспробудную лень. Ваши тела – как черные дыры, заглатывающие целые галактики. Толстая Америка хочет превратить всю планету в подобие себя, и первые, кого она проглотила – США. Какой, к черту, лидер свободного мира, какой там гегемон. Гигантская жирная самодовольная анаconda проглотила страну и блаженствует на солнышке. Скоро это будет невозможно скрывать».

Ее появление в кожаном жакете от Ralph Lauren с намеренно подчеркнутой поясом талией было вообще воспринято булиничками как пощечина. Как последнее предупреждение о тайфуне, неспешно приближающемся к их беззащитным домам. Женщины тонко понимают язык тела и одежды. Вой поднялся такой, будто Мелания открыто насмехалась и проклинала булиничек. Как будто назвала их теми самыми ходячими черными дырами, только что на глазах всего прогрессивного человечества

проглотившими пару-тройку планет с запасами воды на полюсах. А своим выходом в платье от Valentino она вообще заявила: мы не будем больше содержать тех, кто не намерен бороться с ожирением и детей своих не нацеливает на борьбу.

– Эх, вы, желеобразные, люди с пониженной социальной ответственностью и активностью, – бросает в толпу с подиума стройная фигура Мелании. – Вас слишком много развелось в Америке. Плодитесь с неслыханной скоростью. На армию уходит меньше, чем на содержание овощей. Сами на игле и детей своих сажаете на сахарную иглу. Запомните, ни я, ни мой муж овощи разводить не будем.

– О, с каким удовольствием я бы задушила эту Меланию, – страстно мычат желеобразные, впившись в экраны. Великолепная, отточенная сотнями часов тренировок фигура на очередном приеме в Белом доме демонстрирует свое послание нации и в ответ слышит: «Как бы я навалилась всей своей двухсоткилограммовой тушей и каталась бы на ней, наслаждаясь ее хрипами».

В Америке грядет война. Такая лютая, яростная, что о ней не смеют сказать аналитики. Официоз молчит, нет, мол, ничего такого, мир и согласие в нашем обществе и никаких у нас протестантов, да еще во главе с первой леди. Что за сумасбродный бред! Тем не менее, во всех штатах, во всех городах пыхает пожар. Стресс вызывает не только первая леди, но и тайные ее союзники, любующиеся яростью фанаток обжорства, когда они смотрят выступление Мелании или рассматривают таблоиды с ее фотографиями.

Изыщная фигура и строгое, требовательное лицо. Вызывающе безупречная фигура и возмутительно тонкая талия..... Как это раздражает и бесит желеобразных. Каждое появление на экране первой леди – как выстрел, как нокаутирующий удар нового Мохаммеда Али. Это про него – «Порхает, как бабочка, жалит, как пчела». В порхании новой звезды бокса столько демонстрации превосходства, что жалит – слабо сказано. Воют миллионы распухших, бесформенных тел перед экранами в нескрываемом страстном порыве задушить первую леди в объятиях.

– А Меланию дашь нам на растерзание, – кричат желеобразные Трампу.

– Дырку вы получите от бублика, а не Малению мою, – отвечает Трамп голосом Высоцкого.

– Вот он, русский след, – поведали жирдям ребята из русской диаспоры. – Мало того, что сам Трамп, так еще и его жена выросли на Говорухине и Высоцком, абсолютно советские люди. Плевать обоим на ваши желестрадания с крыши небоскребов Трампа.

Три булимички поутру пряли пряжу по Пушкину.

– Кабы я была прокуроршей, – молвит первая булимичка, – я бы схватила Трампову бабу и заставила бы ее сутками жрать сэндвичи за два доллара и запивать сместью кока-колы с рыбьим жиром. Вот когда ее разнесло бы до трех метров в бедрах и двух в талии, тогда только вернула бы в Белый дом.

Меланий очень нравится ее роль – вызывать ярость у желеобразных. Она с удовольствием исполняет важную для страны миссию.

Ненависть такой силы обязательно взаимна, и, к радости креативной Америки, первая леди ее демонстрирует.

– Ничего, девочки, красотки мои китообразные, – стреляют в толстячек ее острые синие глаза, – я отниму у вас ваших детей. Не позволю им спать. Вы и есть пятая колонна, предатели и продажные шкуры. Вы мешаете нам с мужем строить великую Америку. А на хрена мы ее вообще строим? Чтобы вы жировали сутками напролет? Шиш вам с маслом, амебы двухтонные, жабы трехэтажные. Скоро вы все со своими самцами уйдете в океан, уже сейчас вы – как кашалоты, только в воде и можете заниматься сексом.

Ненависть булимичек к Мелании в тысячу раз яростнее, чем чувства Хиллари Клинтон к ее мужу.

– Как она задается, – возмущаются толстячки, наблюдая прием в честь японского премьера и супруги. – Ведь знала заранее, что японка ростом с ягненка, и все равно выходит на каблуках высотой в половину роста японки. Задушила бы своими руками на глазах у обиженных япошек. Представляю, как бы они обрадовались. Вы только посмотрите на японского премьера, на его лице все 70 лет тоски и депрессии из-за потери островов. А теперь посмотрите на нашу первую леди. Как выделяется, вы только полюбуйтесь на ее точеную фигуру, как старательно подчеркивает свои классические пропорции. Можно подумать, нет у Америки другого способа поставить на колени китайцев. Это и есть наш ответ на боеголовки русских, мистер Трамп? Да на хрена нам такой президент?!

Восстание булимиков не за горами. Их лозунг: Америка для нахалывщиков. Мы – лучшая часть нации, верноподданное болото, не мешаем баламутить минимум в пяти регионах мира одновременно.

Вместо благодарности первая леди в ответ требует от нации динамизма: Америка проигрывает соревнованию по креативности.

Но предложить «А давайте утопим булимиков в Миссисипи» нельзя, их вместе с другими разновидностями спящих – половина страны. Если Трампу удастся усыпить толстую Америку и пообещать допуск к бесплатному пирогу, он вновь станет президентом. Удастся ли усыпить? Индустрия сладкой Америки куда мощнее оружейного лобби. Страна знает, что жена Трампа – лютый враг бесформенных. Более того, супруги Трамп и детей своих воспитывают в антипатии к булимию и к фастфудовскому образу жизни.

По соотношению креативных и аморфных США – самая неблагополучная страна в мире. С большим отрывом на втором месте монархии Персидского залива. Там нет Мелании. Она необходима всему миру. Ее послание восприниматься как угроза всем неприлично распухшим, распоясавшимся иждивенцам, независимо от пола и национальности. Мелания видит себя глобальным игроком. Соотношение толстых и тонких сейчас важнейший показатель динамизма нации. Речь идет не о весе тела, но о соотношении спящих и динамичных. Каждая страна пытается создать свою методику коррекции массовой булимии и массовой невключенности.

Мелания – одна из лучших методик. Стоит только булимику восхититься стройной фигурой Мелании, и он пропал для булимию и мира желеобразных. Такие уже не могут смотреть на своих тюленоподобных и гусеницеобразных подруг. Уходят в водную диету, в спорт, в добровольный измор и самоизнурение. Пока отдельные успехи. Стоит только Трампу победить на выборах в 2020 году, и будет объявлена война инфантальной Америке. Девиз: Долой канцерогенное воздействие спящих на нацию.

Сражение неминуемо, слишком велика угроза оказаться на последних местах в чемпионате креативных наций. В случае победы в 2020 году Трамп объявит войну всем компаниям, посадившим треть страны на сладкую иглу обжорства. Список опубликован в книге Майкла Мосса «Salt Sugar Fat» («Соль, сахар, жир») – это Kraft, Coca-Cola, Frito-Lay, Nestle... Диктаторы – лидеры мирового терроризма. Им бросает вызов первая леди.

Лучшая методика излечения, средство от депрессии, булимии, лени, психоза обжорства и невроза нереализованности – вызов первой леди. Скоро за ней пойдут миллионы. Иначе Америка проиграет соревнование.

Не столько Трамп, сколько его жена – лидер движения «Хватит спать» – вызывает яростное сопротивление. Ее супруг – оформитель, он лишь озвучивает актуальность самодисциплины.

Настоящая Америка – не китообразные, а девушка из поселочка в Словении.

Бунт динамичных нашел лидера. Осталось китообразным найти своего, и история даст яркую вспышку, по значимости равную вызову Лютера, трем пролетарским революциям и четырем буржуазным.

Прокурор Мюллер три года искал «русский след». А он на поверхности.

«В моем тучном теле, – сказала Фаина Раневская, – сидит очень даже стройная женщина, но ей никак не выбраться наружу. А учитывая мой аппетит, для нее это пожизненное заключение».

Мелания вырвет стройную женщину из сладкого рабства.

– Вы преступники, – говорит стройная фигура первой леди. – Вы задушили ту самую стройную женщину и не помогаете своим детям вырваться из желе-мира. Я объявила войну всем, кто задушил в себе стройную женщину и статного мужчину. Отныне это преступление, человек, не работающий над собой, карается по закону. Вы все – не Фаина Раневская, вам не прощается.

– Ясно, как божий день, муж и жена заодно, – шепчут губы-гусеницы, с нескрываемой антипатией разглядывая на экране безупречную фигуру Мелании. – Кто нам поможет от них избавиться? Путин, Си, чета Клинтон, Мадуро?... Только мы сами, жирдяйские жилеты Америки.

– Заигрывание с населением желемира отменяется, – ответ фанатов Мелании.

– Бесит не количество жирдяев на улицах Америки, а степень ожирения мозгов. Бесит презрение пищевых компаний с их примитивной рекламой для школьников: стоит вам слопать наши чипсы и оценки взлетят по всем предметам.

Компания 2020 года началась

Диетологи бьют во все колокола. Робость президента опасна. Школьные завтраки компании «Келлог» – угроза национальной безопасности – на 50% состоят из сахара. Подростковое ожирение слишком большая опасность, чтобы государство не замечало проблему. Не менее трети населения должны сесть на диету. Великую Америку слопал гигантский червь – фирма «Келлог» (Kelloggs). «Келлог» запустила рекламный ролик – голос за кадром сообщал, что школьники, завтракая хлопьями от «Келлог», радуют родителей ростом оценок на 20%. Мозги настолько заплыли жиром, что в эту чушь верят родители и дети. Такие компании, как «Келлог», и создали в стране желеатмосферу, в которой самовоспроизведение желеподобных приняло масштабы национальной катастрофы.

Америка не принадлежит фирме «Келлог» и не будет подчиняться желемиру, – говорит гордая фигура первой леди.

– Защитим детей от шовинистов, – визжат в ответ булимички. – Вспомним добрым словом нашу королеву Мишель Обама. Добрую, теплую, расплывшуюся и расплывчатую. Сколько в ее прекрасной бесформенности любви к простым и упрощенным, ко всему пассивному человечеству. Как же полное отсутствие талии у первой леди повышает самооценку нации! А в этой... сколько злобной, невыносимой красоты. Мелания растоптала нашу самооценку. Эти кретины годами ищут «русский след». Разве им мало того, что Мелания – воплощение слов Достоевского о роли красоты в спасении мира? Главным доказательством «русского следа» является тот факт, что Мелания читала Дональду не только Достоевского, но и русские былины.

Она демонстрирует образ не просто элегантной женщины, скорее, это американская метафора трех русских богатырей, вышедших дозором. Только вот половцы-печенеги – не мигранты, а вроде бы свои, в четвертом поколении жиравшие на пособиях.

Трамп хочет построить стену на границе с желе-миром по реке Рио-Гранде. Булемики заранее назвали стену Мелантропией. Помните, Трамп назвал еще не построенную стену изящной. Явно имел в виду свою супругу – блистательный образ Стены, элегантной и неподкупной.

Изящная стена заявляет: «Я встярхну зажравшийся мир. Он похож на булимичек южных штатов с их десятью литрами газировки в жару и пятью – в прохладные дни. Компания 2020 года началась. Выбирая Меланию, вы выбираете победу над булимией как образом жизни».

– Только раз Мелания была сама собой, – заявляют булинички, – в турне по Африке. В Кении она даже улыбалась, в заповеднике любуясь гепардами и антилопами. Там, в саванне, она нашла любимую Америку: у хищников и у копытных – ни грамма лишнего веса. Стройные, легкие, подвижные. Стремительный бег газелей Томпсона призывает весь цивилизованный мир объявить войну фастфуду.

Нет никаких демократов и республиканцев. Мелания взорвала мир ложных мужских штампов. В обеих партиях полно опухших от безделья и обжорства. Больше терпеть нельзя. Львиная доля госдолга в 23 триллиона ушло на содержание желе. Мы сами сделали из них бездельников.

Есть Америка креативная и есть дремотная, ленивая, не желающая работать, застойная, пастозная, инфантильная, аморфная. Напряжение между ними нарастает. Ненависть друг к другу полна страстного ожидания разрядки – бунта. Мелания – королева в этой шахматной партии. Экстравагантность Трампа – лишь воплощение ее вызова. Война всем формам американской халавы. Не может быть великой Америки, Китая, Европы при тридцати процентах иждивенцев. Вырвать детей из рабства колы и чипсов! Вырвать стройную женщину из тучного тела булинички, прощающей себе слабость и безволие! И своим детям, вот что неприемлемо. Освободить каждого, кто, услышав призыв Мелании, пересилит свой страх начать новую жизнь.

Фанаты Мелании призывают: стремитесь в динамичный мир, требуйте этого от своих детей. Особенно если вы очень бедны, и тем более, если очень богаты. Уже сейчас Мелания нужна Китаю и СНГ, всем странам, где растет численность булииков.

Традиционный образ первой леди – матери всех обиженных сироток, защитницы прав женщин и детей – претерпел изменения.

Ожил глянец. Журналы вновь продаются. Все номера с фотографиями Мелании нарасхват. Они бьют наотмашь. Пахнущие превосходством страницы новых номеров вызывают у одних наслаждение, у других – бешенство. Несущие аромат успеха страницы обжигают пальцы-кардильки булииков. На первой странице фото Мелании, на соседней – фото Обамы, с удовольствием беседующего с красивой, стройной женщиной, а рядом змеиное лицо его супружницы Мишель. В ее взгляде на красотку – планетарная ярость, желчная зависть всех бесформенных к стройным и статным. И страстный призыв – опухшие всего мира, объединяйтесь. Эти стервы уводят наших мужей.

В глазах Мелании ответные искры.

Тайная вражда и тайное напряжение в американском обществе достигли предела. Бунт желеподобных неминуем, главное – их опередить и поднять знамя самой актуальной сейчас революции антижеле. Восстание назревает давно, и каждое фото блестательной Мелании ускоряет неминуемое. Толстая Америка в ответ лихорадочно ищет вождя.

Теперь в этой стране будет так: президентская чета – представители динамичной Америки – будут сменяться представителями желеподобных монстров на двух столбах, несущих по два самостоятельных шара – голову и живот; при каждом шаге живот колышется так, что встречному кажется, будто громадный шар вот-вот оторвется от тела и покатится на него.

К удовольствию Трампа, демократы встали на сторону желеподобных, а выходы на публику статной и грациозной Мелании легко превратили демократов в партию маргиналов.

Конфликт настолько острый, что жаждет оформления. Придумают сотни причин: гибридные войны с Китаем, Россией, Евразией, Германией..... Бюджет трещит по швам, доллар вот-вот рухнет, гиперинфляция. В целях экономии школьные завтраки и пособия отменяются, всем затянут пояса. Кто не затянет – пошлем на гибридный фронт.

Борьба Трампа с Сенатом преподносится так: демократы не позволяют построить стену на границе с Мексикой, потому что отстаивают интересы желеподобных, они сами принадлежат к желе-миру. Это очень работает и обеспечит Трампу сильную поддержку в 2020 году. Пожалуй, он растянет борьбу за стену на весь нынешний год, так как лозунг «Спасем Америку от желеподобных» все популярнее, особенно после штурма сальвадорской беднотой южной границы США. Напомним, речь идет не о булимиках, а о растущей массе паразитирующих на правительстве США, которое вынуждено содержать две армии. Одна обходится в 700 миллиардов в год, другая – втрое больше.

– С этим надо кончать, – считают сторонники четы Трамп. – Динамичной стране динамичное население. Иначе слабость будет замечена, и тогда не нужны никакие хакеры и торговые войны. Китайцы просто купят фирму «Келлог», закачают в рекламу пару миллиардов и превратят Америку в резервацию для продвинутых питекантропов весом минимум в двести кг и со словарным запасом в сорок слов.

Ясно читаемый в стройной фигуре Мелании вызов «Америка не для аморфных» бесит желемир больше, чем экстравагантность Трампа. Мысль ясна, а обвинить в шовинизме в отношении выкормышей фирмы «Келлог» никак не удается. Хотя толстая Америка точно знает, что враг номер один – Мелания.

Трамп без Мелании – как Рим без колонны Траяна, Париж без Триумфальной арки. В нем и сотой доли нет того вызова, что демонстрирует безупречная фигура первой леди. Он уязвим, а она – нет. Он хочет понравиться, а она внушает тревогу и жаждет обновления. Он тактик и пытается реформировать, а она – стратег, у нее – программа. Он думает о голосах, она – о будущем страны. За него бизнес, за нее – тонкая Америка. У Трампа – избиратели, у нее – сторонники. Лицо и фигура первой леди требуют: ты должен стать одним из наших. Это не приглашение, но требование. Положение трагичное, морские котики вытесняют газелей и львиц и шлепают своими ластами по улицам когда-то наших городов.

Во всех странах с большим процентом неконкурентного населения громадная потребность в национальных версиях Мелании. Даже выдающиеся политики-мужчины не в состоянии озвучить и части послания, ею блестяще и выразительно передаваемого. Знают – положение аховое, но крик застыл на их губах, ужас в глазах, потому что даже полунамеки лишат их голосов избирателей.

Ближе к началу президентской гонки, возможно, Трампу удастся уговорить жену, и она, пересилив себя, скажет:

«Толстушки мои ненаглядные, как же я вас люблю».

Реакция будет по Станиславскому, булинички всей Америки хором завопят:

«Не верю-ю, злыдня заморская!»

Душа Европы – Наполеон

– Прошедшие весной 2019 года выборы в Европарламент – это борьба за душу Европы, – сказал вице-президент Европарламента Тиммерман.

Поиск души ускорился после визита Трампа в Лондон 3-5 июня. За десять минут до посадки Трамп написал в твиттере: «Я с нетерпением жду, когда стану большим другом Соединенного Королевства». Какой-то пустяк помешал написать «Большой брат». Этот пустяк – ЕС.

Трамп рекомендует Британии не платить Брюсселю 39 млрд. фунтов стерлингов в качестве откупных. Это воспринято как вызов. Как и слова приветствия Мэй: «Наши отношения в сфере безопасности глубже и технически совершеннее, чем у кого бы то ни было. Благодаря проводимым военным операциям, непревзойденному обмену разведанными и приверженности НАТО глобальное лидерство наших стран есть основа международного мира и стабильности». Большой брат – гарант стабиль-

ности. Королева Елизавета II назначила Трампа защитником Королевства. Возвращение РФ в ПАСЕ – ответ на вызов. Трамп прилетел и улетел, а британцы чувствуют, как резко помолодела Европа. ЕС нашел врага, ЕС сосредотачивается, если говорить терминами времен перестройки.

Трамп не только рекомендует Англии уйти не прощаясь, но и утверждает, что может сильно повлиять на борьбу за премьерское кресло в Англии. Что усилило влияние тех, кто считает, что Англия стала марионеткой США. Битва двух коалиций неминуема, слишком многих в Европе раздражает это «непревзойденное сотрудничество Королевства и США».

В такие моменты вспоминается Робеспьер, он обосновал потребность Европы в Наполеоне: «Революционное правление опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасение – необходимость».

Европа торопится включиться в эту игру и выдвинуть свою кандидатуру на пост «маленького капрала», как ласково называли солдаты Наполеона. Наполеон может быть только европейцем, и не королеве Британии назначать кого-то на столь высокий пост. Брать Бастиилии – наше все.

Ситуация напоминает 1801 год, когда посол Д. Милютин писал императору Павлу: «Европа с ужасом увидела новую опасность – от неограниченного усиления британского владычества на морях». Здесь достаточно добавить одно слово: британо-американского владычества.

«Радость Трампа по поводу брексита легко объяснима. Президент, чей девиз «Америка прежде всего», видит в выходе Великобритании из ЕС уникальную возможность расколоть ЕС, упрямство которого в торговых спорах уже давно действует ему на нервы», – пишет газета *Handelsblatt*.

Радость так велика и демонстративно нескрываема, что вопрос «Какая из трех сверхдержав более агрессивна по отношению к ЕС?» уже снят с повестки дня.

С радостью придется подождать. Слишком явно Трамп требует к себе обожания, как Наполеон после Аустерлица в 1807 году, когда им был произведен оскорбительно сногшибательный разгром войск коалиции европейских монархий. До Аустерлица Трампу очень далеко. Одновременно есть стремление показать, что королева Англии – далеко не королева Европы.

В нынешнем году Франция торжественно отмечает 250-летний юбилей императора Запада Наполеона. Это праздник для наполеономанов всего мира. В 1804 году их кумир заявил, что подобно Карлу Великому намерен объявить себя императором Запада. Если британо-американское сотрудничество выдвигает свою кандидатуру, то ЕС обязательно выставит свою.

Причин много, вся Европа сейчас ощущает себя итальянским островом Лампедуза. Мигранты все прибывают и до переименования острова – всего год-два. А тут еще заокеанские колонизаторы.

Да и слишком много маленьких вдруг возомнило себя кумиром Стендаля, Гете и Бетховена. Маленькие, мы вас любим, но сейчас нужен Наполеон. Здесь все как со Сталиным. Из года в год все больше любви и все меньше критики. Помнят все, но уж больно необходимо в период торговых войн.

Настолько, что не страшно даже, если будет эволюционировать в сторону диктатуры, лишь бы был успешен в противостоянии Трампу и Шелковой империи с ее нацистской убогостью одного на сто стран пояса, пути и центра.

Европе нужна шпага. Процесс создания Наполеона – как института и в идеале – как личности – есть вызов всем коронованным osobam, забывшим о важной роли гильотины в судьбах Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты. Старший брат сам создает корсиканца. Старшему брату уже скучно управлять Америкой. Естественная реакция: нельзя позволять США назначать и отменять торговые войны, сужать поле для диалога в мировой экономике, делать из Ирана врага. Заодно и анг-

лийской королеве пора напомнить о кумире Франции, память о котором интенсивно возрождается. Не ей назначать кого-то императором Европы.

Евроценности все более отдаляются от западных ценностей. Никаких сожалений, процесс так необходим, что новый Европарламент готов признать очень современной и креативной привычку Наполеона «выбрасывать неугодных депутатов в окошко». Сейчас вспоминают только то, что благодаря этой невинной гусарской привычке Бонапарт придал развитию Европы очень большую динамику.

Против самозваного императора Запада ЕС намерен выставить императора Европы. Нет мощнее цели, которая объединяет страны и народы от Лиссабона до Владивостока и уже до Токио.

Сальвини считает Наполеона итальянцем, итальянский язык для него был родным, он помнил, что его родина – городок Аяччо на Корсике. Напоминает обращение Наполеона к солдатам: «Мы друзья всех народов, в особенности потомков Брута и Сципионов».

Марин Ле Пен, лидер партии «Национальное объединение»: «Мы протягиваем руку всем избирателям Республикаской партии, приверженным защите нашей са-мобытности и восстановлению французского величия».

Сальвини подчеркивает итальянские корни французского величия. Так что Наполеон устраивает всех, кроме англичан. С немцами договорятся, так как Наполеон изначально форматируется как защитник Европы. Как вызов Старшему другу, защитнику и покровителю Соединенного Королевства.

Так как британо-американские иллюзии вновь пахнут букетом полевых цветов Ватерлоо, то и итальянская «Лига» Матео Сальвини и сторонники французского величия намерены стать общеевропейскими партиями защиты Европы от «старших братьев» и «главных друзей». Славная когорта Наполеона – Орбан, Марин Ле Пен, Сальвини – полна оптимизма. Выборы в Европарламент прошли удачно для них, теперь когорте нужен вождь.

Пока Европа не сплотится, она крупным и влиятельным игроком не будет – общее мнение всех, кто оказался вне сферы «непревзойденного сотрудничества».

«Пять лет назад мы были в изоляции, но сегодня с нашими союзниками мы наконец сможем изменить эту Европу», – заявила Ле Пен в Милане за два месяца до выборов. Неважно, как будет называться Наполеон – суперфракция, Союз правых или даже Мировой парламент. Главное, Наполеон вновь актуален и призван стать ответом британо-американскому тандему.

Заигрывания с локальными игроками в прошлом. Что не работает на европейское величие, – позабыто, отброшено. Привлекаются все, кто трудятся во имя общих целей. Задача создания еврокоалиции против «непревзойденного сотрудничества» Англии и США настолько актуальна, что Сальвини призывает забыть все партийные разборки и показывает пример. Вопреки советам друзей по «Лиге», Сальвини не разрушает коалицию с левыми радикалами и продолжает терпеть их министров в правительстве. Цель – продемонстрировать гибкость и эффективность мягкой силы. Он близок с друзьями и еще ближе с врагами, он даст им порулить, и ребята обязательно покажут итальянцам уровень своей некомпетентности. Сальвини предлагает вспомнить Наполеона не только как гениального полководца, но и как выдающегося дипломата, каким он был до русского похода 1812 года. Это что-то новенькое: «Соратники по партии советовали распустить правительство и извлечь выгоду из положения. Но Сальвини принял решение продолжить игру в атмосфере, в которой он чувствует себя богом», – это из итальянской газеты *Huffington Post Italia*.

Так писали европейские газеты о Наполеоне на пике его побед. О Сальвини пишут так, будто он чувствует, действует и мыслит как бог. Стиль прессы времен коронации Наполеона, когда он стал императором. Как и в отношении Марин Ле Пен – тут две причины. Партия Сальвини значительно укрепила свои позиции в результате

выборов в Европарламент, вторая – королевское благословление Трампа на пост президента британо-американского союза. В ответ – возвращение Европы ко временам крушения монархий. Когда молодой Бонапарт сказал: «Я вам не какой-нибудь Людовик XVI».

Жизнерадостный дух карнавала создает талантливые маски. Состояние души Европы сейчас веселое, азартное, наконец-то бизнесмен настолько уверовал в свою непроходимую гениальность, что бросил вызов всему континенту, от Лиссабона до Владивостока. Конечно, именно он нужен еще четыре года после окончания в 2020 году первого срока своего президентства. Его самоуверенность, подкрепленная монаршей желтой ручечкой, возродила дух Европы, ее симпатии к баррикадам и превратила ЕС в Европу. Что и было закреплено возвращением РФ в ПАСЕ.

Есть только один игрок в Европе такого же уровня, как когорта. Даниэль Кон-Бендит, один из тех, кто запалил пожар в мае 1968 года в Париже. Сейчас – один из лидеров партии зеленых Германии; согласно опросам института общественного мнения Forsa – самой популярной партии. В июне 2019 года за зеленых в Германии готовы были проголосовать 27% избирателей, на втором месте социал-демократы. Зеленые заявляют о готовности возглавить правительство. Приход зеленых во главе с Дани Кон-Бендитом во власть резко изменит политический ландшафт Европы. Дани ярый борец с голлизмом, при этом сам – не менее яркий бонапартист. Тем более опасный, что за ним реальная, большая победа, реальный Аустерлиц. Май 1968 года скрушил в свое время генерала де Голля, который воспринимался до студенческого восстания 1968 года как вторая Эйфелева башня. По прочности металла, надежности конструкции и главное – как украшение Парижа.

Лидер зеленых Германии одновременно и лидер зеленых всей Европы. Не обошлось без Дани при создании всеевропейского молодежного экодвижения за спасение планеты. Вновь от Дани зависит, сколько отмерено ржавому механизму. Он претендует на то, чтобы возглавить когорту Наполеона. Зеленые сейчас по многим вопросам поддерживают антииммиграционные настроенные Сальвини и Марин.

Дани, как символ французско-германского сотрудничества в годы падения голлизма, получит стопроцентную поддержку не только во Франции, но и в Германии.

Создание коллективного карнавального, веселого и неумолимого Наполеона уже запущено и работает с азартом первых побед 26-летнего генерала Бонапарта. Коллективное карнавальное – неплохая находка Европарламента 2019 года, интересное развитие фрейдизма. Меркель призвала к достижению до 2050 года «нейтрального уровня выброса парниковых газов». А в качестве промежуточного результата она призвала к 2030 году уменьшить выбросы на 55% от уровня 1990 года. Призыв Меркель поддержан всеми ведущими игроками, которые сейчас заняты созданием коллективного Наполеона – всеевропейской партии зеленых.

Душа Европы полна огня, как в молодости Наполеона, когда он рвался проявить себя. Наполеон иронично писал о попытке самозабвения и самообмана в 1795 году: «...все идет прекрасно, этот великий народ предается удовольствиям: танцы, спектакли, женщины, которые здесь самые прекрасные в мире – становится великим делом». Если он искал аргументы для, как лукаво выразился историк А. Манфред, «прогрессирующей концентрации власти в одних руках», то сейчас это стремление стало стратегией для всех претендентов. Прогрессирующая концентрация и требует от Европы выдвижения своей кандидатуры.

Генерал Мармон о своем друге и члене славной когорты генерале Массена: «В его железном теле была скрыта огненная душа....никто никогда не был храбрее его».

Наступило время напомнить президенту-бизнесмену об огненной душе Европы. Когорта жаждет Наполеона, им нужен тот, кто повторит слова Наполеона от 26 апреля 1796 года во время итальянского похода: «Солдаты, в течении 15 дней вы одержали 6 побед.....»

Триумф энергии и азарта слов «За 15 дней 6 побед» звучат сейчас в обращениях Марин, Сальвини и Дани Кон-Бендита. «За 15 дней 6 побед» – позывные новой Европы. Самомнение англо-американского тандема, попытка продвинуть президента-бизнесмена на пост императора Запада Все ничто по сравнению с экспрессией огненной души Европы. Осознание огромных своих возможностей и своей армии испытал Наполеон после первых побед в Италии. Из «Пармской обители» Стендэля: «Вместе с оборванными солдатами-французами в Ломбардию хлынула такая могучая волна радости....Эти солдаты с утра до ночи смеялись и пели, все были моложе 25 лет, а их главнокомандующему недавно исполнилось 27, и он считался самым старым в армии». Для могучей волны радости требуется огненная душа. Ощущение огромных возможностей желает вновь испытать Европа. Сколько можно обороняться от карликовых образований с их карликовыми претензиями. То торговые войны, то Косово, то желтые жилеты, то черные жилеты, то просто террористы... Ради этого победного «За 15 дней 6 побед» Европа уже выдвинула когорту и жаждет Наполеона.

Кроме Трампа есть еще одна причина актуальности Наполеона. Заговорили о двух Европах и двух скоростях. Европа первой скорости – Германия, Франция, Австрия – быстро и радостно отдаляется от Европы второй скорости (Восточная и Южная Европа). Чтобы объединить Европы двух скоростей, нужен не полководец, а великий дипломат и Charmeur – человек с шармом, каким был Наполеон на пике славы. Без единого выстрела присоединивший к своей империи Лиссабон, Мадрид, Флоренцию и Рим в 1807 году. Все операции проведены в лайковых перчатках. Иначе львиная доля усилий Европарламента уйдет на усмирение диктатурочек и ублажение диктатур.

Европа ищет Наполеона, Восток – Чингисхана, и уже не менее десятка народов и этносов объявили себя его прямыми потомками. Лучший подарок на 25-летие независимости в 2016 году Назарбаеву сделала АН Казахстана. Академики доказали его прямое родство с Чингисханом.

Тут еще слухи, мол, Меркель перед сном читает в подлиннике Марину Цветаеву. Раньше таилась, а сейчас выложила в твиттере: явно виден в ее руке томик, явно стихов, и на обложке книжки крупно – Марина Цветаева. Еще крупнее – улыбка Меркель. Шепчет канцлерша русские слова, откровенно наслаждаясь замечательными стихами. Закончив читать, произносит: «Спасибо, Володя, за подарок чудесный». Как мантру произносит из «Легкомыслия» Цветаевой строчки:

Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо прохожим!

Говорят, сюрприз Трампу готовят: в Давосе в 2020 году прочитать любимые строчки из Марины:

Меж соловьев слезистых – соколиха,
А род веду – от Соловья.

Ликованием наполнены речи Сальвини и Ле Пен после оглашения результатов выборов в Европарламент. Еще чуть-чуть, и зазвучат из их уст знаменитые слова Наполеона во время египетской кампании: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас.....». И уже полшага до оглашения завещания великого полководца: «Для того, чтобы управлять миром, нет иных способов, кроме того, чтобы быть сильным; сила не знает ни ошибок, ни иллюзий».

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

Ностальгические истории

Альтруист

Мы были знакомы со студенческой скамьи. Невысокий, склонный к полноте, словоохотливый, с открытым, улыбающимся лицом, он был самой заметной, колоритной фигурой среди однокурсников и импонировал мне своей энергией, общительностью, неиссякаемым оптимизмом. Он не пропускал ни одной театральной премьеры, был завсегдатаем различных литературных вечеров, «капустников», активно участвовал в общественной работе, но при этом оставался человеком исключительной скромности, и даже застенчивым.

У него не было проблем с успеваемостью, но его тонкая творческая натура была подвергнута постоянному воздействию различных увлечений, нередко носивших всепоглощающий и при этом относительно быстро проходящий характер. На какое-то время, к примеру, он мог быть целиком захвачен идеей изучить шумерскую письменность, и ничто другое в этот период его не интересовало. Затем приходили мысли доехать на велосипеде до Владивостока или переплыть Каспий на самодельном деревянном плоту, подняться на один из гималайских восьмитысячников, найти разгадку какого-то аномального природного явления и тому подобное. Любое из этих увлечений сопровождалось усиленным изучением проблемы, поиском соответствующих материалов по тематике и отнимало массу времени. При всем при этом, этот чудаковатый парень успевал хорошо учиться, выполнять поручения комитета комсомола, регулярно бывать в подшефной школе, собирать марки, разводить рыбок, лечить дворовых собак и кошек, ремонтировать соседям электроприборы, подрабатывать сторожем в детском саду.

Словом, жизнь его была до предела насыщенной. Я поражался, как он везде успевает. Он никогда никого ни о чем не просил, но сам, будучи по натуре очень отзывчивым, всегда с охотой помогал другим, причем делал это с искренним удовольствием. У него было счастливое качество: легко, без трагизма относиться к неудачам, разряжать напряжение в людских отношениях. Ему было дано свыше умение находить компромиссы в любых сложных ситуациях, и поэтому порой со стороны казалось, что он не идет по жизни, а пританцовывает.

Мы с ним никогда не поддерживали близких отношений, непосредственно общались мало, но от сокурсников я всегда слышал о нем добрые отзывы и относился к нему с подобающим уважением.

После университета наши дороги разошлись. Он был направлен в научно-исследовательский институт и, проработав там какое-то время, зарекомендовал себя перспективным ученым, защитил кандидатскую диссертацию. Казалось бы, его благополучное будущее было определено.

Но неожиданно для окружающих он оставил научную деятельность и стал инструктором райкома партии. Такой поворот в его судьбе меня очень удивил, а он с неизменной улыбкой увлеченно рассказывал о том, что истосковался по живому делу, возможности общаться и помогать людям, чувствовать каждодневную отдачу от своей работы. И действительно помогал. Я не раз слышал от однокурсников, что он и на партийном поприще, как это ни странно, оставался самим собой, чистой воды альтруистом. Мог посодействовать в трудоустройстве, пробить нуждающемуся путевку в санаторий, похлопотать с постановкой в очередь на квартиру, договориться с каким-

либо предприятием, учебным заведением о проведении торжественных мероприятий, взять на себя организацию похорон одинокого ветерана. Он горячо вступался за беззащитных, по мере возможности оказывал содействие в решении бытовых вопросов, выступал инициатором встреч молодежи с участниками Великой Отечественной войны, передовиками производства. Ему нравилось делать добро, и осознание своей востребованности придавало ему моральные силы. Я часто слышал, как друзья шутили, что если бы хоть треть партийных деятелей была бы столь же отзывчивой и бескорыстной, то мы бы жили при коммунизме.

Последние лет двадцать мы с ним виделись эпизодически, иногда сознавались. Он оставался самим собой, никогда не жаловался, бодрился и с удовольствием строил планы на будущее. Я знал, что в постперестроечный период он вначале недолго остался без работы. Сбережений, как у всякого честного человека, у него не было и, в отличие от большинства бывших коллег по партийному цеху, циничных прагматиков, любивших поиронизировать на его счет и ставивших во главу угла свои корыстные интересы, ему надо было серьезно думать о своем трудоустройстве. Обширный круг знакомых и устойчивая репутация добросовестного, ответственного человека сыграли свою роль. По случаю его познакомили с одним из отставных вороватых госчиновников, предложившим ему работу в своей фирме, которой, собственно, еще не было, она создавалась. Ему предстояло наладить этот процесс, взять на себя всю ответственность. Он согласился, не колеблясь, ибо на тот момент ничего другого просто не было. В течение года напряженно трудился не покладая рук. Предприятие заработало и стало приносить прибыль. Он думал о дальнейших шагах по расширению и совершенствованию деятельности и был огорожен неожиданным сообщением, что в его услугах больше не нуждаются. Ему ничего не объяснили, не поблагодарили, а просто уволили. Пережить этот удар было сложно, но он не позволял себе зацикливаться на обидах, предпочитал видеть свет в конце туннеля.

Но так уж случилось, что в последующие годы подобная ситуация повторялась несколько раз с печальной закономерностью. Обычно он с жаром брался за какие-то проекты, успешно реализовывал их, а когда процесс был запущен на полную мощность, рядом откуда-то появлялись нахрапистые люди, незаметно, но умело оттеснившие его в сторону, и он опять оставался не у дел. С ним легкоправлялись, тем более, что он никогда не подстраховывался, полностью, без оглядки доверял тем, с кем работал, не ставил своих условий по договорам, не навязывался в число учредителей фирм, не требовал своей доли в прибыли. Сталкиваясь с откровенным обманом, обычно мягко отстаивал свою точку зрения, не ввязываясь в противостояние, предпочитая тихо уходить в надежде на лучшее будущее. Его обижали, беззастенчиво эксплуатируя совестливость, порядочность, беспардонно врали, глядя в глаза. Он это хорошо понимал и все же продолжал верить в удачу, честные отношения, справедливость. Гарантированно оплачиваемая сносная работа, периоды относительного спокойствия и материального достатка сменялись несправедливыми увольнениями с печальной частотой. В конце концов он вынужден был продать квартиру, жена, упрекавшая его в бесхребетности и неспособности утвердиться, защитить себя, подала на развод. Он не обижался на нее, чувствуя свою долю вины за неспособность сопротивляться злу, безденежье, отсутствие стабильного заработка, но изменить кардинально ничего не мог, брался за любую работу, продолжая трудиться и надеяться на лучшее. А оно не приходило.

После длительного перерыва мы случайно встретились у входа на рынок. Он стоял на пронизывающем северном ветру, похудевший и ссугутившийся, в старомодном, поношенном пальто, поеживаясь от холода, то и дело поправляя потертый шарф на худой, вытянутой шее. Перед ним на земле в несколько рядов стояли разнокалиберные горшочки и коробочки с кактусами. Увидев меня, он очень обрадовался, его обычная обаятельная улыбка осветила осунувшееся, постаревшее лицо.

Мы разговорились. Он снимал комнатку в полуподвале и последние годы занимался разведением кактусов. Их продажа стала его единственным средством существования. Расспросив об общих знакомых, он стал рассказывать, как совершенно случайно увлекся кактусами, и что это за прекрасные цветы. Он без устали перечислял их разновидности, сорта и с видимым удовольствием рассказывал необычайно интересные вещи об этих растениях, а я смотрел на него, и к горлу подкатывал комок. Чтобы как-то материально поддержать его, я решил купить штук десять горшочков с цветами. Он обрадовался, оживился и за разговорами аккуратно уложил мне их в два пакета. На вопрос, сколько они стоят, он буквально отпрянул от меня:

– Ты что, о чём ты говоришь, какие деньги, мы же однокашники! Я вырастил эти цветы! Ты не представляешь, как я рад нашей встрече и тому, что мои любимые цветы будут жить в доме студенческого друга.

Слушая его, я думал, как несправедливо все сложилось. Жизнь обошлась с ним жестоко, но при всем этом он остался самим собой, мягким, доброжелательным, душевным. Призвав на помощь всю свою изобретательность, я попытался объяснить, что лишь один цветок хочу взять домой, а остальные планирую отнести на работу, но он и слушать не хотел о деньгах. Я взял только один цветок, сказав, что насчет остальных девяти нужно все-таки обсудить, посоветоваться с сослуживцами. Он сразу согласился. Мы рас прощались. За толстенными круглыми стеклами очков я видел его слезящиеся беззащитные глаза и ощутил слабое пожатие озябших тонких пальцев.

– Я рад был тебя видеть, – сказал он. – Передавай, пожалуйста, привет всем нашим, кого увидишь. Я по утрам обычно здесь, а живу вон в том доме напротив. Если что-то понадобится, заходи, спросишь меня во дворе. Рад буду, если смогу чем-либо помочь.

На следующий день я попросил свою жену купить полтора десятка кактусов. Она принесла их и еще целую кипу вырезок со статьями из различных специализированных и популярных журналов о кактусах, специфики ухода за ними, их целительных свойствах. Под ними стояла фамилия моего приятеля. Они были бесплатным приложением и одновременно его искренней заботой о покупателях и их кактусах.

Потом я несколько раз специально приходил увидеться с ним, пытался как-то поддержать морально и материально. От помощи он неизменно стеснительно отказывался, уверял меня, что у него все в порядке, он ни в чем не нуждается. Никогда не жаловался и говорил, что скоро закончит монографию о кактусах, и тогда все изменится, решатся многие бытовые проблемы. Возможно, откроет свою теплицу где-то за городом, будет организовывать выставки цветов, вести кружки с любителями-натуралистами.

Когда он умер, меня не было в городе, его похоронила одна из наших сокурсниц. В холодной маленькой комнатке осталась только рукопись, посвященная кактусам в несколько сотен страниц. Он писал до последней минуты своей несложившейся жизни, очень хотел успеть поведать миру как можно больше интересного о любимом цветке. Полуголодный, больной, одинокий, он в съемном, маленьком, сыром полу подвальном помещении продолжал верить в добро, надеяться и думать о прекрасном, не уставал мечтать, и неустанно писал. Спешил рассказать людям о чудесном, волшебном цветке, увлечение которым пришло на закате жизни.

Я часто вспоминаю его добрую, беззащитную улыбку. Он, несмотря на череду обрушившихся на него невзгод, шел к людям с открытым, щедрым сердцем, искренней готовностью прийти на помощь, поддержать в трудную минуту, поделиться последним. Был истинным альтруистом в душе даже тогда, когда в его жизни все складывалось крайне неблагополучно. И уже отчетливо осознавая, что все надежды на лучшее давно в прошлом, он находил в себе душевые силы продолжать творить добро, оставаться самим собой...

Беседка

Рустам проснулся в крайне скверном расположении духа. Августовский дневной зной и изматывающая ночная духота действовали на него угнетающе. Скосив глаза на спящих в обнимку жену и трехлетнюю внучку, он улыбнулся, осторожно поднялся и на цыпочках, чтобы их не разбудить, осторожно вышел из комнаты. Приняв душ, накро перекусив и выпив чашку кофе, он запер за собой входную дверь и вышел на улицу.

Его видавшая виды старенькая «шестерка» стояла недалеко от подъезда, и он с раздражением подумал, что она уже успела нагреться от жаркого утреннего солнца. Усевшись в нее, поправил зеркало заднего обзора и непроизвольно задержал взгляд на своем отражении в нем, с сожалением отметив, что за последнее время сильно сдал. В самом деле, он выглядел значительно старше своих пятидесяти лет. На него смотрели усталые воспаленные глаза, изрезанное морщинами худое лицо с резко опущенными уголками рта. Летнюю жару последние годы он переносил с трудом, мучился головными болями, страдал от сердечной недостаточности, но предпочитал не обращаться к врачам. Тешил себя успокоительными мыслями, что уйдет на пенсию и тогда займется здоровьем.

По привычке, сложившейся за долгие годы службы, он обычно приходил на работу к восьми часам. В кабинете вместе с ним располагались еще двое, оба значительно моложе него, хотя один из них уже успел стать старшим опером. Принявшийся за рутинный разбор текущей документации, он не заметил, как пролетело время, и в десятом часу появились его молодые коллеги. Тот, который был старшим, невысокий, краснощекий, круглицы толстяк, поздоровавшись, сообщил, что ему и Рустаму поручено незамедлительно заняться заявлением, поступившим вчера вечером, и в кратчайшие сроки, то есть завтра, доложить о результатах рассмотрения. С этими словами он положил перед Рустамом несколько листов бумаги с машинописным текстом и пространной резолюцией начальства в правом верхнем углу.

– Ознакомьтесь, это заявление Гулиева. Вы, наверное, слышали про это нашумевшее дело. Его сын недавно утонул в бассейне, но отец не может с этим смириться и утверждает, что имело место убийство. Засыпал своими жалобами различные инстанции, требует дополнительного расследования, называет предполагаемых преступников. Надо реагировать, он человек известный и у него мощные связи.

Рустам молча пробежал глазами заявление и поднялся из-за стола, с неудовольствием думая о том, что придется-таки отдать себя во власть немилосердной жары и ехать через весь город заниматься так некстати свалившимся поручением. Они вышли на улицу, и знойный августовский воздух, смешанный с парами бензина и нагретого асфальта, пахнул в лицо. Рустам тяжело перевел дыхание, мысль о том, что весь день напролет предстоит провести под палящим солнцем, раздражала до крайности. Коллега, не говоря ни слова, направился к своему «Мерседесу», давая понять Рустаму, что приглашает его последовать за ним. Ехать с этим потливым и болтливым парнем, к тому же считавшим излишним соблюдать правила дорожного движения, Рустаму не хотелось. На этот случай у него была припасена прекрасная отговорка, которой он не преминул воспользоваться.

– Слушай, я подумал, нам обязательно понадобятся обе машины. На месте все равно придется работать поодиночке. Ты, как старший, возьми на себя общение с прокуратурой, это дело ответственное. Потом посмотри, что по интересующему нас вопросу есть в районном управлении полиции. Тем более, ты говорил, что заявление уже не первое. Возможно, возникнет необходимость увидеться с этим, по нынешним временам известным человеком. А я тем временем загляну к участковому, наведу справки о сыне заявителя, если смогу, переговорю с соседями.

С этими словами, не дожидаясь согласия, он направился к своей «шестерке», будучи безгранично доволен, что деликатно избавился от напарника и тактично отвел себе как бы второстепенное место, что, безусловно, польстило недалекому, но амбициозному толстяку, формально занимавшему более высокую должность.

Через час с небольшим, ругая немилосердную жару, Рустам прибыл в точку назначения – небольшой приморский поселок. Здесь, несмотря на близость моря, было жарко и довольно душно. Он выбрался из машины, остановив ее недалеко от участкового пункта. Рустам хорошо знал этот поселок и самого участкового. За годы службы не раз приходилось здесь бывать.

Поселок изменился, это сразу бросалось в глаза. Как грибы после дождя вырастали высоченные, кичливые коттеджи, надежно обнесенные неприступными каменными стенами с множеством видеокамер. Он усмехнулся, подумав, что ранее часто используемый журналистами штамп об утопающем в зелени поселке можно было бы смело заменить другим – об утопающем в заборах и коттеджах.

Участковый инспектор, капитан Вагиф Рагимов, худой, чуть сутуловатый, с желчным лицом, встретил его радушно, как старого знакомого. Собственно, таковыми они и были, вместе начинали служить более четверти века назад. Широко улыбаясь, он обнял Рустама и обратился к нему с шутливой фразой:

– Неужели за более, чем двадцать лет, мне повезло, и ты наконец удастся обратиться ко мне с просьбой помочь снять тебе с семьей дачу у моря на месяц?

– Не дождешься, ведь у меня есть собственный роскошный коттедж у моря, – в той же шутливой манере ответил Рустам. Участковый понимающе улыбнулся и пргласил его к письменному столу.

После обыденных фраз житейского характера и обмена текущими новостями Рустам перешел непосредственно к делу. Он спросил Рагимова, что тот может поведать об инциденте, произошедшем на территории его обслуживания, с утоплением парня в бассейне. Его отец обратился с заявлением, утверждая, что сына убили. В несчастный случай он не верит и требует дополнительного расследования.

Изменившееся выражение лица участкового было более, чем красноречиво. Он торопливо достал сигарету, чиркнул зажигалкой, прикурил и покачал головой.

– Скажу тебе откровенно, как другу, об утонувшем парне никто в поселке слова доброго не скажет. Спроси у кого хочешь. Всех против себя настроил. Что ни день, то конфликт. Вел себя вызывающее. По поселку гонял на машине на огромной скорости, совершил несколько аварий. В результате одной из них пострадавший девятилетний мальчик остался инвалидом, а виновный, как обычно, отделался легким испугом. Все ему сходило с рук: и оскорблении людей, и драки, и пьянки. В отсутствие родителей постоянно со своей компанией устраивал на даче шумные попойки с фейерверками. Как-то чуть не спалил соседский дом. До меня доходили слухи, что баловался наркотиками.

– И что же, на его художества никто не реагировал? – спросил Рустам. – Люди разве не жаловались?

– Еще как жаловались! В том числе и на меня, за бездействие. А что я мог сделать? Был случай, сосед сделал ему замечание, чтобы по ночам не шумел. Так он, разозливвшись, перелез через забор и зверски избил пожилого человека. Меня вызвали, и я его за это доставил в отдел. Представь себе, его отец такой шум поднял, что потом меня чуть из органов не уволили, нервы измотали до предела. В конце концов влепили неполное служебное соответствие за необоснованное задержание и успокоились. После такого оборота решил я уходить со службы. Все понимают, что наказали меня необоснованно, из-за этого мажора. Теперь с нетерпением жду, когда снимут взыскание, и уйду на пенсию. Никак не могу успокоиться. Прослужив честно и добросовестно, обидно увольняться с действующим взысканием, – сокрушенno вздохнул участковый.

Помолчав, он подрагивающими пальцами затушил в пепельнице сигарету и спросил:

– А что, в заявлении есть что-то про меня?

– Нет, я же тебе сказал, суть вопроса в том, что отец не верит в несчастный случай. Считает это умышленным убийством.

Участковый инспектор возмущенно развел руками.

– Вот оно как? Он не допускает возможности несчастного случая, а тем более самоубийства. А когда в этом же, его собственном бассейне нашли утонувшую девушку, никто даже не заикался об убийстве, сразу, без малейших колебаний определили как суицид либо несчастный случай, хотя там было не так все просто. А мне с моими сомнениями по этому поводу попросту в приказном порядке рот закрыли. Девушка, между прочим, оказалась беременной, и в заключении судмедэкспертизы это было зафиксировано.

– Когда это случилось с девушкиной? – уточнил Рустам.

– Три месяца назад, это всем известный факт, весь поселок обсуждал.

– А что за девушка?

Рагимов пожал плечами.

– Обыкновенная – тихая, спокойная. Работала у его матери, как это сейчас деликатно называют, помощницей. Но реально домработницей, прислугой. Обычное сейчас дело. Хозяева подолгу отсутствуют, у них шикарные апартаменты в городе. Они часто выезжают отдыхать за границу. Где-то там у них тоже недвижимость. Девушка поддерживала порядок, а в дачный период, когда приезжало семейство, готовила, занималась уборкой и прочей домашней работой.

– Кто-нибудь еще оставался в доме? – обдумав услышанное, спросил Рустам.

– Древний стариk, он же сторож, жил в доме напротив, за садом и огородом присматривал, заодно и за двумя огромными собаками. Я со стариком побеседовал, он ее любил, как родную, расстроился ужасно, никак не мог успокоиться. Через неделю у него сердце не выдержало, скончался. Вдова его сказала мне под большим секретом, что муж как-то в сердцах обмолвился, что девочку могли утопить.

– И кого он подозревал?

– Не говорит, какой с нее спрос. Больше она ничего не знает.

– А ты лично что думаешь?

– Я? Что тебе сказать? Я много что думаю, только кого это интересует. Нельзя исключать возможность причастности к этому сына хозяев. Он осенью и зимой наезжал с различными компаниями развлекаться. Там все могло случиться. Мог изнасиловать или просто соблазнить. Например, обещал жениться, а потом, узнав о беременности, убрал ее. Убедиться в правоте моих догадок без конкретного расследования невозможно. Хотя они витали в воздухе, люди перешептывались, отводили глаза, но подобная версия имела право на существование, напрашивалась сама собой. Эта семейства на все способна. Глава семьи, так называемый «успешный предприниматель», ворочает миллионами. Живет по принципу: «Хочу, чтобы у меня все было, но чтобы мне за это ничего не было». Наглый, циничный, подлый и, к сожалению, довольно влиятельный. Ты же знаешь, что уровень влияния в наше время на прямую зависит от суммы капитала.

«Но я знаю и другое, – подумал Рустам, глядя на своего разгневанного собеседника. – Незаконно, нажитое богатство является катализатором пороков, приводит к тяжким преступлениям со стороны наворишей и их родственников».

Участковый нахмурился, лицо побагровело, и он продолжил.

– Они, мерзавцы, распустили слух, что девочка занималась проституцией. – Рагимов низко опустил голову, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, и едва слышно произнес. – Я дни считаю, когда, наконец, взыскание снимут, тут же уйду. Душа болит, собственное бессилие давит, как могильный камень. Раньше говорили о пре-

словутом телефонном праве, нынче же всему хозяева деньги. При их наличии найдутся и услужливые адвокаты, и судьи. Мне на себе пришлось испытать смысл фразы «прав тот, у кого больше прав». Вот так-то. У нас опер молодой, сынок какой-то известной персоны. У него костюмы не костюмы, машины не машины, на работу не приходит, а заглядывает. При всем при этом начальник отделения перед ним всячески заискивает. Я как-то не выдержал и сказал ему об этом. Представляешь, он, никак не смутившись, наставительно ответил, что лучше перекланяться, чем недокланяться, только здоровее будешь. Ты, мол, этого не понимаешь, думаешь старыми категориями, поэтому выше капитана и не поднялся.

— Мне это знакомо, — ответил Рустам. — Я сейчас с таким же приехал. Упитанный, плохо воспитанный, но перспективный. За идею, как мы, работать не будет, поскольку ее у него нет и вряд ли появится.

Они помолчали, думая каждый о своем. Наконец участковый инспектор спросил.

— Ты сейчас возвращаешься в город?

— Да, пора.

— Может, перекусим, а то когда еще встретимся?

— Нет, поеду.

— Тогда не поленись, поезжай вдоль этой улицы. Впереди, метрах в трехстах отсюда, с правой стороны увидишь дворец. Полюбуйся, не пожалеешь, наша достопримечательность, творение современности.

— Что за дворец? — недоуменно переспросил Рустам.

— Собственность поганого семейства, о котором мы с тобой говорили, — ответил участковый.

Они распрощались, и Рустам, в сердцах поругивая жару, сам не зная, почему, по инерции последовал его совету. Он чувствовал себя отвратительно. Услышанное от участкового, когда-то образцового служаки и принципиального сотрудника, вкупе с усиливающимся полуденным пеклом, действовали на него угнетающе. Собственная роль во всем происходящем вокруг казалась ему унизительной. Получается, никто серьезно не занимался этими двумя случаями и, судя по всему, не намерен, а время катастрофически упущено.

Своему напарнику он решил позвонить в конце дня и проинформировать о выполнении своей части общего поручения. Около указанного Вагифом места увидел огромную, безвкусную каменную машину, чертыхнулся и развернул машину, чтобы ехать обратно в город.

Но тут его внимание привлекла шедшая по тротуару худенькая старушка с тяжелыми пакетами в руках. Она с усилием переставляла ноги и, казалось, вот-вот упадет. Он вышел из машины и поспешил к ней, предложив свою помощь. Она поблагодарила, ответив, что почти пришла. Но глядя на ее бледное от усталости, потное лицо, он, тем не менее, не обращая внимания на ее робкие протесты, проявил настойчивость, взял у нее пакеты и, кляня в душе нестерпимую жару, медленно пошел рядом с ней. Они миновали высоченные, мрачные, возведенные, что называется, на века стены уже известного Рустаму дворца, и старушка остановилась, перевела дыхание, и облегченно произнесла:

— Вот мы и дошли. Спасибо, сынок!

Пока она оттирала дверь, Рустам огляделся, вытирая платком струившийся по лицу пот. Оказывается, бабушка жила рядом с особняком и, следовательно, была соседкой хозяина бассейна. У него мелькнула мысль поговорить с ней, но он без колебания отбросил ее. Участковый достаточно полно обрисовал ему как самого заявителя, так и его сына. Рустам, промедлив, собрался уходить, но благодарная старушка по-своему истолковав его замешательство, пригласила зайти во двор отдохнуть и выпить чайку. Поколебавшись, он проследовал за ней в маленький уютный дворик, встретивший его желанной прохладой и свежестью.

В центре дворика стоял старенький одноэтажный домик, окруженный фруктовыми деревьями и зелеными грядками с овощами. По периметру забора радовали глаз ухоженные клумбы с разнообразными цветами. Эту благодатную картину дополняла и украшала ажурная, со вкусом сделанная, четырехугольная свежевыкрашенная деревянная беседка. Усадив в нее гостя, старушка принесла ему стакан воды, предупредительно сообщив, что чуть погодя подаст чай.

Рустам с жадностью почти залпом выпил холодную ключевую воду и впервые за весь день почувствовал какое-то внутреннее облегчение. Вытирая постоянно выступающий пот, он глубоко вдыхал прохладный, чистый, наполненный запахом цветов и фруктов воздух. Хозяйка предложила ему умыться, подала полотенце, и он с благодарностью согласился. Тем временем на столике в беседке появилась белоснежная скатерть, а на ней чай и блюдце с вареньем.

Рустам, наслаждаясь прохладой и тишиной, не торопясь, смакуя, с удовольствием выпил несколько стаканов. Он не прочь был просидеть здесь до вечера и даже, наверное, вздремнуть, очарованный уютом и расслабляющим спокойствием обстановки. Трудно было поверить, что за пределами этого оазиса царила удручающая жара и агрессивная житейская суeta. Вставать не хотелось, но и злоупотреблять гостеприимством было неловко.

Пересилив свое желание посидеть еще немного, он, сердечно поблагодарив хозяйку за гостеприимство и радушие, собрался уходить. Желая на прощание в знак благодарности сделать ей приятное, он с похвалой отозвался об ее ухоженном дворике и особенно об уютной, мастерски сделанной тенистой беседке.

Неожиданно для него при упоминании о беседке старушка расстроенно сморщилась и стала всхлипывать. Обескураженный не на шутку Рустам, не зная, что и думать, растерялся, ругая себя за излишнюю разговорчивость. В воздухе повисла неловкая длительная пауза. Понемногу успокоившись, старушка произнесла дрожащим от волнения голосом.

– Я эту беседку очень люблю, называю ее Реночкиной. Бедная девочка у этих работала, – указала она в сторону соседского дома. – Там и погибла.

Рустам молчал, и она продолжила, видимо, испытывая потребность высказаться.

– Добрая, воспитанная девочка. Мы по-соседски общались и постепенно сблизились. Она иногда ко мне заглядывала, предлагала помочь по хозяйству, особенно осенью и зимой, когда хозяева отсутствовали. Девушка работящая, чистоплотная. А ее хозяйка заносчивая, на редкость сварливая и злобная, такой нелегко угодить. Реночка своей добротой и покорностью с любым могла поладить, и к ней претензий не было даже от этой зажравшейся мегеры. Понятно, что девочка дорожила местом, на хорошую работу устроиться нелегко. Она из соседнего поселка, жила там с матерью.

Встретив неожиданно для себя внимательного собеседника, пожилая женщина, вытирая платком слезы, почувствовав потребность поделиться своими переживаниями, рассказала, как сблизилась с девушкой, привыкла к ней, и произошедшая с ней трагедия ее чрезвычайно потрясла.

– И вот, представьте себе, вновь случился несчастный случай, уже второй, в этом же бассейне, – повысила она голос. – На этот раз утонул сын хозяина. Люди по-разному говорят, рассказывают даже, что пьяный был, а все равно жалко. Мне от этого бассейна одно беспокойство. Парень был хулиганистый. Часто среди ночи музыку включал, да так, что деревья дрожали. С компанией таких же, как и он, приятелей пьянствовали, до утра гуляли, орали, ругались, пустые бутылки ко мне в огород через забор бросали, ужас один. Я сколько раз жаловалась участковому, а он отмахивался, никаких мер не принимал. Я на него не в обиде, понимаю, боялся связываться.

Простодушная старушка помолчала, глядя на своего собеседника, довольная тем вниманием, с каким он ее слушал.

Собравшись с мыслями, она пытливо взглянула на Рустама, словно ища в нем сочувствия, и продолжила.

— А беседку эту еще муж мой своими руками сделал, душу в нее вложил. Долго возился, но не зря. Уж очень она красивая была. С годами сильно покосилась, потемнела, подгнила и могла упасть. Меня еще Реночка предупреждала быть осторожней и обещала, что непременно попросит брата ее отремонтировать, когда тот вернется из армии. Представьте, какая отзывчивая, добрая душа. Ее желание мне помочь оказалось настолько искренним и сильным, что сбылось уже после ее смерти. Послушайте, какой загадочный случай со мной и с этой беседкой произошел.

Старушка оживилась и увлеченно продолжила свой рассказ.

— Иду я вечером домой из магазина, ко мне парень подходит, вежливо так предлагает сумку донести, ну вот как вы сегодня. Я и согласилась. Пришли мы во двор, он положил сумку на землю, осмотрелся и говорит: «Бабушка, не боитесь около беседки ходить, в любую минуту рухнет.» Я ответила, что ничего не поделаешь, ремонтировать дорого. Он улыбнулся: «А хотите, я вам бесплатно сделаю?» Подошел ближе, внимательно рассмотрел беседку, после чего сказал мне, что сам он строитель, занимается ремонтными работами. Попросил пустить его квартирантом на месяц и пообещал за этот период в свободное время заняться беседкой. Я, говорит, с удовольствием приведу ее в порядок. И действительно, слово свое сдержал. Завез новый материал, но и старые, резные перегородки сохранил, ни одна реечка не пропала. Делал все сноровисто, аккуратно, с выдумкой. Руки у парня оказались золотые, но какой-то неразговорчивый, замкнутый. С раннего утра приступал к ремонту, потом уходил на работу и вечером опять продолжал возиться во дворе с беседкой. Мне постоянно казалось, что я и раньше где-то видела его лицо, оно мне почему-то казалось очень знакомым, мучилась, но не могла вспомнить. А на мои расспросы он только улыбался.

Старушка, видимо поймав себя на том, что чересчур разговорилась и задерживает своими рассказами незнакомого человека, умолкла, но, не в силах сдержать свое желание завершить рассказ, продолжила.

— Скажу я вам, делал он все добросовестно, не спешил, пол в беседке зацемтировал, скамеечки новые сделал, крышу черепицей покрыл. Я его отговаривала покупать дорогие стройматериалы, а он отмалчивался. Мне нравилось смотреть, как он умело работает. Красиво все получилось. Завершив беседку, он принялся за хозяйственный сарайчик. Тогда же меня предупредил, что может неожиданно уехать, так как получил новый заказ на работу, хотел отдать деньги за проживание. Я отказалась, как-то нехорошо получилось. Он беседку бесплатно сделал. Наоборот, я ему должна была. Парень на редкость дисциплинированный, предупредительный. Обычно днем он уходил в девять часов, а к пяти возвращался. До и после этого времени занимался по хозяйству во дворе, всегда работу себе находил. К сожалению, перед отъездом у него неприятность произошла. Я рано утром вернулась с базара, а он подошел попрощаться. Завтракать отказался, спешил очень. Его где-то ждали друзья, и он боялся опоздать. Перекинул сумку через плечо, повернулся, а с левой стороны по всему лицу царапина. Я спросила, что случилось, а он ответил, что на куст наступил. Проводила я его, села в беседке, а там сто манатов на столе лежат. Мало того, что за беседку ничего не взял, так еще и заплатил за квартиру. Неудобно как-то получилось. Вот какие люди бывают, — наставительно завершила свой рассказ старушка.

Рустам, доселе с нетерпением ожидавший возможности под благовидным предлогом еще раз поблагодарить старушку за гостеприимство и откланяться, застыл, будто пораженный внезапным оцепенением. Иногда в жизни происходят непостижимые, не поддающиеся логическому объяснению вещи. Неужели случайная встреча со старушкой, ни к чему не обязывающее его формально-вежливое, комплиментар-

ное замечание о беседке помогут приоткрыть тайну, поскольку дали такой мощный импульс для размышлений и богатейший материал для анализа? Что это, возможно, пресловутая оперская удача? Здесь есть над чем серьезнейшим образом подумать. Кто этот неизвестно откуда появившийся парень с лицом, кого-то напоминавшим старушке и филантропским предложением отремонтировать ее беседку. Наверное, можно предположить, что это брат погибшей девочки, поэтому и лицо показалось знакомым. Вероятно, она писала ему о знакомстве с доброй, приветливой, пожилой, одинокой соседкой и упомянула о беседке. Иначе кто бы все это делал бесплатно, а вот в память о сестре это возможно. Царапина на лице тоже вызывает вопросы. На лицо череда странных и необъяснимых совпадений, требующих глубочайшего анализа и целого комплекса проверочных действий.

С трудом сдерживая охватившее его волнение, Рустам как можно спокойнее, чтобы не насторожить старушку, почти безразличным тоном спросил:

– А когда уехал ваш постоялец?

– Первого августа, я точно запомнила, потому что в этот день сын соседей в бассейне утонул. Ну, тот, про которого я вам рассказывала.

Неужели все так просто, – подумал Рустам. Предположим, парень пришел к старушке, чтобы выполнить просьбу сестры, и уже на месте у него зародилась мысль отомстить за нее. Еще бы, злодей в десятке метров от тебя за стеной плавает в бассейне, наслаждается жизнью. Наблюдая за ним, надо было только набраться терпения, дождаться удобного случая, воспользоваться расслабленностью жертвы, эффектом неожиданности, прыгнуть следом, схватить и придержать его за плечи под водой какое-то время. Тот, застигнутый врасплох, не смог оказать должного сопротивления, оставил только, скорее всего, судорожным движением царапину на лице нападавшего. На основании имеющихся данных об утонувшей девушке, несложно получить установочные данные ее брата и начинать работать по версии, которая напрашивается сама собой.

Рустам быстро достал телефон и набрал номер своего коллеги, с нетерпением ожидая ответа, но абонент был занят. Лишь через десять минут, после третьей попытки сослуживец наконец ответил. Голос был глуховатый, но веселый. Коллега был не один. Оказалось, обедал в прибрежном ресторане с сотрудниками отдела и, прически ради, пригласил Рустама присоединиться к ним.

– Ты что-нибудь выяснил? – нетерпеливо перебил его Рустам.

– Что тут выяснить? – послышался раздраженный ответ. – Порекомендуем провести дополнительные оперативно-розыскные мероприятия. Нечего здесь заморачиваться, завтра поговорим, а сегодня немного расслабимся.

Рустам с досадой дал отбой и обратился к старушке.

– С вами по поводу несчастного случая кто-нибудь из полиции говорил?

– Да, участковый, и с ним молодой мужчина. Спрашивали, не слышала ли я чего, каких-нибудь криков? – старушка развела руками. – Откуда я могла слышать, но если бы и слышала, не сказала. – Перехватив вопросительный взгляд Рустама, простодушно улыбнулась. – Разве я не права? На нет и суда нет.

– Да, молчание золото, – потупив взгляд, размыщляя о чем-то своем, пробормотал Рустам и, попрощавшись со старушкой, вышел на накаленную до невозможности улицу с неприятным запахом расплавленного асфальта, уселся в нагретую, как утюг, машину и, погруженный в свои невеселые мысли, поехал домой.

В дороге он продолжал обдумывать услышанное, испытывая при этом какое-то неясное, неизъяснимое, доселе неведомое ему беспокойство. Загадочно как-то все это выглядит, – рассуждал он. Его собственное, невинное, ни к чему не обязывающее замечание по поводу беседки обернулось таким неожиданным результатом. Напрашивался, казалось бы, очевидный вывод – брат отомстил за сестру. Царапина на лице еще одно тому свидетельство, но с другой стороны, это только предположение, а

может, вообще не брат, а обычный квартирант, по доброте душевной оказавший помощь старушке и не имеющий ни малейшего отношения к этой истории.

Но если рассматривать два утопления в одной связке? Есть ли какие-то весомые гипотетические основания считать, что они взаимосвязаны? Сплошные загадки. Нельзя, к примеру, исключать предположение, что это просто два несчастных случая или же два суицида, причем оба без какой-либо криминальной подоплеки.

В любом случае время упущено очень сильно. Раскручивать все это заново будет непросто. Даже убедившись внутренне по каким-то косвенным факторам, что парень – убийца, доказать это крайне нелегко, ибо ранее проведенными следственными действиями и оперативными мероприятиями ничего существенного не установлено. Если парень не дурак, он понимает, что против него ничего нет. Уповать на то, что он пойдет на признание при отсутствии улик бесперспективно. В уголовном мире существует такая присказка: «Облегчил совесть – усложнил себе жизнь».

Нет, здесь нельзя рассчитывать на позитивный результат без кропотливого расследования каждого эпизода. Надо последовательно проанализировать каждый элемент, изучить все без исключения имеющиеся по делу материалы, заключение судмедэкспертизы.

Если увязать оба несчастных случая, приняв за основу версию об утоплении девушки парнем, впоследствии ставшим жертвой другого, по сути, аналогичного преступления, то есть умышленного убийства способом утопления, то выстраивается определенная канва. Убитый парень вызывает мало сочувствия, судя по тому, что о нем рассказывают, и образу его жизни. Нельзя исключать, что убить его мог кто-нибудь из ближайшего окружения. Компания у него разношерстная, в их среде наверняка возникали всевозможные конфликты. Все «за» и «против» непримиримо пикировались в его голове, противоречили друг другу и требовали досконального, детального анализа, а, как известно, дьявол кроется именно в деталях. Несомненным виделось то, что ни одно из многочисленных предположений нельзя было с уверенностью отнести.

Увлеченно полемизируя с самим собой, он не заметил, как добрался до дома. Увидев расстроенное лицо жены, без всяких расспросов понял, что диагноз, ранее поставленный внучке, подтвердился, и ее срочно нужно везти на операцию в зарубежную клинику. До этого оставалась зыбкая надежда, что можно обойтись без операции, но состояние ребенка ухудшалось. Требуемая для поездки и лечения сумма была для него и родителей ребенка неподъемной, и сразу собрать ее было нереально.

Обсуждать эту тему не хотелось. Оставался единственный вариант – принять предложение своего бывшего сослуживца, устроившегося телохранителем у какого-то толстосума, присоединиться к нему и работать в паре с ним. Зарплата несравненно выше, плюс пенсия. Пообещав подумать, Рустам до сих пор не мог решиться оставить службу. Еще бы, в ней он видел свое призвание и совершенно сознательно посвятил ей большую часть жизни. Работал с полной самоотдачей, не жалея ни сил, ни здоровья. Но теперь от прежнего оптимистического настроя не осталось ничего, кроме разочарования в своих прежних идеалах.

Вечер и ночь прошли беспокойно. Он заново переживал события прошедшего дня. Часто выходил на балкон курить, мучился от бесконечной жары, тяжелого влажного воздуха, ежеминутно вспоминая беседку с ее тишиной и освежающей прохладой. Утром, невыспавшийся и разбитый после душной, безветренной ночи, как обычно, к восьми, он уже сидел за рабочим столом. Не дававшие ему покоя противоречивые мысли, связанные с дальнейшими действиями по заявлению, назойливо беспокоившие его всю ночь, никак не хотели отступать. Незаметно для него пролетели полтора часа, а он продолжал сидеть, словно в каком-то ступоре.

После девяти появился его молодой коллега с всегдашним выражением самодовольства на лице и, поздоровавшись, осведомился, есть ли какие-то соображения

по поводу вчерашнего заявления. Не дожидаясь ответа, как о чем-то давно решенном, добавил, что ему через пятнадцать минут идти на доклад к начальству и, с его точки зрения, целесообразно отписаться общими словами о том, что с изложенными в жалобе фактами досконально ознакомились на месте, но они не нашли своего подтверждения.

Рустам, поколебавшись долю секунды, хотел что-то сказать, но неожиданно для себя самого сдержался и согласно кивнул головой, подумав вдруг, что, как это ни парадоксально, в жизни ему не раз приходилось сожалеть о сказанном, но почти никогда о том, что промолчал.

Его коллега принял все, как само собой разумеющееся, неторопливо, с присущим ему осознанием собственной значимости, отправился на доклад. А Рустам тем временем продолжал нервно анализировать свой поступок, несовместимый с его собственными моральными принципами. Куда девалась прежняя принципиальность, упорство в отстаивании своего мнения, заряженность на поиск истины, внутренняя энергетика с присущей ему нацеленностью на максимальную умственную погруженность в круговорот версий и непреодолимое желание найти их связку. Он всем своим существом чувствовал произошедшую с ним за последние годы трансформацию в восприятии мира, деформацию сознания, вследствие чего он превратился в некоего интроверта, стороннего наблюдателя за происходящим вокруг него. И это было печальной правдой, которую он вынужден был признать. Более ее невозможно игнорировать и продолжать обманывать себя, думая, что все осталось, как прежде.

Он с горечью осознавал, что истина и справедливость, сама идея правосудия с некоторых пор утратили свое первоначальное, исконное содержание в контексте социальных отношений, приобретающих неприкрытый сословный характер с преобладанием факторов, крайне негативно влияющих на общепринятый порядок, общественное сознание, моральные ценности и правовые устои. Рустам четко для себя уяснил, что теперь уже не может обладать казавшимся еще не так давно неоспоримым правом действовать от лица справедливости и правосудия сообразно их содержанию. Работать, как прежде, было невозможно, ибо престиж права в глазах людей упал предельно низко, а закон, к сожалению, утратил свое императивное влияние на их образ мыслей и поведение.

Коллега вернулся с доклада в приподнятом настроении, сообщив, что начальство без обсуждения согласилось с его предложением закрыть дело. Рустам равнодушно кивнул и ничего не ответил. Во время обеденного перерыва он, вопреки обыкновению, решил выйти на улицу. Городом правила немилосердная жара. Воздух пропах пылью и гарью от проезжающих машин, но Рустам словно не замечал этого, его буквально наполняло ощущение спасительной прохлады и благостной тиши беседки. Погуляв минут двадцать, он вернулся к себе и без малейшего сожаления написал рапорт об увольнении из органов внутренних дел на пенсию по выслуге лет. Затем отнес его в канцелярию, попросив передать руководству. После чего с облегчением вздохнул и, не возвращаясь в кабинет, отправился домой, уже не испытывая изматывающей, тягостной, удушающей жары. Он с радостью и удивлением почувствовал легкое дуновение прохладного воздуха беседки.

Гастарбайтер

Так уж повелось, что первую часть пути обычно думаешь о тех, кто остался, кто тебя провожал, а вторую – о том, что тебя ждет в месте назначения. Вот и Самир, уложив свою небольшую дорожную сумку на багажную полку, удобно устроившись в кресле, закрыл глаза, погрузившись в воспоминания о малейших подробностях трехдневного пребывания в родительском доме.

Эти поездки домой носили систематический характер на протяжении последних четырех лет. Как правило, он отпрашивался на пять дней, больше не получалось. Накупив подарков для всех членов семьи, летел домой, переполненный гордостью от сознания того, что заработанные им деньги являются существенным подспорьем для живущих в нужде родных.

Первые минуты встречи всегда бывали особенно волнительными. Сдержаные объятия отца-инвалида, слезы радости матери и бабушки, оживленные лица сестренок-близнецов. После обмена приветствиями они будут долго сидеть за обеденным столом и внимательно, не перебивая, слушать его рассказы о московской жизни. А он в подробностях станет описывать свое житье-бытье. Они, каждый по-своему, будут представлять себе его в тех далеких от них краях. Домашним есть, чем гордиться. Еще бы, Самир за короткий срок многоного добился, причем исключительно собственными силами, без чьей-либо поддержки, а это о многом говорит. Все-таки есть справедливость на свете. Он работает в солидной строительной компании начальником отдела. Ему поручают самые сложные объекты. У него неплохой заработок, благодаря чему он купил себе в престижном районе Москвы изолированную квартиру с улучшенной планировкой, обставил мебелью, приобрел новый «Мерседес».

Им приятно, что Самир на хорошем счету у руководства, находится в резерве на повышение, постоянно получает премии, почетные грамоты. Ему несколько раз делали заманчивые предложения с серьезным продвижением вперед, но он пока раздумывает, поскольку привык подходить ко всему обстоятельно, всестороннезвешивать. Приходится постоянно работать над собой, повышать квалификацию, он прошел несколько тренингов для менеджеров, изучает английский. Свободного времени мало, но он успевает посещать театры, ездить на экскурсии. За эти годы у него сложился круг состоятельных друзей, многие из которых успешно занимаются бизнесом, имеют собственное дело.

После довольно подробного рассказа о себе Самир уходит отдыхать в соседнюю комнату и сквозь сон еще долго слышит, как родители и бабушка живо обмениваются впечатлениями, делятся своими мнениями об услышанном. Отец с нескрываемым удовольствием и гордостью повторяет слова, сказанные сыном об успехах на работе. Сам он тоже трудился строителем, но после аварии на производстве получил тяжкиеувечья, лишившие его возможности работать. Он с видом знатока обстоятельно объясняет матери и бабушке Самира, как сложно и ответственно возводить многоэтажки. Ведь в процессе приходится решать массу проблем, отвечать за профессионализм, трудовую дисциплину, безопасность людей, исправность техники, качество исполненных работ, укладываться в установленные сроки.

Они в один голос одобрительно поддакивают и исподволь сводят разговор к тому, что сыну пора обзавестись семьей. Негоже дипломированному специалисту, четыре года назад окончившему с отличием строительный институт и занимающему довольно высокую должность, имеющему хороший заработок, собственную квартиру и машину, оставаться холостяком. Отец в целом их поддерживает, при этом снисходительно объясняя, что об этом непременно нужно подумать несколько позже. Пусть пока не спешит. Тверже встанет на ноги, прочнее укрепит авторитет в глазах людей, заручится поддержкой влиятельных знакомых. С ним с готовностью соглашаются. Беседа еще долго продолжается в том же духе, но Самир уже засыпает, голоса удаляются все дальше, и он их уже не различает.

Следующие два дня он отдыхает. Предложил было помочь отцу по хозяйству, но тот и слушать не стал: приехал на несколько дней – отдыхай. Мать и бабушка ухаживают за ним, как за маленьким, поочередно уговаривают отведать чего-нибудь вкусненького, попить чайку с вареньем. Сестренки его немного стесняются, стараются не шуметь, заглядывают в глаза, пытаясь угадать в них малейшее желание, и стремглав, наперегонки бросаются его выполнять.

В день отъезда он тепло обнимется со всеми своими домочадцами и с легкой спортивной сумкой покинет родной двор. Из деревни до райцентра за час с небольшим доберется на попутке, а дальше междугородним автобусом в Баку, откуда поздним вечером вылетит в Москву.

Мерный гул самолета привычно убаюкивает. Самир иногда посматривает на часы. Большая часть пути позади, осталось лететь около часа. В Москве уже наступила глубокая ночь. Нужно будет дождаться утра и первым автобусом добраться до города, потом нырнуть в метро и успеть к половине восьмого на работу, чтобы начать очередной этап московской жизни.

Его отпустили лишь на пять дней, с условием, что если опаздывает, лишится работы, не помогут никакие объяснения. Людей не хватает, а сроки сдачи строящегося объекта давно нарушены. Самир воочию представил себе вечно недовольную физиономию бригадира гастарбайтеров, выполнившего, скорее, функции надсмотрщика. Выдавая зарплату, он нередко обсчитывает, на свое усмотрение немилосердно штрафуя за малейший проступок. Рабочий день будет длиться до полного выполнения, как правило, завышенного объема работ.

К вечеру замерзший, полуголодный Самир чувствует себя обессиленным. Потужинав с ребятами в строительном вагончике, он сразу укладывается спать, чтобы к утру успеть восстановить силы. Поутру, в любую стужу, нестерпимый зной, под дождем и при сильном ветре Самир будет добросовестно делать свое простое дело, крепить арматуру, сбивать опалубку, заливать бетон. При этом ни разу не пожалеет о том, что когда-то, не колеблясь, отклонил предложение одного из знакомых оборотистых парней устроиться работать в торговую точку.

Каждый вечер перед сном Самир будет продолжать подсчитывать в уме, сколько на этот раз понадобится заработать, чтобы в очередную свою поездку домой привезти не только деньги на пропитание и подарки, но и на капитальный ремонт их старого саманного дома, построенного еще дедом.

Самир представляет, как опять будет рассказывать родителям о своей полной интересных событий жизни, достигнутых успехах, радужных планах. Он делает это, прекрасно понимая, как им, задавленным нуждой, важно испытывать чувство гордости за сына, и только поэтому позволяет себе вводить их в заблуждение. Родные искренне радуются его достижениям, положению в обществе, и с надеждой думают о его благополучном будущем. Мысли об успехах сына придают им дополнительные силы и крайне необходимую уверенность в завтрашнем дне. Парень это хорошо понимает и ему не стыдно за свою, по сути, невольную и одновременно невинную ложь. Несмотря на все тяготы, социальную неустроенность, в душе у него все-таки еще продолжает сохраняться хотя и эфемерная, но надежда на возможность изменить к лучшему свою жизнь. И это придает ему силы.

Металлические двери

Провожая мужа на работу, Земфира задержала его руку в своей и извиняющимся голосом напомнила, что вечером нужно отдать деньги за новую металлическую входную дверь в подъезде. Агиль выслушал ее, не скрывая неудовольствия, и вышел, ничего не ответив.

Идея соседей заменить еще прочную деревянную дверь на металлическую вызвала у него сильнейшее раздражение. Что за повальное увлечение? Четырнадцать квартир из пятнадцати в их подъезде уже отгородились от внешнего мира массивными стальными, бронированными чудовищами, мрачно взирающими на проходящего. Резкий лязг открывающихся либо закрывающихся засовов, громыхание сейфовых замков вызывало у него самые неприятные ассоциации. Глядя на эти творения тюремного стиля, несложно было представить их воздействие на психику.

Возмущало Агиля и то, что кое-кто считал для себя возможным довольно бесцеремонно интересоваться, почему он до сих пор не поменял деревянную дверь на металлическую. Эпидемия какая-то, да и только. Хотя, возможно, она вызвана возросшей нервозностью, настороженностью, агрессивностью общества, связанного с нарастанием криминализации.

А у Агиля в памяти еще оставались воспоминания о прежних, легких, дощатых и диктовых дверях и придверных ковриках, под которыми люди доверчиво оставляли ключи от квартиры. Зачастую двери вообще не запирались. Уходя ненадолго, по-свойски предупреждали соседей по лестничной клетке, чтобы присмотрели, пока кто-нибудь из домашних не вернется. И ничего, жили. Ходили к соседям в гости, при необходимости оставляли у них детей, вместе сердечно отмечали семейные торжества, поддерживали друг друга в беде.

Будучи принципиальным врагом металлических дверей, Агиль выходил из себя при упоминании о них. Их вид коробил его, как и многое из того, с чем приходилось ежедневно сталкиваться. Металлические двери стали для него олицетворением так называемых демократических преобразований. Если в собственной квартире он был волен сам принимать решения, то в подъезде, хочешь не хочешь, надо считаться с мнением большинства. А если ты с ним не согласен?

Дело, конечно, не только в дополнительной, бессмысленной с его точки зрения трате денег. Хотя и это немаловажно. Но главное в другом. С какой стати он должен оплачивать чьи-то фобии? Врагов у него не было. Причин прятаться от людей он не видел, нувориши не был. Работая сварщиком, был целиком поглощен вопросом материального обеспечения семьи и воспитания детей. На работу он пришел в расстроенных чувствах, и проклятая металлическая дверь весь день не выходила у него из головы. Будучи по образованию архитектором, он не переставал с возмущением взирать на превращение человеческого жилья посредством бездумных установок заградительных металлических дверей и решеток в бункеры, напрочь уничтожающие эстетику и предназначение жилища, несомненно, влияющие на необратимое изменение психотипа их обитателей. По подъезду становилось жутко ходить, словно по обезлюдевшему сырому подземелью. Никогда не знаешь, что произойдет или происходит за той или иной угрожающего вида дверью. Поэтому не терпелось как можно быстрее преодолеть привычную дистанцию до своей квартиры. Что за наваждение? Чем оно вызвано? – тщетно пытался разобраться Агиль. Вездесущие охранники, полосатые шлагбаумы, металлические двери, максимально зарешеченные балконы представлялись ему символом пирровой победы псевдodemократии с навязываемыми ее адептами ценностями.

Неслучайно в последнее время жене даже стало казаться, что за деревянной дверью, какrudиментом прошлого, становилось небезопасно, ибо она не соответствовала новым веяниям и из-за этого выглядела вызывающе. Но все просьбы жены Агиль пропускал мимо ушей и игнорировал.

Для него вопрос стоял принципиально, и отступать от своих убеждений он был не намерен ни при каких условиях. Проблема гипертрофировалась, и суть ее состояла уже не просто в деревянной или металлической двери, а переросла в философское представление об образе и укладе жизни. Он как бы утверждал, что ему нечего прятать от людей. Весь сгусток жизненных перипетий постепенно сосредоточился для него на этой двери, ставшей своеобразным камнем преткновения. Он искренне полагал, что его отношение к интервенции металлических дверей в социум является взвешенной, объективной реакцией здравого смысла на циничное глумление над здравым смыслом. Предельно раздражала сама мысль о том, что его пытаются принудить ходить к себе домой через тяжелые и холодные металлические двери. Бессмысленность затеи соседей была очевидной. Ссылка на необходимость кода вообще смехотворна.

С раннего утра и до позднего вечера по подъезду шныряли шумные, навязчивые торговцы фруктами, овощами, различной фурнитурой, явно ворованными сервизами и наборами электротоваров, распространители рекламных листков. Код дверного замка не представлял для них никаких препятствий.

Один из выходных дней Агиль полностью посвятил своей квартирной двери. Он тщательно зашпаклевал, отшкурил ее, проолифил и покрасил в бежевый цвет, предварительно тщательно смазав маслом старый английский замок. Трудно было не согласиться, что дверь его выглядела наряднее и уютнее соседствующих с ней монстров. Агилю казалось, что тем самым он расставил все точку над «*и*» в споре с экспансиею металла. Он было успокоился, но его раздражительность усилилась на следующий день после случайно услышанной фразы соседа, по обыкновению ни с кем не считаясь громко разговаривавшего по мобильному телефону. В качестве точного ориентира для собеседника тот указал, что его квартира расположена прямо напротив деревянной двери бежевого цвета.

Что за напасть, – думал Агиль. – Наша обыкновенная дверь становится достопримечательностью, раритетом. Его и без того неважкое настроение вконец испортилось за ужином, когда старшая дочь, поддерживаемая сочувственными взглядами жены и сына, завела речь о двери. В ожидании ознакомительного визита родителей ее будущего жениха злополучная дверь казалась девушке ущербной, жалким пережитком прошлого, и не лучшим образом влияла на имидж семьи во мнении окружающих.

– Тогда и я покажусь им пережитком! – с возмущением произнес Агиль и вышел из-за стола. Надо же такому случиться. Оказывается, старой, но еще добротной доброй деревянной двери уже не осталось места среди тяжеленных, агрессивных, пуленепробиваемых, оснащенных видеокамерами всевидящих коллег. Новая жизнь ее просто вычеркнула.

Чтобы успокоиться, он решил пройтись по воздуху и спустился во двор. У подъезда ему повстречался сосед со второго этажа, умудрившийся самым беззастенчивым образом выдвинуть свой балкон на шесть метров вперед, перегородив жильцам путь толстыми металлическими трубами и вынудив их обходить. Снисходительно улыбаясь, он с покровительственным видом сообщил, что готов внести долю Агиля за входную дверь в подъезд, добавив, что намерен менять дверь в свою квартиру на двойную, а прежнюю может продать Агилю по сходной цене. Опешив от услышанного, Агиль не нашелся, что ответить, и, махнув рукой, прошел мимо.

...Ночью ему приснилось сборище обступивших его со всех сторон толстенных металлических дверей, оглушительно гремевших огромными стальными засовами и другими аксессуарами. Они неотступно преследовали его и угрожающе теснили до самого четвертого этажа, готовые раздавить в любую минуту. Он, опередив их на долю секунды, едва успел заскочить домой и захлопнуть за собой спасительную бежевую дверь, слегка перевести дух. Но радость спасения оказалась преждевременной. Одна входная и четырнадцать квартирных разъяренных дверей внезапно обрушились своей безжалостной холодной металлической массой на тоненький, беззащитный дикт, аккуратно защищенный и свежевыкрашенный в бежевый цвет. Сокрушительной силы удар вмиг разнес все в щепки, оставив зияющую черную дыру.

Агиль закричал от ужаса и проснулся в холодном поту. Бешено колотившееся сердце никак не хотело униматься. Уже прия в себя от пережитого, он не сразу сообразил, что это был просто страшный сон. А когда наконец это осознал и чуть успокоился, ожидаемого облегчения не почувствовал. Неосознанный страх не отступал. Более того, наяву чувство тревожности не ослабевало, а только нарастало, давило, охватывало необъяснимым страхом.

ГЮНЕЛЬ ЭЙВАЗЛЫ

Причина

**Земля – это не место,
Где всем покоиться вместе.
К примеру, безымянный буддист
Сжигает отца на костре,
Мать хоронит в ветрах.**

**Горы не для того,
Чтоб через них переваливать!
Им предписано скрывать
Кое-что за спиной!**

**Солнце – не тепло
И не свет,
Как ты считаешь.
Оно всего лишь должно
Испарять пот твоих пор.
Чтобы небо покрыли облака
Для очередного дождя..**

**Сквозь тесные врата
Людям удастся пройти
Лишь цепляясь друг за друга.**

**А еще
Море вовсе не для плаваний!
По нему можно ступать, как Христос,
Если не думать: «Чем он лучше меня?»
И – отбросить вопрос!**

Река

**О, река, что течет по этим краям!
Ты ищешь новое русло на груди равнины.
Тропы заросли травой, а склоны все в щебне.
Путь прокладываешь в долины, но они не твои.
Попробуй течь в горы.
Там ты сольешься с реками бурными.
Может, найдешь там пенные воды.
Не спрашивай у меня совета,
Я не знаю.
Я сама на распутье
Молю о капле воды.**

Платоническая любовь, или не хотела бежать от тебя

**Клянусь статуей, сотворенной
Руками Пигмалиона:
И я, как наша праматерь Ева,
Сотворена из кости.
Я оберегала, точно ребро,
Сердце твое.
Не хотела бежать от тебя.**

**Ты так и не понял,
Почему испугалась я? Почему бежала?
Я заперла чувства свои.
Замуровала мечты.
Не хотела бежать от тебя.**

**Человек, которому поклоняются нимфы,
Ты силён и отважен.
Будешь бежать без устали
За своими желаньями.
Не хотела бежать от тебя.**

**Я приходила к тебе потому, что
Занимала место в сознанье твоем,
Ты отдалялся от плоти моей
И постигал суть любви.
Не хотела бежать от тебя.**

**Что застило твой взор?
Красота, что бессмысленна?
Желанье прикоснуться ко мне?
Легенда о Зевсе и Ио?
Не хотела бежать от тебя.**

**Беспомощен ты перед тем,
Что предначертано богами.
Не хватает мне сил
Высказать тебе желанье свое.
Не хотела бежать от тебя.**

**Путь далек, и я далека.
Отпусти свои чувства
И прямо взгляни мне в глаза.
Не хотела бежать от тебя.**

**Не знала, что эта любовь
Завершится лавровым венком,
И тот украсит главу Аполлона,
Словно свидетель
Всех предстоящих любовей.
Не хотела бежать от тебя.**

Здесь – мы

**Здесь – мы,
Центр мира,
Длина дорог,
Сжатость жизни –
Место, где исчерпано слово.**

**Здесь – мы,
Каракули,
Покрывающие страницы.
Лишний день в календаре.
Открытье, и в то же время
Закрытье дверей.**

**Здесь – мы,
Желтая пустыня,
Выжженная солнцем,
Без травинки и тени.
Бедуин,
Скачущий на коне.
Сомали,
Что видит воду во сне.**

**Здесь – мы,
Заразная чума –
Пир и дворец.
Выпиваем залпом
Бокалы, что нами полны.
И нам наступает конец.**

**Здесь – мы,
На месте креста,
Что приколот к стене,
На месте креста осевого.
Ни в руках грешника,
И ни святого.**

**Здесь – мы,
Холодные стены,
Холодный дом.
Либо умерли,
Либо еще умрём.**

**Похожи на всех,
От каждого отличны.
Может, начало,
А, может, конец
Жизни обычной.**

Арахна – женщина-паук

**Холодная улыбка застыла на твоих губах,
Женщина, в счастье, любви нуждаешься ты.**

**Скажи-ка,
Арахна, не ты ли сплела
Меридианы и параллели, секущие карты,
Границы, что сеют рознь между странами и людьми,
Старческие морщины, которых боятся женщины?**

**Неужели совсем не устала
Висеть в одиночку над своей паутиной –
Жизнью, квартирой?
Тебе не надоело
Обнимать сеть из шелка и тюля
Вместо родного, близкого тела?**

**Будь я смелей, сказала б тебе:
«Сплети для меня мост встреч и слияний».
Словно Сират, соединяющий
Тот мир с этим наподобие ленты.
Словно Босфор,
Скрепляющий континенты.
Словно Банпо, о котором
Пишут корреспонденты.**

**Хочу забыть вертящуюся на языке
Фразу «откройся, сим-сим»
В тот миг, когда обрету ненаглядного
В пещере, где нет иных сокровищ.
Хочу найти любовь за закрытыми дверьми.
Хочу стать счастливой.**

**Арахна,
Сплети уютное гнездышко
На потолке дома, полного тепла и любви.
Либо в шумливом детском саду,
Где веселье и смех гонят беду.
Или в дупле дерева,
Что только-только распустило листву.**

**Давай вместе повиснем на своих руках,
Обратим всё прошлое в прах.
Давай-ка песни петь, писать стихи, рисовать,
Сочинять сказки, плести из узоров путь,
Чтоб обмануть себя, Арахна, обмануть.**

Нимрод

**Гляжу на ладони –
Линия Судьбы указывает путь.
В храме города Ур
Приносят жертвы в честь Нанна.
Человеческие черепа.**

**От света, падающего на лицо,
Я сияла, как Син.
Вдобавок я алкала
Стать Илахой.**

**Все прежние книги сожгли.
Забвение ужасно.
Того, кто нес в голосе Логос,
Распяли.
Насими повторил судьбу Иисуса.**

**Теперь настало время говорить.
Хотя бы как я – вокруг да около.
Настало время вспоминать.
Вспомни древность – своё Древо.
Я не отприск обезьян!**

**В каждой молитве есть вера и мера.
Удел.
Предел.
Пред тем же храмом курган из тел.
Ради чего поднимают здесь знамя?
Стирается память.
То есть мы потихоньку
Превращаемся в Луция, воспетого Апулеем.**

**Каждую ночь мне сняться
Сирийские дети, убегающие босиком,
Малыши в Карабахе, пронзенные штыком.
Встает в горле ком.**

**Авраам разломал идолов.
Но мы и поныне
Почитаем золотого тельца.**

**Раскрываю ладони в приветственном жесте,
Но в них бросают подаяние,
Словно в банку из жести.
А я говорю: «Посмотри-ка
На мою судьбу».
Те же линии тебя уведут
Туда, куда шествую я:
Не к казнё, а на казнь!**

Ребенок

**Рисует своим воображением
Портрет отца.**

**Полумесяцем бровь, а глаза – черные точки.
В отцовской ладони собран взгляд дочки.**

**Она не в силах воплотить отца, не виденного ни разу,
По рукам и ногам связан ее разум.**

**Но воображенье всё ж пытается что-то начертать,
Рождаются новые слова, малышка пробует писать.**

**Пишет фразу, пишет слово:
«Приди ко мне», «Меня забери».
Но отец-то лишь нарисован.**

**Папа, дай мне взять тебя за руку.
Хотя бы день побудь со мной рядом,
Пусть смотрят подружки восхищенным взглядом.**

**Когда ты придешь?
Когда посмотришь на мои отметки?
Я заняла первое место на соревновании, поздравь меня.**

**Думать о тебе каждый день, рисовать твою тень
Так же трудно, как попасть в мишень.
Я молча вздыхаю и смотрю на дороги-пути,
В каждом прохожем пытаюсь тебя найти.**

**Не говорит никто о тебе, будто пропал без вести.
Вот так ты превращаешься в бурю моей ненависти.**

**Так, детский интерес, увидеть бы тебя хоть раз,
Чтоб в памяти запечатлеть, вобрать через зрачки глаз.**

**С одним и тем же рисунком каждый день я лицом к лицу,
Я маму воплощаю взамен отцу.**

Бежали

**Мою боль
Не перевести ни на один из языков.
Нас выстроили в ряд.
Затем расстреляли.
Дети играли в мяч.
Вмиг смолкли и убежали.
Затем и мы убежали.
Волосы зацепились за колючую проволоку.
Мы оставили волосы. Что от них толку?**

Мое молчание
Не перевести ни на один из языков.
Нас выстроили в ряд.
Затем расстреляли.
Каждая прихватила своего идола
И бежала...
Башмаки зацепились за порог.
Мы бежали со всех ног.

Мои слезы
Не перевести ни на один из языков.
Нас выстроили в ряд,
Затем расстреляли.
Мы обернулись в кроваво-красные флаги
И бежали...
Оставили всё, кроме тела голого.
Бежали сломя голову.

Мои слова
Не перевести ни на один из языков.
Нас выстроили в ряд,
Затем расстреляли...
Но не прикончили!
Мы с собой ничего не взяли.
Мы бежали... Бежали...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЛЕЙЛА БЕГИМ

Оранжерея

МИНИАТЮРА

Мальчик робко вошел в шумный многолюдный дом.

Отовсюду доносились крики. Ароматы специй и обедов вперемешку с запахом кошачьей мочи били в нос.

Строительная пыль, идущая столбом из распахнутой настежь парадной двери, не давала дышать.

Он на минуту затаил дыхание, зажмурил глаза и крепче прижал к груди небольшой стаканчик, из которого смущенно выглядывали головки белых соцветий.

Недолго размышляя над тем, что ему следует поторопиться, он открыл глаза, сделал глубокий вдох и поспешил наверх. Винтовая лестница, похоже, была бесконечна. Наконец он оказался на лестничной площадке, ведущей в длинный, похожий на туннель коридор с множеством дверей.

На лестничной площадке собирались дети, о чем-то горячо споря.

Он остановился. Прислушался. Склонившись над телефоном, три хорошенъкие девочки-подростка спорили над фотографией.

– Да-да! Вот так – подкороти ещё нос!

– Ну, ты с таким носом на Чебурашку похожа!

– Так лучше на Чебурашку, чем на Шапокляк, – захихикала одна из девочек.

– Сами вы крокодилы! Отдайте телефон! – воскликнула девочка, минуту назад просившая подкоротить нос. Выхватив из рук подруги телефон, она резко повернулась и оказалась лицом к лицу с ним.

– А ты что разинул рот? Подслушиваешь?

– Простите, я только хотел пройти и услышал ваш спор. Вы все такие красивые!

– Да пошёл ты!..

– Красивые! – скривив гримасу, передразнила его вторая девочка.

Он, густо покраснев, ещё крепче прижал к груди драгоценный сосуд с цветами, поспешил дальше.

«Прочь отсюда! Наверх!» – подумал он.

– Посмотри на эти жалкие цветочки в стаканчике! Смотри, не пролей воду! – бросила вслед Шапокляк.

«Точно ведь, Шапокляк. Чебурашкой ей никогда...»

Но мысль свою он не успел закончить.

Сверху лилась божественная мелодия. Вместе с ним завороженно, выгнув спинки, приподняв свои белые головки, цветы слушали музыку. Они тянулись вверх. Наливались силами.

Глаза мальчика наполнялись слезами. Когда эти волшебные звуки смолкли, он опять поспешил наверх. Винтовая лестница вела его с этажа на этаж, на каждом из которых появлялись люди, но они, словно призраки, проплывали, не замечая его.

Наконец на самом верхнем этаже дома показалась дверь. Одна-единственная. Оттуда с любопытством глазел черный пушистый котёнок. Он напоминал моллюска, выглянувшего из своей спиральной раковины.

«А ведь и весь дом со своими жителями напоминает большую улитку», – улыбнувшись своей мысли, он робко постучал в открытую дверь.

– Дверь открыта. Входите, – ответила молодая девушка.

Внезапно мальчик почувствовал, что он стал расти. В прихожей, увидев в зеркале отражение взрослого юноши, он стал уверенней себя чувствовать.

– Простите, это здесь играли?

– Да. Это я играла. Хотите, я сыграю вам ещё что-то из своего?

– О, да! Пожалуйста!

Девушка знаком пригласила его в комнату.

– Какие очаровательные цветы! Подснежники?

– Да. Я ищу оранжерею. Мне сказали, что в этот доме, на мансарде, есть оранжерея. И здесь можно посадить эти цветы.

– Верно. Можно. Это моя оранжерея. А кто вам сказал об этом?

– Девушка из сна. Но я ее не запомнил. Кроме того, что она была глуха. Зато четко помню адрес: улица Нежданная, 25.

– Так значит, это была я! – звонко рассмеявшись, ответила девушка.

– Вы глухи?

– Да. Я читаю ваши слова по губам. Гостей встречает мой котёнок. Если он бежит к двери, то я знаю, что пришёл посетитель. Дверь я не запираю даже на ночь.

– Но как вы пишете музыку?

– А как Бетховен ее писал? Не знаю. Музыку я слышу. Это единственное, что я слышу.

«И слава Богу», – тяжело вздохнув, подумал юноша. Но вслух произнес:

– Поиграйте мне, пожалуйста ...

Девушка села за фортепиано. Вскинув над инструментом тонкие кисти рук, напоминавшие тюльпаны, она слегка покачнулась и ласковым, но властным движением оживила находящиеся в ожидании клавиши. Чёрное-белое-белое-чёрное-вверх-вниз-вверх и снова вниз – как на качелях, раскаивающихся над всем домом, они летели вместе с нотами. Перебирая все цвета – от белого к чёрному, от чёрного к белому.... От тихой, светлой грусти через пронзающую до острой боли чёрную тоску к летящему на белых крыльях надежды ощущению счастья, которое в последнее мгновение таяло, и снова нарастали боль и тоска...

Когда музыка стихла, юноша плакал.

– Почему ты плачешь? – она незаметно для них обоих перешла на «ты».

– Мне было очень больно... И вместе с тем так прекрасно...

– Все прекрасное когда-то становится привычным. Но когда и оно заканчивается, наступает боль. Это неминуемо. Идем, посадим цветы? Я мечтала о подснежниках. Их как раз у меня в оранжерее не было. Наверное, поэтому я тебе и приснилась.

– Идем.

Она взяла его за руку, и они поднялись дальше по винтовой лестнице.

Наверху юноша ахнул. Он не ожидал увидеть такую яркую, большую оранжерею. Вот ведь, действительно, улица Нежданная!

Девушка, стоя с ним рядом, не могла читать по губам, но она уловила его реакцию.

– Да! – любуясь оранжереей, ответила она. – Мне есть, чем восхищаться. Я люблю цветы, и они любят меня. А еще они любят мою музыку.

– Еще бы не любить! Посмотри, что стало с моими подснежниками! Они буквально окрепли на глазах.

– Ну, вот и самое время их пересадить.

– Выбирай горшок.

– Можно этот чёрный?

- Конечно. А почему ты выбрал черный, знаешь?
- Интуитивно.
- Ты все верно выбрал. Теперь он уже не будет смотреться черным. – Она подвинула к нему горшок. – Давай, займись делом.
- Бережно посадив цветы и отряхнув испачканные землей руки, он облегченно вздохнул.
- Ну вот, похоже, получилось. Теперь они будут цвести не раз в год в феврале, а круглый год! Спасибо, что ты приснилась мне!
- И тебе спасибо, что зашел ко мне на Нежданную. Ты знаешь, по этому адресу живёт много семей. Но никто из них ни разу не поднимался ко мне.
- Да, я встретил пару человек в дороге. Почему они не заходят?
- Они пока не осознают, насколько нежданна их жизнь... Не знают о существовании этого этажа. Они его не видят. Музыку мою не слышат. Таких, как ты, очень мало. Видишь эти цветы? Каждый из них посажен таким, как ты. Вы приходите сюда, в оранжерею, с одной целью – посадить свои цветы. Но очаровавшись, остаешься. Потом снова покидаете ее... Чтоб вновь когда-нибудь возвратиться. С новыми цветами. Оранжерея разрастается. Постепенно аромат этих цветов вытеснит все те запахи, которые ты ощущал внизу. Музыка заполонит весь дом. И жители дома на конец услышат ее. И поднимутся ко мне.
- Чтоб насладиться прекрасным. Я не хочу отсюда уходить. Можно, я останусь здесь? Я буду помогать тебе. Ухаживать за цветами.
- Конечно. Ты можешь остаться здесь до того момента, пока не почувствуешь, что должен уйти.
- А когда я это почувствую?
- Ты же находишься на улице Нежданной. Не загадывай. Просто живи.

Фотис

Эссе

Дорога долгим серпантином стелилась в гору. В лучах осеннего солнца она переливалась змеей, отражаясь в сонном сознании лабиринтами, по которым я все ещё бродила в надежде на встречу с Минотавром... Сколько любви и сколько ненависти скрыто в развалинах Кносского дворца? Сколько легенд и сколько правды?...

Там, где в шрамах камней – лабиринты и счастья, и горя, горизонт – золотой, но горчит молодое вино...

– ответил мне Голос, звучащий обычно в самую неподходящую минуту.

Надо записать, – только подумала я, как в этот момент Ирина Анастасиади – президент творческого фестиваля, на который съехались писатели из разных частей света, – объявила о том, что мы доехали до места назначения.

– Друзья, выходим. Те, кто хочет подняться пешком к пещере Зевса, идут за мной. Кому сложно подниматься пешком, могут взять ослика. Те, кто не желает идти, утомились в Кноссе, могут подождать нас в таверне, – объявила она и вышла из автобуса.

За ней последовали практически все.

И только трое оторвались от основной группы в поисках ослов. Очень скоро наша смелая троица дошла до «ослиной» станции. В стойле нас ожидали три красавца, морды которых были украшены цветными оберегами и бубенчиками.

Как на заказ. Каждому – по ослу.

Ко мне подошёл проводник с глубокими карими глазами и подвёл к чёрному четвероногому. Как мне показалось, в его тоскливом взгляде разгорелся огонь.

– Осла зовут Фотис, – объявили проводник. – Он любит, когда к нему обращаются по имени и хвалят.

– За этим дело не станет. А это безопасно? – спросила я, бросив обеспокоенный взгляд на крутой подъём, по которому нам предстояло подняться.

– Абсолютно, – уверенно ответил проводник.

Я победоносно оседлала осла, улыбнувшись воспоминаниям детства, в которых мама, сев на осла, впервые встретила моего отца. Это было на пляже кардиологического санатория в Билья. Папа порой шутил: «Надо же было ослу выйти ко мне на дорогу...»

Из прошлого меня возвратил мой статный спутник, который, как библейский герой, выбрал себе белую ослицу.

– А у вас в Баку есть ослы?

– Они есть повсюду. Разве не так? – не без лукавства спросила я.

– Ну разве стану я с вами спорить? Повсюду, так повсюду, – благородно улыбаясь, заключил он, и наша ослиная процесия тронулась в путь.

Впереди гордо гарцевал осёл, играво размахивая своим шоколадным хвостом. Его наездница уверенно держалась в седле, явно довольная своим выбором.

Мой осел был покладистым и действительно падким на похвалу. После каждого моего «Bravo, Fotis», он встряхивал своей блестящей гривой, играво двигал ушами и ускорял шаг.

Очень скоро мы поднялись на тропинку, откуда справа открывался вид на горы и долину, поделённую на квадратики, напоминающие звенья лабиринта...

– Удивительная земля! – восхищенно воскликнула я.

Проводник, все это время с трудом изъяснявшийся со мной по-английски, видимо, не нашёл, что ответить, но одобрительно кивнул головой. Затем он махнул рукой вниз, указывая мне на что-то...

Внизу, отказываясь подниматься, на месте топталась белая ослица. Ну прямо Валаамова ослица!..

К добру бы... – подумала я.

Проводник покачал головой, сопереживая своей коллеге, которая поддерживала зад ослицы, то ли чтоб помочь упрямице, то ли – себе, чтоб не скатиться вниз.

– Господи! Помоги... – взмолилась я, но мы уже продолжали путь, и я не имела возможности наблюдать за происходящим позади нас.

Мой чёрный друг излучал свет и тепло, отогнав все мрачные мысли.

Ещё километр, и мы были у цели. Валаамова ослица угрюмо плелась сзади, покачиваясь с боку на бок.

Счастливые, уже позабыв все трудности, мы соскочили с ослов, поблагодарили проводников и пошли дальше пешком к входу в пещеру Зевса.

Вход в пещеру напоминал **ОКО**. Я невольно содрогнулась от собственного сравнения, вспомнив строки из «Одиссеи» Гомера:

«Никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос»...

ОКО своим темным, глубоким, магнитическим зрачком потянуло меня за собой – дальше, вглубь...

Винтовая лестница и здесь напоминала лабиринт! Ступеньки были скользкими, блестящими, напоминая чешую змеи. Я еле удерживала равновесие, но ноги, словно ставшие отдельной частью моего тела, вели меня вниз...

По стенам стекала вода – слезы вечности, – подумала я... В это же мгновение я почувствовала холодное дуновение... Дыхание Хроноса?..

**Я услышу ту песнь – колыбельную вечного ветра,
Вереницы стихов, хороводы античных гетер,
И как пахнут дождями грехи Ипполита и Федры...**

– прошептал тот же Голос, звучавший в автобусе.

Надо записать, – подумала я, достав телефон, чтобы наговорить строки в диктофон. Но тут у меня поскользнулась нога... В последующие доли секунды перед глазами проплыли молодые родители, я, бегущая навстречу им, школьные товарищи, мой библейский герой...

– Давайте я вас сфотографирую, – поддерживая меня, предложил высокий брюнет атлетического телосложения.

– О, спасибо! – мгновенно отреагировала я, протянув ему свой телефон.

Я позировала, забыв о всех страхах, стихах, и даже о том, где я нахожусь...

– Пожалуйста, – указав в телефоне на явно удачную свою работу, молодой человек вернул мне телефон. – У вас очень небезопасная обувь.

– Я знаю, – смущенно ответила я, не зная, куда спрятать свои ноги в кожаных шлепках, которые я забыла сменить на кроссовки утром в гостинице.

– Держитесь за меня, пойдем вместе к выходу, – твердо, не спрашивая моего согласия, заявил он.

Как о нас «Одиссею» слагает оживший Гомер,

– ответно прозвенел Голос...

– Лейла. На арабском «Ночь», – представилась я, взяв моего нового друга за руку.

– Фотис. На греческом «Свет».

Передо мной вырос добродушный образ черного четвероногого и мне казалось, что я уже улыбалась не своему новому спасителю, а ему, ведущему меня вверх, где меня заждались друзья, обеспокоенные моим долгим отсутствием.

По дороге в гостиницу я все же записала Голос на диктофон:

**Мне приснится когда-нибудь остров штурмящего моря,
Где песок обжигает ладони, впитавшие соль,
Там, где в шрамах камней – лабиринты и счастья, и горя,
Горизонт – золотой, но горчит молодое вино...
Я услышу ту песнь – колыбельную вечного ветра,
Вереницы стихов, хороводы античных гетер,
И как пахнут дождями грехи Ипполита и Федры,
Как о нас «Одиссею» слагает оживший Гомер...**

ТОФИК АГАЕВ

Пожить бы чуточку вечно

**Ведь это идеально:
Жить небу вертикально.**

**Об одном мечтало сердечко:
Пожить бы хоть чуточку вечно.**

**Полезно подумать о том:
Ты – книга в экземпляре одном.**

**Ожидают свой час и миг
Страницы неписанных книг.**

**Слово так износилось –
К доктору просилось.**

**У змеи бесплатно тут
Только яблоки растут.**

**Слово обнажил до скелета,
Не выдало оно секрета.**

**В самом сердце красота,
А правее – пустота.**

**С каких не посмотришь точек,
Все мы – диогены бочек.**

**Вправду или понарошку,
Мы все – люди понемножку.**

**Дар такой поэтам дан –
Красоту загнать в капкан.**

**Человек же – чудо сам,
А не верит чудесам.**

**До конца времён
Жизнь дана взаём.**

**Лишь ангелы и дети
Ловят ветер в сети.**

**Тайну изо всех сил
Хранят жильцы могил.**

**Стих рождён стихами,
Как небо – небесами.**

**Что солнце в продаже,
Не думайте даже.**

**Всё сразу и всё разом
Увидеть бы «третьим глазом».**

**Стишок чуточку мутный,
Зато не сиюминутный.**

**Проживаем целый час
В нескончаемом «сейчас».**

**Поднявшись на гору, оглянись,
Отныне все тропы ведут вниз.**

**Такая вот молва:
Смерть всегда жива.**

**У свободных от земного бремени
Часов нет плохого времени.**

**Найти в себе сумей
Частичку всех людей.**

**Человек хороший шибко:
Впереди лица – улыбка.**

**Ключевое слово в том смысле,
Чтоб открыть замочек мысли.**

**Не бывать жизни иной,
Как афоризм она длиной.**

**Скажем не греша:
Кровь и есть душа.**

**Потрудился славно я,
Сдув пылинку с муравья.**

**Без огня или с огнём,
Счастье видеть звёзды днём.**

**Достойно почитания –
Наполненность молчания.**

**Вселенную обживаем,
Что за поворотом – не знаем.**

**У жизни есть свой вектор,
И ты его архитектор.**

**И не было лучше брата,
Такого, как Сократа.**

**Его Высочество –
Радость одиночества.**

**Глядя на звёзды, реши
Устройство своей души.**

**Сохнет роза на ветке –
Выпусти соловья из клетки.**

**Лучшее из пожеланий:
Не желай себе желаний.**

**Мечта о рае крепнет,
Где радуга не меркнет.**

**Множество звёзд у неба
Для тех, у кого нет хлеба.**

**Некий ангел в тиши –
Лучшая часть души.**

**Приятно даже раку
Вернуться в свою Итаку.**

**Нет лучше упражнения –
Себя умопостижение.**

**Время – лишь иллюзия,
Зря, напрасно злюсь я.**

**Сказал мудрец однажды:
Весёлый плачет дважды.**

**В жизни пусть не всё ясно –
Кланяйся ей опоясно.**

**Молод или стар,
Думать сердцем – дар.**

**В человеке человечность
Да поселится на вечность.**

**Опять день прошёл,
До нас не дошёл.**

